

Владимир Бочарников

ТЕРРИТОРИЯ ОХОТЫ

Москва, 2017

Издатель Мархотин
СДЕЛАНО - СКАЗАНО

УДК 82-3.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Б86

*«Научникам» советского времени,
орнитологам и охотоведам
моей прежней страны
ПОСВЯЩАЕТСЯ
эта книга!*

Бочарников В. Н.

Б86 Территория охоты / В. Н. Бочарников. — М. : Издатель
Мархотин П. Ю., 2017. — 236 с. : илл.

ISBN 978-5-00038-297-4

УДК 82-3.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00038-297-4

© Бочарников В.Н., 2017
© Помыткина О. Г., Сурначева А.Д.,
иллюстрации, 2017

ВВЕДЕНИЕ В ЭТУ КНИГУ

Мыслителей традиции постклассической философии объединяло желание расчистить почву от догматических представлений о природе, о реальности, о жизни...

Как некой не зависящей от человека действительности, а самого человека представлять «продуктом природных, божественных или социальных сил»...

Эту книгу я «набирал» как мозаику жизни из разрозненных рассказов и очерков.

Когда-то задуманные, навеянные «горячими» для меня событиями, но недомысленные и недописанные, они остались неопубликованными.

А желание поделиться пережитым ушло в глубины моего бессознательного, и оставалось там десятилетиями.

И только недавно я нашел в себе ресурс памяти о тех далеких уже событиях. Вспоминал, заново их осмыслил для себя, выправил и изложил здесь на страницах этой книги.

Еще я написал несколько рассказов, которых не было раньше по тем темам, что появились уже в процессе подготовки книги.

Эти события прошлого пришли и «попросились на волю». Я позволил им появиться, стать видимыми, живыми, почти осязаемыми...

Результат - две мои книги... Диалогия. Они существовали давно как память об ушедшем... Они воплотились в письменные строчки и стали видимыми «раздумьями» уже и о настоящем...

Они будут жить и как совершенная попытка моего желания заглянуть в будущее.... Как-то в то неизвестное, чего еще нет как свершившегося...

За мыслью – идет слово, за словом следует эмоция как переживание, и эмоция как желание, которое творит пространство, в которое постепенно воплощается реальность.

Здесь, в этом сотворенном авторским желанием пространстве, я представляю свою книгу №2. Для тех, кто не читал книгу № 1 коротенько сообщу о ней.

В первой книге мной было заявлено, что по своему образованию, по ментальности раннего периода моей жизни, а еще по той социальной кальке своей природы, в этой жизни я – ОХОТОВЕД!

В книге «Время охоты» я постарался изложить мое видение природы в характеристиках диких животных, и в рассказах о харизматичных людях, которым нравится быть «своими» в природе.

Проблемы, конфликты, удачи и ошибки, как счастье и успех составили ее смысл.

Но у меня многие годы росло и крепло желание написать о таежной жизни... А еще о своих устремлениях и мечтах (что вперед идет из них до сих пор не знаю)...

О тех невидимых вехах судьбы, которые отмечали мой путь в течении несколько десятилетий....

Помимо охоты и охотоведения, другой столь же обязательной составляющей моей жизни, важнейшей и в социальном плане, я признаю ЕЕ, мою НАУКУ.

Именно пережитый опыт «научной моей части» описывается на страницах этой книги. Без ложной скромности я отношу себя к исследователям, «поисковикам знания», «творцам известного из неизвестного»...

Впрочем, на страницах этой книги я старался не столько излагать сложную суть своих научных поисков и работ, сколько стремился рассказать о себе через тех людей, с кем я был рядом... И еще я пишу о том времени, событиях и возможностях, которые ушли...

И сам я тот прежний, так уже не живу и даже не существую. Я – иной ныне. Собственно только это и дало мне возможность как-то понять, отреагировать, «расписать», отстраниться от того, что было дорого, отграничиться от того, что когда-то происходило...

Мне удалось, как я считаю, посмотреть «объективный мир познающего субъекта», отрефлексировать, как-то отразить все это в словах и строках... Но я думал, что моя творческая жажда стихнет, после публикации первой книги.

Я ошибся, когда хотел вместе со своими рассказами об охоте и животных, завершить и подвести итоги своих многолетних научных изысканий... В том свободном изложении автора и очевидца, но не в привычных, формально-осязаемых вариантах научных публикаций, выступлений и рабочих обсуждений.

Для того, чтобы мне написать о «своей» науке, нужно было вернуться к ее «пространственному началу». С этой целью, я в 2016 году побывал в Астрахани, посетил Астраханский государственный заповедник. Для меня –

То почти сакральное место: это то пространство, где когда-то меня приобщили к самостоятельной жизни, к природе и к науке.

И еще я добрался до калмыцкой степи, прикоснулся к тем местам, что «опалили» меня неумной жаждой познания... Посмотрел на бугры, озера-ильмени и заброшенные бахчи и пастбища, где я кочевал, повторяя путь своих предков-степняков.

За полупустыней, «степью своей юности», я проехал вдоль западной части дельты Волги и побережья седого Каспия; предгорья Кавказа встретили меня как долго отсутствующего сына, ведь и «восточная кровь» сильна во мне...

Дагестан, Чечня, не являются для меня чужбиной, так же как и Дон, Кубань, Поволжье...

По возвращении во Владивосток я уехал в тайгу и оказался в другом своем времени и месте, там, где возмужал, и когда взял на себя ответственность за свою жизнь раз и навсегда...

Я вновь, хоть и ненадолго, поселился в этом ином своем «месте силы». И пусть это был внешне невзрачный, и даже какой-то подзаброшенный сельский домишко. Мне там стало тепло и комфортно, ведь там живет мой друг, родня по юности и старый охотник Игорь Сманцер.

Именно ему я очень благодарен за ту атмосферу прежнего, за его непосредственное участие, что помогло мне быть в настоящем и одновременно вернуться в наше прошлое...

Итак, я предваряю-представляю свои новые рассказы и очерки. Они разные, но все написанное относится к природе, науке, и обращено к охоте и «людям охоты».

Я стремился следовать мудрому философскому совету С. Франка: «к чему мы бы ни стремились, каковы бы ни были частные задачи, которые мы сами себе ставим, мы в последнем счете стремимся к одному, к полноте и завершенности...».

Этой книгой завершаю свою рефлексию по тому пути-направлению натуралиста, который был мне предопределен с детства. Не был этот путь простым, прямым и однозначным, скорее непредсказуемым и извилистым...

Мне довелось принимать участие в создании заповедников, национальных парков, заказников и территорий традиционного природопользования.

Совместно с очень уважаемыми мной коллегами, некоторых уже нет сейчас, мы готовили научные обоснования и писали предложения и рекомендации, публиковали статьи и книги о сохранении видов, популяций, местообитаний, экосистем, биоразнообразия и дикой природы...

Изложенное, это и дань уважения всем тем, кто выступил вольными или невольными учителями в прошедшие годы, тем, с кем я что-то совершал... Это моя благодарность и признательность моим близким и дорогим.

Главное ведь состоит в том, что «либо наша жизнь слита в единство со всей мировой жизнью, и тогда смысл есть раз и навсегда, либо она – лишь случайный мировой отрезок, и смысла нет – тоже раз и навсегда»¹.

¹ Взято из текста философа Валерия Губина.

*«Слышишь, гуси-лебеди, поднялись,
заряжай патроны, брат, не ленись...»*

*Слова из авторской песни
Василия Солкина.*

УТИНЫЕ КРЫЛЬЯ

Тихий ветерок еле слышно играл, всплескивая речной водой... Изумрудный, аквамариновый, синий, индиго, фиолетово-охристый... Дивная переливчатость солнечной игры красок утиных перьев в линзах воды завораживала...

Мерно однотонно-натружено тянули свои густые ноты, многократно проверенные временем двадцатьпятьки «Вихри».

Четыре легких суденышка, четыре охотничьих «крыма», причудливо испятнанные зеленым, коричневым, желтым, серым... неспешно возвращались домой...

В их монотонных звуках чудилось нежелание возвращаться к унылым затянутым в тонкую нефтяную пленку стиснутым квадратам-местам тоскливой городской стоянки, «забыться», уснуть на неопределенный срок «на приколе», столь непереносимо-скучном после недели увлекательного бродяжничества в почти непроходимых ериках и култуках².

Четыре одинаково согнутые и закутанные в грязно-серо-болотные офицерские плащи-дождевики

фигуры, привычно приткнулись своими боками к ребристым рейкам шлюпок. Они казались таким же неотъемлемым элементом речного ландшафта как вода, воздух, камыш...

Очередной плавный поворот, и новая речная излучина. Долгое время это была бесконечная череда смен одних и тех же элементов декораций, но вот сквозь густые «махалки» тростника теперь уже можно увидеть неузнаваемо-потемневшие дранки крыши брандвахты.

Старая брандвахта. Когда-то это был сторожевой корабль, караульное судно, а не просто дом на воде. Впрочем, своей постовой службы это суденышко не потеряло. В отличие от своих «товарок», тех что стали удобными и достаточно комфортными приеисто-плавучими базами речников, водолазов и водомеров, «дноуглубителей» и низовских рыбаков-колхозников, она сохранила служебную специфику.

«КАРАЛАТСКОЕ охотничье-рыболовное хозяйство АООиР». Скорее угадывалось, чем тускло-значилась надпись в верхнем проеме наглухо-закрытых жестяными ставнями окон.

В маленькой лодочной кавалькаде рулевые сбавили обороты движков, в одночасье замедлился неспешный водный пробег. Одинаково-плавно следуя в кильватере к берегу повернули и легко скользнули одна за другой охотничьи лодки.

² Култук – заросших густыми тростниково-рогозовыми зарослями речной залив в дельте Волги – прим. ред.

Полетели веревочные концы, ловко нанизываясь на столбики деревянных мостков-причалов. Догнавшие волны приподняли, качнули, тупо стукнули между собой причалившие суденышки...

Короткая стоянка. Законопослушным охотникам предстояло зарегистрировать свою добычу в журнале охотничьего хозяйства, самостоятельно, своевременно и рутинно отмечаемую ими в путевках еще в угольях...

От базы не спеша вышагивал длинноногий вихрастый паренек в очках. Помимо журнала под мышкой, он держал в руке длинные садовые ножницы-секаторы...

Октябрь 78-го года для меня стал настоящим праздником. Работал я тогда лаборантом в Каспийской орнитологической станции Астраханского государственного заповедника. Впервые за более чем два года моей работы в заповеднике, я получил большое самостоятельное «настоящее» исследовательское задание.

Чуть поясну здесь «интригу» получения той моей первой «живой» работы.

Заведующим у нас был Геннадий Андреевич Кривоносов. Коренастый, с неизменной щеточкой седоватых усиков, он пользовался большим заслуженным авторитетом у советских орнитологов.

Да и сам Астраханский заповедник тогда был отечественной «Меккой», мечтой любого исследователя.... Тем обязательным местом, о котором мечтал и хотел непременно побывать каждый уважающий себя орнитолог, ихтиолог, энтомолог или ботаник...

Сотрудники заповедника работали «широко» за пределами заповедных границ. Нормой были экспедиции на Каспий и полевые поездки по всей Астраханской области. Нередко предпринимались «дальние выезды» в Казахстан и Калмыкию. Осуществлялись скоординированные орнитологические работы в Дагестане, Азербайджане и Туркмении.

По своему невеликому лаборантскому статусу мне обычно поручалась чисто техническая работа, как правило, монотонная и однообразная. Хотя в самом начале моей трудовой деятельности в заповеднике меня сразу же отстранили от разбора гидробиологических проб и многообразной «чертежной» деятельности.

Этому способствовала, во-первых, большая близорукость. Обязательность ношения очков серьезно ограничивала участие в работе с простенькими оптическими микроскопами того времени.

Во-вторых, особая аккуратность мне не свойственна и до сих пор, поэтому вычерчивать графики и вручную готовить рисунки для отчетов и статей мне также поручать перестали.

Работа у орнитологов вначале замышлялась как «исправление», так как первый год я начал и работал в другой лаборатории – зоологии и паразитологии. И там я себя зарекомендовал далеко не с лучшей стороны.

Ленивый, спесивый, неумелый, слабый, хитрый... Это только часть эпитетов, которыми меня

награждал мой самый первый в жизни наставник в работе – охотовед и териолог Николай Николаевич.

По прошествии многих лет, я признаю его правоту... Сейчас мне кажется, что я действительно заслуживал его нелестные оценки?!!

Память устроена достаточно хитро, иногда она нам помогает, но чаще совсем наоборот.... Да, скорее всего, в начале своей самостоятельной жизни я выстраивая взаимоотношения по-другому, сейчас – совсем не так...

Но тогда, в заповеднике, в свои юные годы, могу сказать, что мне очень повезло с шефом.

Герман Михайлович Русанов стал для меня на работе не только мудрым, знающим, терпеливым и профессиональным наставником. Во многом он заменил мне родного отца, внимания которого мне не хватало в детстве и юности, и совсем не стало к началу работы в «орнитологической лаборатории».

Герману Михайловичу удавалось непринужденно делать то, что способны были делать далеко не все. Авиационный инженер по своему первому образованию, он легко, «на коленке», разбираал-собирал лодочный мотор. Он мог объяснять любые сложные вещи, вычерчивая для наглядности понятные схемы, прутиком на земле, ручкой или карандашом на листе бумаги.

Он мог хорошо стрелять, очень любил фотографировать. Его зоркий глаз одинаково легко на любом расстоянии определял вид, нередко пол и даже

возраст птиц. И совсем неслучайно, Герман Михайлович всегда уделял свое основное внимание учетным работам, регулярному подсчету птиц на постоянных маршрутах. И делает это он и сейчас, как и на протяжении более пятидесяти лет своей работы в Астраханском заповеднике.

Охотоведческое образование позволяло ему глубоко понимать специфику охоты. Он меня наставлял, что если ты кропотливо подсчитываешь численность животных, замечаешь малейшие изменения в их местообитаниях, то можешь очень объемно представлять какую роль играют различные факторы человеческого воздействия на природу. И только в этом случае можешь называться профессиональным зоологом.

От него я «заразился» профессиональным интересом к орнитологии, серьезно усовершенствовал свои навыки в фотоделе и картографии. Под его влиянием появились мечты о своей самореализации и как следствие о необходимости своего и максимально самостоятельном пути.

В Каралатское охотхозяйство в командировку от заповедника Герман Михайлович отправил меня с новым и ответственным заданием. Мне предстояло одновременно тесное и в то же время деликатное общение с астраханскими охотниками.

Из истории великих натуралистов, хорошо известно, что первые исследователи Дальнего Востока: Н.М. Пржевальский, Р.К. Маак, М.И. Янковский, В.К. Арсеньев (а также многие тысячи безвестных натура-

листов во всех регионах мира) занимались сбором коллекций, отстреливая приглянувшийся им экземпляр животного. Каждый раз, препарируя тушку и описывая животное, они продвигали науку.

Именно такого рода коллекции являются наиболее ценными в любом, как известном, так и небольшом провинциальном музее природы. Многотысячные коллекции природных экспонатов содержатся во всемирно известных научных центрах, таких как Британский королевский музей, Смитсоновский институт в США или Зоологический институт в Санкт-Петербурге.

Лишь только пару последних десятилетий стали изготавливаться и размещаться в сети Интернет цифровые копии больших коллекций птиц и зверей, ставшие теперь доступными натуралистам в любом уголке мира.

Это – важно, посмотреть самому! Наука всегда требует наглядности, лично просмотренное – имеет другой уровень доказательности.

А тогда я брал первые уроки в этом процессе. Мне следовало, помимо устных опросов и количественной фиксации официальных результатов их добычи, еще быть общительным. Причем я должен был убедить охотников поделиться (для науки) неким материальным свидетельством своей охотничьей удачи...

От каждой добытой утки мне необходимо было «отстричь» одно крыло. Его следовало снабдить этикеткой (бумажкой), которую я приноровился пришивать обычными нитками. В мою задачу входила забота

о сохранности собранного научного материала. Каждое утиное крыло требовалось заботливо расправить, очистить, высушить в тени и сложить на хранение в картонные коробки, привезенные мной из города.

Хочу отметить, что коллекторство - научный отстрел, морфологические промеры, взвешивание добычи, изготовление тушки, чучела, сбор черепов, костей, содержимого зобов, желудков, экскрементов... - обязательные и важнейшие процедуры традиционного естественнонаучного исследования.

Методика сбора утиных крыльев у охотников была разработана в Северной Америке как один из способов мониторинга состояния мигрирующих гусеобразных по основным пролетным путям этого континента. Этот метод был представлен зарубежными гостями на одном из редких тогда совместных мероприятий между американскими и советскими орнитологами.

«Разворотливые» и инициативные сотрудники Окского государственного заповедника В.Г. Панченко и С.Г. Приклонский быстро заметили американскую разработку и оперативно стали использовать ее при оценке полового и возрастного состава добычи уток Европейской части России.

В «чистом виде» американские приемы сбора информации от охотников не годились. Не настолько законопослушным у нас оказался народ, чтобы добровольно отправлять сведения по почте о самом себе и своей добыче в контролирующие органы. Было много

«тонких» идентификационных отличий в определении пола и возраста птиц. Сотрудники заповедника за несколько лет получили хороший собственный опыт, и по результатам этой работы подготовили и издали методическое указание для применения его в российских условиях.

Мой «шеф» хотел повторить такую работу в дельте Волги, потому мне и была поручена столь долгожданная и ответственная полевая работа. Наконец-то я выбрался на «оперативный простор»...

Каралат – старое «низовское» астраханское село расположено в центральной части дельты Волги. Южнее и восточнее Каралата располагается «Трехизбинка» - самый маленький по площади участок заповедника. В то время его возглавлял старый мудрый и дипломатичный казах Кисим Куанович Шукаев.

Балагур, весельчак и в то же время опытный и расторопный руководитель. Возглавлять лесную охрану в заповеднике очень непросто. Нужно найти верный тон с подчиненными и начальством, ладить с жителями окружающих деревень, находить управу на наиболее отъявленных браконьеров.

И при желательности не испортить отношения с рыбаками, которые знают меру и понапрасну не станут влезать на территорию заповедника в поисках обильной добычи.

Кисим Шукаев смог все это совмещать в своей повседневной работе.

Я на всю жизнь усвоил его уроки приготовления настоящей рыбацкой ухи, после того как на это обратил мое внимание Герман Русанов. Это надо было видеть!!!

Кисим не готовил рыбу, он священнодействовал. Он брал в руки нож, рыбу и уже после этого ни на что больше не обращал внимания. Казалось начнись пожар, землетрясение, наводнение... ничто не оторвет его внимания от процесса готовки ухи. И его поварские полномочия заканчивались только тогда, когда он ставил огромный закопченный в бесчисленных очагах котел на стол.

А что это была за УХА!? С осетриной, сазаном, окушками, наваристая с золотистым налетом, прозрачная, двойная, тройная, под рюмочку...

Только хороший человек умеет не только вкусно готовить, но и с душой угощать. Это часть далекого, но всегда необходимого опыта предков.

В этом, по-настоящему «воспитавшись» в заповеднике по этой части, никогда более в своей жизни, бывая в различных уголках мира, я не упускал случая отведать местной рыбки...

Да и сам могу приготовить такое блюдо, особенно если удастся «состряпать» его из неведомой мне прежде рыбки.

Я бы не упустил случая завернуть в заповедник, на Трехизбинку, но в Каралате уже ждал меня институтский дружок и однофамилец – Саша Бочарников. Смуглый, черноглазый и черноволосый, быстрый говорком и своими движениями мой астраханский

приятель был еще и моим сокурсником по охотоведческой учебе.

Забавно было вспоминать наше первое знакомство. В тесно заставленной старыми стульями и столами одной из учебных аудиторий зооинженерного факультета сельскохозяйственного института в подмосковном Балашихе проходила переключка студентов-заочников первого курса.

Сельскохозяйственные вузы очень соответствовали советской эпохе. Без пафоса, скромно, неброско, как-то по-домашнему. Отмечу, что в советское время среди заочников немного было студентов юного возраста.

Комбайнеры и трактористы, доярки и зоотехники, ветеринары, счетоводы, экономисты, агрономы, животноводы и звероводы... на регулярной основе сессионными волнами наводняли все имеющиеся комнаты всесоюзного балашихинского вуза. Усатые, с солидным брюшком, лыдые, с сединой в бороде и на голове, с хитринкой в глазах и добродушные увальни...

Таков был привычный «коллективный лик» мужского контингента на всех факультетах сельхозвуза. Но охотоведов было всегда немного, ведь по сравнению с другими факультетами, у нас был вполне приличный конкурс, 3-4 человека на одно место.

И конечно, преодолев трудности поступления, я был горд и счастлив фактом вступления в столь уважаемое сообщество учащихся.

На первую нашу сессию собрались все пятьдесят вновь поступивших. Уже студенты, а не абитуриенты, хотя настоящее ощущение принадлежности к славному студенческому сообществу у нас еще не наступило. Началом стала переключка. Она же была первым визуальным и аудиальным знакомством. Начинается, как водится, по алфавиту. «А» как мне помнится, на эту букву студентов у нас тогда не было.

«Б». «Баранов». Поднялся высокий и тонкий чернявый с щегольскими усиками паренек.

«Бочарников». Я еще был не далек от школьной скамьи, рефлексы не забыты, встаю и привычно вытягиваюсь, одновременно выговаривая негромкое «я».

Но что это? Через ряд от меня, также встал парень и отозвался емким словом «здесь». Так была положено начало нашей дружбе, а также гордости нашего курса – четырем парам однофамильцев на одном потоке.

Барановы, Бочарниковы, Михайловы, Фроловы. Приятно было сознавать, что ты не одинок, что с тобой рядом локоть человека, с которым тебя роднит общее родовое слово – одна и та же фамилия.

Но все мы были при этом очень разные, хоть и была у нас общая страсть к охоте. Для каждого из нас охота была своим понятием, и все мы шли разными жизненными дорожками, прежде чем оказаться вместе в том зале.

Для меня охота была увлечением. Знал я о ней немного, умел мало, но на охоте мог быть совершенно

другим человеком. С детства, нередко грязный и дрожащий от холода, шатаясь от голода и переживая до дрожи, я мог подкарауливать, скрадывать какого-нибудь чирка или кулика часами в природе.

В отличие от меня - любителя, Саша Бочарников продолжал семейную егерско-охотоведческую традицию. В советское время это было одно из передовых охотничьих хозяйств в сети самого крупного добровольного объединения охотников и рыболовов – Росохотрыболовсоюза.

И ныне его сын Игорь успешно ведет семейный бизнес, развивая одно из первых в Астраханской области частное охотничье хозяйство, созданное его отцом в лихие 90-е годы.

Дельта Волги – это не только «птичий рай» заповедников, но и еще заветная огромная территория для охотника на пернатую дичь. Миллионы уток, сотни тысяч гусей, десятки тысяч лебедей посещали волжское понизовье в течение круглого года.

В заиндевелом феврале, затяжном сыром марте, солнечном апреле и уже в почти летнем мае в астраханском небе опытный глаз всегда отыщет пернатого путешественника. Весенняя охота на водоплавающих птиц в тот период была запрещена на всем юге и на большей части Центральной России.

Весной не было в угодьях легальных охотников, только браконьеры (на то они и есть, чтобы нарушать законы).

Весной для орнитологов наступали «горячие деньки». Учеты численности птиц, поиск гнезд для

подсчета кладок гусей, лебедей, лысух, поганок. Много было интересной работы, собственно, поэтому Астраханский заповедник получил добро от заповедного главка в Москве на создание первой региональной орнитологической станции.

Каждый из астраханских орнитологов мог выполнять любую исследовательскую работу, каждый «считал» уток, гусей, лебедей при своих полевых выездах, данными легко обменивались, хотя официальные формулировки сотрудников заметно различались.

Старейший опытнейший орнитолог Владимир Васильевич Виноградов любил изучать «воробьиную мелочь», но в его теме значилось изучение серого гуся. Большую часть своей жизни он посвятил работе в различных советских заповедниках. Фронтвик, он знал и любил жизнь, мог многому научить, но не любил нердивых и завистливых людей.

На третьем кордоне, на Дамчике за ним «хвостом» ходил его питомец – молодой журавль-красавка. В его учениках были Гена Самигуллин и Коля Реуцкий. Последний всю жизнь до самой смерти так и остался верен орнитологии и заповеднику.

Геннадий Андреевич Кривонос был одним из самых известных специалистов в СССР по лебедям. Вместе с советской орнитологической и биогеографической «легендой», московским профессором Юрием Андреевичем Исаковым, они получили первые надежные массовые сведения по количественной миграции гусеобразных на Каспии.

Николай Николаевич Гаврилов и Дмитрий Васильевич Бондарев. Очень разные по своей внешности, характеру, привычкам и жизненным интересам, в орнитологической работе успешно дополняли друг друга, занимаясь исследованиями колониальных видов птиц. Пеликаны, чайки, цапли, бакланы, грачи...

Все эти «общественные» по характеру своей этологической натуры птицы занимали нашу славную парочку круглый год. Они же помогли им сохранить интерес и любовь к жизни. Оба этих замечательных человека и сейчас не забывают о выездах на природу.

Герман Михайлович Русанов прекрасно знал всегда всю фауну. Он первым замечал пернатых хищников, отвечал за наиболее сложное мечение (кольцевание) уток на линьке, вел учет и мониторинг птиц на постоянных маршрутах, много времени посвятил разработке оригинальных биотехнических приемов.

Мастерил сам и учил других строить наземные искусственные гнезда и дуплянки, развешиваемые по деревьям. Он отлично разбирался в правилах и нормах охоты.

По его инициативе, и под его непосредственным руководством для своего институтского диплома я собрал, обработал и обобщил собственный орнитологический материал по численности водоплавающих и околоводных птиц в западных подстепных ильменях.

Первый совместный доклад на Всесоюзной орнитологической конференции, как и моя первая статья в знаменитом и единственном массовом советском журнале «Охота и охотничье хозяйство», увидели свет

благодаря «шефу». Конечно, они были написаны им, но при моем активном сборе и технической обработке информации...

Я очень гордился тем своим первым авторством. Тогда я уже стал хорошо понимать, что для того, чтобы статья стала нужной в охотничьем журнале, в нее нужно всегда привести толику нового знания.

Вот его я и добывал, находясь полтора осенних месяца в охотничьем хозяйстве и занимаясь «стрижкой крыльев».

Эта работа стала первой настоящей школой жизни, реальным способом усвоения навыков эффективной коммуникации и непринужденного общения.

Настоящие охотники в большинстве своем славный открытый народ. В то время неважно было, кто ты в своей городской жизни, кем командуешь или у кого ходишь в подручных...

Военные всех родов войск, железнодорожники, речники, заводские рабочие, водители, строители, учащиеся, отличники культуры и заслуженные пенсионеры... Все они были единой группой по доминирующему интересу охотничьей страсти.

Охота в дельте Волги всегда была недешевым занятием. Прежде всего, всеми правдами и неправдами запасались горючим, поскольку 150-200 км в среднем составлял обычный «пробег» в дельту для городского охотника.

Нужно было иметь комфортную и вместительную лодку, лодочный мотор (а лучше два), охотничье

оружие, патроны, чучела, куласики (маленькие лодки-плоскодонки)... Множество удобных «приспособ» для того, чтобы неделями можно было бы жить «в камышах».

Под такую охоту были «заточены» и местные правила охоты. Норма в тридцать голов уток и до двух десятков лысух рассчитывалась на весь выезд, независимо от продолжительности охоты.

Хороших охотников было немало. Для лучшей сохранности уток, добыча развешивалась, привязывалась к леерам на носу шлюпки. Обычно мокрое перо-пух добытых уток успешно высушивалась встречным ветерком, и охотничьи лодки со своими владельцами гордо направлялись в сторону города.

Это зрелище отчасти напоминало Новый Год, но охотничий, когда каждый украшает трофеями собственную «елку»-лодку.

Вполне понятно, что далеко не все охотники радовались необходимости пожертвовать в общем-то бесполезные крылышки «на науку». Кто-то говорил «нечего тут портить мне добычу». Ведь действительно, отрежешь крыло и внешний вид трофея будет слегка подпорчен.

Кто-то подозрительно спрашивал меня, не научился ли я ловко «вынимать» кусочки деликатесного утиного мяса из жертвуемых ими крыльев.

«Хорошо тебе здесь, мы мерзнем в камышах, а ты супы себе варишь из наших крылышек». Кое-кто из охотников, позволив однажды поделиться утиными

крылышками, в другой раз наотрез отказывался подпускать меня к добыче, мотивируя тем, что «...все руки из-за тебя исколол, когда щипал дома свою добычу».

В те годы я был достаточно напорист, самоуверен и безапелляционен. Немногие могли противостоять моему натиску. В ход шли самые разнообразные приемы. Кого-то слегка запугивал, намекая на не очень благоприятное к нему будущее отношение в охотничьем обществе.

Некоторых пытался уличить в том, что они спекулируют своими трофеями, продавая их на астраханских базарах. Вот такие, мол, и скрывают научный материал, «брыкаются» при исполнении обязанностей перед наукой, вредят ей, а значит и советскому обществу.

А все потому, что ездят на охоту как на работу, сами действуют как мясники-хапуги, а не как порядочные культурные охотники-любители. Некоторым подолгу рассказывал о том, как важно наблюдать, изучать, охранять птиц. Убеждал в том, что «ведь кто же, помимо охотников, может быть лучшим защитником природы».

Это была хорошая школа жизни, и надо отдать должное, мне тогдашнему удалось в общей сложности собрать от охотников почти две с половиной тысяч крыльев. Своими страшными ножницами я отрезал по одному (правому) крылу.

И в исключительных случаях, когда такое крыло было сильно повреждено выстрелом, мною брались левое крылышко. Так делается полевая наука...

Впрочем, не только истязателем порядочных и не очень охотников мне довелось быть в то время. Несколько раз в компании с егерями или немногими доверенными охотниками, и я выезжал на утиную охоту.

Душа моя пела и радовалась таким мгновениям, когда остаешься один на один с природой и кажется возвращаешься в далекое прошлое Земли.

Охотничья зорька. Столько их хранится в моей памяти. Никогда не устаешь любоваться этими переливами малинового, розового, оранжевого, фиолетово-сиреневого вечернего неба.

Пожалуй, только редкие ночевки в открытой волжской авандельте, когда кажется, что на десятки километров от тебя простирается это особое богатое на живность мелководье, могли дать это незабываемое ощущение-свидетельство «победы» света тьмой. А вот видеть, как полностью «уходит» солнечный диск в воду, удавалось нечасто.

Уже в завершение моей охотничьей командировки, состоялось у меня самая добычливая за всю мою жизнь охота на уток, когда мы выбрались со своим другом-однокурсником-однофамильцем Александром на персональный наш отдых.

Вообще-то, на старые советские ноябрьские праздники мы были втроем. Саша сидел за мотором служебной лодки-казанки. В ее середине, укрытый от холодной воды, сидел москвич Володя.

«Настеганная» охотниками дичь, поднималась с воды сразу же, слышав и увидев нашу лодку. Я был на носу, привычно разглядывал в бинокль и писал

в полевой дневник число, вид, и если удавалось разглядеть пол уток.

Кроме уток, я фиксировал численность лысух, лебедей, гусей, бакланов. Считать было трудно, плохо видно. Я злился и писал в дневник корявым почерком от холода и тряски: «утка ср. 100 – 200- 500, баклан – 30, гусь - 6»...

Я досадовал, что вид уток мне не удавалось распознать, число птиц отмечалось очень приблизительно. В общем, некачественная, не столь желанная и комфортная работа, а сплошная «угадайка».

Я знал, что такие данные не дадут хорошего представления, разве, что Герман Михайлович по ним сможет сделать некий предварительный вывод. Но несмотря на эти мысли, все же не бросал свое занятие. Уже тогда существовала привычка обязательно регистрировать встреченных птиц.

Навстречу нам дула сильная каспийская моряна – наиболее опасный, часто штормовой ветер, неоднократно приносивший очень серьезный ущерб всем тем, кто по долгу своему или по необходимости хозяйствовал на воде.

Температура была близка к нулю, поэтому каждый из нас старательно кутался в относительно непромокаемую одежду.

Саша был в «химдыме», в «фирменном», то есть в полностью прорезиненном одеянии, добытом неведомыми мной путями из кажущихся тогда бесконечными советских запасов гражданской обороны.

В Москве, как и в Греции, всегда все есть, были бы деньги, поэтому щупленький Володя щеголял в «бундесовском» удивительно комфортном и удобным непромокаемом комбинезоне.

Я же старался пониже пригнуться-припрятаться за низким ветровым стеклом, поскольку мой типовой офицерский плащ-дождевик был уже насквозь промокшим, и холод постепенно проникал под свитер и рубашку.

К счастью, наш сумасшедший перегон по волнам (кто пробовал на большой скорости «лететь» на плоскодонной шлюпке при сильном ветре, поймут мою радость), закончился. Мы пересекли «чистину» - большое пространство открытой воды. Навстречу нам стремительно приближалась пятиметровая сплошная стенка тростника.

Санек и не думал сбрасывать ручку газа. Но в самый последний момент жестом рыночного фокусника, он сделал широкое круговое движение, и наша лодка практически на полном ходу влетела в абсолютно незаметный среди могучих тростников «прогал» с зарослями рогоза.

Там было мелко. Чтобы сохранить инерцию движения по «мяляку» нужно было поддерживать изо всех сил крейсерскую скорость нашей посудинки...

Я пригнулся еще ниже, поскольку многие безымянные пучки надводной растительности стремились внести в состоянии моего лица нежелательные для меня косметические поправки.

Наш «канальчик» в зарослях был не более метра шириной. В этом узком пространстве мой дружок Бочарников продолжал нестись (и мы вместе с ним, в одной лодке) как неудержимый берсеркер в древней варяжской сече.

Внезапно открылось зеркало воды, относительно широкое, с каждой стороны метров по триста, свободным квадратом.

Сквозь рев мотора мы сначала услышали, а потом и увидели суматошное хлопанье тысяч утиных крыльев. Вот оно, утиное Эльдорадо, утиная транзитная «пересылка», их уютный камышовый дворик, защита от охотника и непогоды.

Мы добрались!

Не буду подробно рассказывать о самой охоте. Она была столь прекрасна для моего юного охотничьего сердца, что боюсь теперь, по прошествии многого времени, мне удастся лишь бледно воспроизвести тогдашние мои страсти и чувства.

Остановлюсь лишь на фактах. Немногих, но показательных. Итак, по подсчетам нашего москвича, у нас двоих (Александра и меня) было сто пятьдесят дробовых патронов и еще десяток с мелкой картечью.

Сам москвич не был, к нашему счастью, охотником. Широко известный в узких кругах шеф-повар одного из престижных московских ресторанов, он был просто «сумасшедшим» рыбаком.

И как только мы встали, он тут же забросил за борт свои удочки, одновременно освобождая от своего немалого груза центр лодки.

Пока он бережно выкладывал тарелочки, чашечки, судки, вертела, кастрюльки, мы с Саньком, не мешкая кинули жребий, чтобы решить кому достанется наш единственный куласик. Эта лодка-плоскодонка широко использовалась для передвижения в густых надводных зарослях мелководья.

Счастье быть «мореходом», вновь выпало ему. Саня спешно загрузил в нее чучела, рюкзаки, котомки для дичи. Меня он подвез до ближайшего тростникового колка. Оттуда уже не было видно нашей лодки с поваром.

В позаимствованном на время «химдыме» я осторожно погрузился в совсем нежаркую ноябрьскую воду. Медленно загребая неподъемными башмаками по илистому дну, я начал расставлять-высаживать резиновые чучела уток. И тут такое началось...

Мне показалось, что мы попали в такое птичье место, каких вообще не бывает в природе. Я никогда не думал, что утки могут собираться в такие огромные скопления.

Десятки, сотни, тысячи жирных крикв, шилохвостей, широконосок, чернетей мелкими и крупными стайками внезапно быстро влетали в «наш двор».

Одновременно с полетом птиц, порывы ветра забрасывали меня крупными снежными хлопьями. Шальной ветер завывал на разные голоса, непредсказуемо меняя тональность звуков в тростнике.

И сразу же, как-то очень стремительно стало темнеть... Я как можно быстрее, рискуя опрокинуться в

воду, отошел к своему укрытию и поднял ружье. Охота началась...

У меня всегда были, да и сейчас есть только двуствольные ружья. Никаких автоматов. Но я стрелял тогда так быстро и метко... Мне казалось, что я сам стал частью своего ружья. Одновременно его стволами, цевьем, прикладом...

Я до сих пор не могу никак понять, как можно было не замечать моментов перезаряжания ружья. Ведь каждый раз надо сделать семь движений, выбрасывая стреляные гильзы и вставляя новые патроны...

В сумерках, а затем в полной темноте, я бродил, подбирая битых уток, грустно слушая обреченное хлопанье крыльев подранков.

Спотыкался и с трудом удерживал на шее кажущееся неподъемным ружье, пустой патронташ и все более тяжелеющую котомку с дичью. Потом я брел к нашей лодке, слыша тихое шуршание куласа по воде...

Наш повар негромко позвякивал своим арсеналом. Ледяные порывы ветра и снег не могли заглушить непередаваемо дразнящий запах зажаренных на вертеле жирных чирков и огромных окуней на решетке.

Тускло, но так по-родному, засветился лодочный фонарь-светильник, послышалось негромкое бормотание транзистора. В бодрой речи диктора трудящийся советский народ поздравляли с шестьдесят второй годовщиной Великой Октябрьской революции...

Утром мы проснулись не рано. Сплошное ледяное стекло покрывало воду нашего дворика. С десятков ненайденных с вечера убитых уток вмерзли в лед. Мы разбили ледяную пластину, двинулись на лодке, не тратя понапрасну времени, собирая ледяные скульптуры в корму лодки. С трудом сложили всю нашу добычу на носу казанки. Всех своих подранков мы так и не смогли тем утром отыскать...

Когда двинулись к дому, получилось, что добыча у нас лежала не так как у охотников обычно – россыпью. Наши утки лежали горкой.

Волжская гирлянда не получилась. Была заметная устойчивая горка из дичи. Взято было в тот раз сто тридцать восемь уток...

ПЯТЬ «ВКУСНЫХ» КАРТИНОК ИЗ МОЕГО ПРОШЛОГО

Котел... чугунный, закопченный, большой, тяжелый, наполненный... Ассоциативный ряд легко дополняется, дорисовывается, представляется тем, чем может наполняться данный сосуд...

И в этих видениях вряд ли найдется место для образов легкой вегетарианской пищи. Неуместным кажется тонкий изыск столичной гастрономии и неестественным грубый аромат городского варева...

Котел – это безусловный символ жизни традиционного общинного сообщества. Любая община, артель, группа работников, имеющие совместный труд не обходится без котла.

И хотя в современных условиях конструктивное разнообразие (как и дороговизна) специализированного технолого-пищевого оборудования стремится к бесконечности, в основе любого комплекса вложен архетип обычного надежного простого котла.

«Котловое довольствие» - один из привычно-рабочих терминов середины прошлого века ныне вызывает теплый отклик лишь у ветеранов геологических изысканий, старателей, рыбаков и моряков.

Лишь немногие представители первой категории, советские геологи, которые за несколько десятилетий составили исключительной ценности опись подземных кладовых нашей страны, ныне способны вспомнить семантику, смысл словосочетания – «котел» и «питание».

Котловое питание многочисленных геологических полевых партий составляло предмет особой сложной снабженческой работы.

Тушенка, сгущенка, повидло, сахар, соль, специи, мука, рыбные и овощные консервы, макаронные изделия, в меньшей, но обязательной мере картошка, капуста, лук составляли обязательный пищевой набор экспедиции.

Только те, кому довелось месяцами жить, питаясь составляющими этого продуктового набора, могут поведать до какой степени могут опротиветь изначально кажущиеся вкусными и калорийными эти продукты.

Работа «в поле» – это особый режим функционирования человеческого организма. Как правило, неприрученная неизведанная и плохо приспособленная для человеческого комфорта природа, требует сосредоточения и напряжения сил в течение большего времени суток. И такой режим длится не днями, а многими неделями, месяцами, а то и годами...

Постепенно и незаметно подкрадывается, аккумулируется не только физическая усталость, но и щемящая душу непонятного происхождения тоска. В коллективе портится общее настроение, все чаще вспыхивают конфликты и ссоры, зачастую не имеющие какого-либо внятного объяснения.

Лишь старые экспедиционные «волки» могут понять и объяснить, что происходит, и причина бывает банальна проста – нужно свежее мясо, живая пища, жертва природы.

Для котлового питания, как правило, в период официально запрещенный для охоты, предназначались специальные лицензии.

Они выдавались в советский период по заявкам геологических управлений, научных институтов, региональных охотничьих управлений специальным органом управления охотничьим хозяйством СССР – ГЛАВОХОТОЙ РСФСР.

Кроме «котловых» меньшее, но не менее (а может и более) важное значение имели специальные бумаги (с красной диагональной полосой). Это были разрешения на отстрел животных в научных и культурных целях.

Заблаговременным приобретением таких весьма необходимых для полевой работы бумаг каждый уважающий себя зоолог, геолог, эколог... непременно озадачивался.

Таким способом возможно было прокормить исследователя или небольшую группу в течение немалого времени, но к котловому питанию этот способ не имеет отношения. «Мясо» в науке не средство поощрения или наживы, а способ жизни на опасной кромке контакта с непредсказуемой природой.

В отличие от научных «трофеев», любая добыча охотника прежде всего предназначена и, вполне понятно, должна быть прямиком направлена в котел. Именно эта способность обеспечения пищей, поддержание или даже спасение человеческой жизни делает

охоту тем, чем она до сих пор может служить – основным средством поддержания жизнеспособности человека.

Первый раз я выстрелил из ружья с целью добычи пищи в тринадцать лет. Тогда стояло обычное для Астрахани жаркое сухое лето. Мне предстояло отбыть обязательную школьную недельную трудовую повинность. Впрочем, положив руку на сердце, искренне считать трудом то великолепное времяпрепровождение, несомненно, было бы большим грехом.

Я со своим приятелем и очень дальним родственником неделю прожил на брудере. Поясню сейчас, что это было. В семидесятые, в моем родном селе Николаевка основным «градообразующим» предприятием была птицефабрика «Степная».

Костяк кадров птицефабрики составляли люди, которые занимались непосредственным выращиванием домашних уток и кур.

Большая часть сельчан в той или иной степени была занята, работая на этом уникальном «сельско-промышленном» производстве. Но самыми «крутыми» кадрами были те, кто работал и жил непосредственно бок о бок с птицей.

На огороженной территории размещались крытые шифером помещения для загона уток, склады для комбикормов, и как правило, легкое, нередко очень ветхое сооружение для проживания птицеводов.

Сотни тысяч белых домашних уток содержались в огороженных сеткой-рабицей просторных загонах с доступом птичьего поголовья к воде.

Домашние утки могли вволю барахтаться, питаться, чиститься в воде или на берегу, поскольку технологически им был обеспечен доступ к почти полностью изолированным или еще соединенным цепочками озер-ильменей.

Практиковалась «отгонная», если можно применить данный термин, система птицеводства.

Этот комплекс назывался брудером, смутно транслируя свое немецкое происхождение, хотя чаще всего народ именовал свое замечательное рабочее окружение запросто и без затей – «птичник».

Обычно на «птичнике» работали вахтовым методом, но в селе всегда полно домашней работы, и наш старший, показав и оставив на наше попечение все это беспокойное хозяйство, «свалил» домой, пообещав через денек вернуться.

Через пару дней он не вернулся, а у нас стала заканчиваться привезенная с собой немудреная домашняя еда. Исчезли яйца, затем помидоры, картошка, лук.

Еще оставался чай без сахара и черствый хлеб, но в горло сия еда уже не лезла.

Вокруг нас бродили тысячи уток. Они могли обеспечивать нам ежедневное сытное пропитание, но в наши юные головы не приходила простая мысль – выбрать и зарубить пожирнее селезня и сварить себе супчик. Это же не наше!

Прошло еще два дня. Техники у нас тогда своей не было, а до села было 12 километров. И мы уже подобрали все съестное, а голод – не тетка!

Старшего коллеги все не было. Идти за подмогой и едой, мы понимали, будет как-то не по товарищески. Определенно, что нашему старшему коллеге не поздоровится.

А кушать хочется... И вот в какой момент мы и осознали, что вокруг нас летало и сидело на всех кормных местах масса жирных одичавших голубей-сизарей. Нам пришла в голову вполне здравая мысль. Эти голуби ничьи, но некоторые из них могут стать нашими.

Проснулись глубоко запрятанные охотничьи инстинкты, вот она... неспешно передвигается, перелетает, жирует потенциальная наша добыча... а значит и пища!

Птичникам тогда выдавали служебные ружья, уж не знаю для чего, но явно не для охраны. Говорили, чтобы отпугивать лис, но не суть... Мы отыскиали ружье в углу нашего общего спального места.

Запыленное, местами заржавленное, замотанная черной изолентой шейка приклада простенькой курковой двустволки. Это была - ТОЗ-БМ. Классическая советская двустволка шестнадцатого калибра.

Молодость не видит препятствий, легко одолевает преграды и трудности, не замечая их... Поиск патронов ничего нам не дал. Но более тщательный поиск принес вполне конкретные результаты.

Десяток латунных гильз. Горсть тускло-красных капсулей «Центробой». Ополовиненная пачка дымного пороха. Пригоршня самодельной крупной неровной дроби. И самодельный шомпол тоже отыскался.

Сначала ружье нами было отдраено до забытого всеми внутреннего блеска стволов. Затем были заряжены патроны, причем порох и дробь засыпались «на глазок», а вместо пыжей использовалась газета. Охотничьи навыки формировались буквально «налету».

Вскоре настал период и самой «охоты»... По жребию выпала мне счастливая возможность выстрелить первым.

Утки нами заранее были согнаны в воду, а освободившуюся территорию птичника оккупировали наглые сизые налетчики. Голуби ходили парами, группами, перелетали стаями, кучковались сотнями.

Укрывшись за невысокой стенкой комбикормового склада, я растерянно водил глазами и не мог определиться с выбором цели. В кого же мне стрелять?

Овладело странное оцепенение, ружье казалось мне неподъемным. Я никак не мог собраться с духом и поднять его. И тут в каких-то семи шагах присел на краешек крыши сарая голубь-одиночка.

Что-то у меня щелкнуло где-то внутри... я спокойно и уверенно, как будто делал это тысячи раз, поднял ружье... взвел большим пальцем правый курок... увидел светлую мушку в середине толстого голубиного брюха... раздался оглушительный выстрел.

Густое облако дыма заволокло всю сцену этого действия. Другое огромное облако составили испуганные голуби, взлетевшие в одночасье. На озере также образовалось белое облако, сбившихся в кучу домашних уток.

Свою добычу я ощипывал, разделывал и варил сам... И это был первый опыт непосредственной добычи в природе и мой первый вклад в котловое питание...

Первым человеком, который ввел меня в мир охоты, был мой отец Николай. Сельчанин до мозга костей, водитель-шофер, большой, веселый, добродушный человек, отец мало времени принадлежал своей семье.

Он всегда был кому-то нужен. Надо было ехать посреди ночи на чабанскую «точку» - приходили с этой просьбой к нам, будили отца, и он вез своих пассажиров. В любое время дня и ночи отец выезжал на своем грузовичке, чтобы вытащить машину своего коллеги из грязи.

К нему приходили, чтобы он отвез в город теток на рынок. Он соглашался без лишних слов, и даже помогал темными ночами вывозить с птицефабрики припрятанный рабочими комбикорм.

В редкие часы, когда отец было дома, и если не пил, он ремонтировал вверенную ему птицефабрикой технику, чинил собственный мотоцикл. Отец не был охотником, хотя ружье у нас было всегда.

Котловое питание для отца составляла речная рыба. Сазан, сом, щука, линь, карась... Все, что можно было поймать в сети, вентерь (секрет), заколоть острой... все это глубоко занимало отца. Он прекрасно знал окрестные озера и все свободное время проводил в рыбацких занятиях.

На рыбалку он нередко прихватывал ружье. С его помощью в свои четырнадцать лет я добыл с близкого расстояния щеголеватого с хвостиком-косичкой на голове кулика – чибиса.

Дома я его ощипал, опалил и хотя кулик этот, лишенный перьев, оказался значительно меньше цыпленка, я приготовил его самолично, внеся первую свою долю в семейный котел...

Моя жизнь в заповеднике была порой счастливой юности, как я вспоминаю сейчас. Странно лишь то, что тогда этого ощущения счастья не было совсем... Все как-то тонуло в будничных заботах.

Жизнь была проста и понятна, и ограничивалась лишь ежедневными немудреными заботами. Найти, купить, приготовить что-то поесть, что-то одеть, пробыть на рабочем месте до завершения рабочего дня... И еще что-нибудь на вечер придумать...

Кажется, сейчас, что семь моих заповедных лет состояли из неравномерных, но структурно-однородных временных отрезков. Поздняя осень, вся зима, половина весны... я рутинно выполнял не очень разнообразные и простые письменные поручения.

Переписывал обширные количественные сведения из дневника Германа Михайловича для подготовки отчетов, сортировал, дополнял и обобщал сведения из заповедных фенологических карточек, заполнял прочерками и немногими цифрами бесчисленные листы ведомостей кольцевания птиц.

Другой мой период проходил разнообразно «в поле», чередуемый краткими перерывами-выездами в

город. В это время я по большей части сопровождал в научных поездках Германа Михайловича, подолгу жил на нашем основном третьем кордоне Дамчикского участка Астраханского заповедника.

Там была выстроена новая гостиница-общежитие, где и проходила большая часть моей свободной от работы жизни. Гостиницей наш дом был по названию, по функции своей это было «общим житием» студентов, лаборантов и аспирантов.

Студенты и аспиранты практически из всех крупных вузов СССР приезжали на практику. В стандартных четырехместных номерах останавливались девушки и парни, иногда заселялись приезжие научные сотрудники, журналисты и преподаватели, бывали шумные и пьющие киношники и не очень значимые зарубежные гости.

Атмосфера всегда была простой. Как правило, деньги у всех тогда были небольшие, даже у московских гостей. Мы питались вскладчину и характер нашего питания четко определялся понятным графиком.

Для понимания, где мы есть, - следовало лишь отсчитать сколько времени прошло со дня получения стипендий и зарплат, и становилось понятным, что происходит в доме...

В начале каждого месяца, нам казалось, что мы все владеем коллективным неслыханным богатством. Снаряжались гонцы в местный магазинчик, с общего согласия закупался ящик-другой местного «плодово-выгодного» вина и скромный набор закусок.

Наше общежитие погружалось в невинное по нынешним временам веселье.

Редко, когда удавалось длить «винную сессию» долго. Два-три дня, и как правило, погрузив слегка о завершении купленного алкоголя, все присутствующие добровольно-принудительно отправлялись «грызть» твердый субстрат науки либо приступали к творческим занятиям – фото- и киносъемке, наброскам текстов и зарисовкам природы. Но роднило нас то, что к середине месяца наступал неизбежный продовольственный кризис.

Иногда есть было нечего совсем и покупать было не на что. Тогда коллективные взоры и конкретные надежды всех приезжих непременно останавливались на мне. Я временно становился богачом, поскольку распоряжался моторной лодкой.

Мой дорогой шеф, уезжая в город, всегда оставлял мне рабочие задания. Но самое главное, я на время становился бесконтрольным распорядителем его лодки, мотора и бензина.

Конечно, наиболее охотно я устраивал выезды для молодой и прекрасной части нашего коллектива. Девушки собирались мгновенно, чтобы отправиться покататься и полюбоваться природой.

Айфонов и смартфонов не было, но фотоаппараты были у многих. Простые, посложнее, хорошие и профессиональные. Ну а самый лучший «фотозадник» для прекрасных девушек составляли цветущие лотосы.

Ухажеры также был не промах. Любую, даже срочную работу, откладывали «в легкую», но только без «начальственного» присмотра.

Попутно при купании мной забрасывалась дырявая сетчѐнка, которая при всем своем убожестве исправно снабжала нас речной рыбой. В коллективе наличествовали также удочки, спиннинги, донки... у берега общежития исправно дежурила пара вентерей, редко тоже когда-то остающаяся без улова.

Поваров у нас достойных не находилось, поэтому рыба готовилась без затей, немудряще, и быстро приедалась. Все ворчали, капризничали, но голодом никто особо не страдал.

Хотя помню были и исключения.

Июнь 1981 года сначала выдался аномально жаркий, столбик термометра в тени закатывался далеко за цифру 40, нормального половодья практически не было. Не было воды – не было и хорошего нереста.

Потом в пойме Нижней Волги зарядили дожди, вода постоянно прибывала, «вреднейший» по своей сути технократически-безумный вододелитель ниже города Волгограда, произвел пару аварийных сбросов воды.

Заповедные речки в то время представляли собой что-то похожее на городские каналы после сильных дождей. Мутный желто-коричневый пенный поток воды.

Казалось бы, что тут такого, но нас это коснулось... Глубоко, и главное, внезапно. Мы оказались без

еды, и поняли, что это наводнение затронуло наше «святое» право покушать.

День, два, три... миновали, а мы все никак не могли поймать даже маленькой рыбки. Итак, нас навещил голод...

Народ в общежитии погрузился...

Разом стихли смешки девиц, и парни как-то разом приуныли. Голодными вечерами планы строились и тут же отменялись как нереальные.

Не очень помогали выживать и простые соседско-проверочные посещения огорода лесника. Кроме жгучего зеленого лука и густой крапивы на делянках еще ничего более съедобного не росло.

Все же моя орнитологическая смекалка выручила наше общество в который раз. И спасли нас от мучительного голода обычные голуби-сизари.

Эти птицы были как бы вне закона.

Действительно, эти совсем не заповедные птицы во множестве обитали на чердаке нашего общежития. Природоохранная справедливость была восстановлена.

После нашей ночной вылазки, раскормленные сизари, которым повезло и они смогли улизнуть, немедленно предпочли сменить место своего жительства.

Такие голодные времена были не редкостью. Интересно было то, что занимать деньги нам не приходило в голову. На кордоне у кого-то из местных деньги попросить мы совестились. Да и не у кого по сути это было сделать. «Богачей» в округе не было совсем. Не

было кредитов. О сберкассах мы знали только понаслышке, зарплату получали наличными, и в среде нашей не встречались ни ростовщики, ни спекулянты.

С фарцовщиками мелкого разряда можно было встретиться лишь когда искали зарубежные пластинки - «пласты», или позже, покупая магнитофонные кассеты.

И вот в один из таких очередных кризисных моментов, шеф меня отправляет с каким-то пустяковым заданием на один из пустыющих кордонов заповедника. Чтобы не было скучно, я беру с собой Вову Попова, крупного фактурного чернобородого воронежского студента, каратиста и выпивоху.

Пятый кордон заповедника, тогда был обжит самобытным лесником Олегом Райла. Эстонец или латыш, он со своей женой очень здорово жил на том кордоне.

В отличие от других местных кадров, больше предпочитающих обходиться минимумом, Олег в полной мере сумел освоить для семьи доступные природные богатства.

Черная икра, волжская рыба, приготовленная во всех видах, мясо кабана, домашние колбасы, копчености, дичь, огородная продукция... все это было на его повседневном столе. Для своих!

И я помню до сих пор, что я отъехал, как мне казалось, на полгода вперед. Семейный котел и домашний фермерский уют был замечателен, но все хорошее почему-то заканчивается.

Кстати, тогда с его «хлебостольем», была наша последняя встреча, и больше я не видел ни его, ни его семью.

По слухам, то ли его прихватили с поличным на браконьерстве свои же, то ли по какой-то другой причине, эта семья уехала и пятый кордон опустел.

И вот рутинно держась за ручку лодочного мотора, я вспомнил, как Олег показал мне хитрый рыбацкий «прокос», когда я был у него в гостях. Лесник уверял, что в этом месте никогда не останешься без рыбы. Хоть что кинь в воду, пустым не будешь.

Я завернул в то заветное место, в неприметный, густо заросший речной еричек на обратном после учетных работ пути. С трудом, но уверенно опознал скрытый заезд в прокос, с разбегу вломился туда на нашей бударке.

Мы уже почти беззвучно скользили к восточной границе заповедника. Трудно мне сейчас понять, чем я тогда руководствовался. Сетки с собой не было, острогой, которая всегда лежала под стланими лодки из-за мутной воды тогда воспользоваться было нереально, а на удочку в этом месте ловить было невозможно....

Вот и аншлаг, обозначающий конец заповедной зоны и начало охранной. Собственно дальше двигаться не было уже никакого смысла. Зря заехали, досадливо морщусь я и решаю разворачиваться. И в этот момент, вдруг замечаю тонкий и прочный капроновый шнур, завязанный неприметно у уреза воды на самом аншлаге, легко скрытый поверхностным слоем воды.

Заглушил мотор. Двигаясь по инерции, мы приткнулись к куртинам рогоза. И потянули за шнурок, вытаскивая уже солидно притопленную толстую веревку огромного профессионального рыбацкого вентера.

Сам вентерь нам почему-то казалось не стоило убирать. Стоило разве что попытаться приподнять, глянуть что за рыбка попалась...

Слегка помаявшись, мы оставив сложное рыбацкое сооружение на месте, приподняли удлиненную накопительную часть рыбацкой ловушки. Это был мешок внутри большего мешка, так называемый кутец. О-о-о. Вся немалая глубина кутца рыбацкого секрета была заполнена огромными речными разбойниками – сомами.

Забился в руках у Вовчика и отвязанный конец. Почуввав нежеланное вторжение, речные разбойнички подняли бунт.

Нам никак не удавалось приподнять добычу, чтобы загрузить ее в лодку. Не могли мы и посчитать, сколько их всего. А удерживать становилось все труднее. Патовая ситуация!

Стало ясно, что и объединенных наших мускульных сил на подъем всей рыбы не хватит. Но недаром молвят, что голь на выдумка хитра!

Чтобы не остаться без рыбы, мы решили пожертвовать ее частью. Поднапряглись, изловчились, и четыре огромных сома, как нам показалось, с большим облегчением выскользнули в дырку на свободу, которую мы им обеспечили.

Зато нам досталось два пленника - самый большой и самый маленький. К слову, взвешены и измерены рыбы были уже около нашей гостиницы.

Это было сделано вполне профессионально нашими лаборантами-ихтиологами. Мужская часть общаги выступала активной помогающей силой хорошеньким девушкам в купальниках.

Маленький сом своей длиной превысил один метр тридцать сантиметров. Весил он ровно 22 кг. Большой потянул на 64 кг. Он был сопоставим с нашим самым высоким парнем, рост которого составлял метр восемьдесят...

Десять дней все население общежития питались сомятиной, приготовленной во всех видах...

Свою «котловую тему», я, пожалуй, завершу еще одним «сборным» воспоминанием. Оно составлено из нескольких разных по событиям эпизодов, но где действует один и тот же герой – обыкновенный баклан.

В 1970-е годы баклан был объявлен большим вредителем рыбного хозяйства, пирующего на просторах дельты самой большой реки европейской части России – Волге.

Во всех охотничьих хозяйствах Астраханской области был запланирован и проводился отстрел столь вредной для социалистического хозяйства птицы.

Массовый отстрел проводился силами егерей, охотоведов, рыбинспекторов, милиции и доверенных

представителей охотничьей общественности. Стреляли везде. На кормовых перелетах, при любой встрече, на ходу из лодки, на ночевках и в скоплениях.

Профессионалы-добытчики этим не баловались. Они орудовали в хорошо известных им колониях. Ружейных патронов можно было много извести. Поэтому, бакланов они стреляли из мелкашек.

Подъезжали и старались снять вредителя прямо на гнезде одним выстрелом. Но баклан крепок на рану, и нередко сидел, качался на ветке, неоднократно простреленный навывлет, истекающий кровью, но не сдающийся.

Хотя были спецы – стреляли этих «чернушек» как белку в голову. Раз – готов!

На пол, возраст, вес никто не смотрел. Главное, если он подпустил, и ты его стрельнул, подобрать побыстрее этого и дальше двигаться, новых искать.

Если невысоко было, то неленивые служивые, попутно сворачивали длинными шестами, сбрасывали в воду и гнезда птиц.

В заповеднике отстрелы бакланов не велись, а существующий режим строгой охраны неукоснительно соблюдался. Однако, астраханский обком партии вызвал и провел разъяснительную беседу с директором заповедник.

Ты что ли не понимаешь, что негоже быть в стороне от общенародных дел? Партбилет тебе мешает? Про пенсию напомнили...

Директор вернулся бледный в синеву, заму по науке приказал провести разъяснительный Ученый Совет в заповеднике. Сам взял больничный лист.

На Ученом Совете коллективно было решено, что бакланов нужно в массовом порядке пометить с тем, чтобы было понятно, разбойничают ли заповедные бакланы за пределами охраняемой территории.

Орнитологам ответ на этот вопрос был известен еще до того, как его сформулировали, но негоже было в то время исследователям отмахиваться от пожеланий «сверху».

Кроме того, большим плюсом было то, что при такой экстренной ситуации можно было действительно сделать массовый отлов птиц. И окольцевать их, хорошо отчитаться в Москву, и в перспективе надеяться на заметное поступление сведений от охотников и рыбаков, куда разлетаются гнездящиеся в заповеднике бакланы.

Сама процедура отлова бакланов была несложной, но временами трудоемкой...

Вначале, сплавляясь на лодке по руслу реки, осматривались известные места ночевки бакланов... Потом ниже по протоке, где на деревьях облюбовывали свои места ночевки птицы, выбиралось и намечалось наиболее узкое место реки...

Здесь принципиально важно было найти два отдельно стоящих, желательно сухих высоких дерева и затем забраться на каждое из них, пробросить через самый верхний сук веревку так, чтобы при отлове можно было натянуть высокую стенку сетки.

Сама процедура последующего отлова была незамысловата. На кордоне по три-четыре человека в лодку грузились «заповедные люди».

В темноте лодки с лесниками тихо подъезжали к разведанным местам. По команде, люди поднимали внезапный шум... Испуганные сонные бакланы падали с деревьев в воду, чтобы привычно разбежаться по ее поверхности, улетая-спасаясь вниз по течению реки Быстрая.

Но в этот раз, у птиц эта тактика не прошла. Основная ведь наша хитрость была в том, чтобы бакланы, слетая ночью с деревьев, не смогли, не успели бы набрать достаточной скорости и нужной высоты полета, чтобы миновать поднятую в ночи и натянутую между деревьями сеть.

В этом случае, птицы в буквальном смысле «втыкались» в стенку высоко натянутой сетки, падали, скользя по ней вниз. Течением их набивало, плотно утрамбовывало в ловчий мешок – кутец. Затем, коллективно и с большим трудом, затаскивали сетку, размещая ее на паре стоявших рядом лодок.

Бакланов доставали по одному из мешка... Опытные орнитологи, очень быстро и ловко укрепляли металлические кольца на их голени.

Быстро диктуя для записи номер кольца, возраст птицы, особые отличия, если они имелись. Но во всем этом действе есть один важный нюанс. Бакланы птицы не маленькие, их вес в среднем два – три килограмма.

Оперение у них жесткое и при этом скользкое в воде. Это хищник. Своим клювом он раздирает даже крупную рыбу на съедобные куски. И эта птица за себя постоять может – не чета воробьиным пичужкам.

Надо отметить, что в тот год для меня это масштабное кольцевание изначально не заладилось.

Во-первых, когда я забрался на дерево, чтобы перекинуть веревку, сухой сук подо мной подломился, и я с невольным громким криком полетел... Но не вверх как гордая птица, а вниз, как совсем «немолчаливый» камень-булыжник. Булькнуть громко в воду впрочем не удалось.

Моя гордость - позолоченные тонкие и первые в моей жизни интеллигентского вида персональные оптические приспособления, действительно смогли долететь до земли. И... надолго притаились на речном грунте, густо покрытом древесной трухой, птичьим пометом, в густых зарослях колючей ежевики.

Сам же я, отвесно пролетев метров пять, умудрился распахнутым задним «крылом» своей рубашки нанизаться на достаточно прочный нижний сук дерева.

Полузадушенный туго стиснувшем горло воротником, тем не менее, я был спасен от почти обязательных и значительно более существенных повреждений. Замедлившись и зависнув подобно гигантской летучей мыши, я висел, как мне казалось, вечность. На самом деле ветхая ткань полевой рубашки скоро не выдержала...

Читая ныне рекламные статьи в охотничьих журналах, я порой подумываю, а что бы со мной произошло, если бы завис я на нервущемся, немнущимся и главное дышащем бренде от Харкиллы или Ситки. Стал бы вероятно похож на захоронки сорокопута. Тот ловко накалывает жуков, стрекоз и даже мышей на острые колючие ветки, так он хранит свои припасы впрок...

Но во время того кольцевания, я уже забыл про дневной эпизод падения, спокойно занимался писарским делом, проворно записывая в журнал сведения, что диктовал мне мой шеф и главный распорядитель работы - Герман Русанов.

Но тут вдруг произошло непредвиденное... Кто-то из ротозеев-лесников, тащивших плотно прижатый к груди ворох цепляющих его крючьями клювов бакланов, потерял бдительность, затем равновесие, покачнулся и грузно свалился в воду.

Это был без сомнения цирковой номер. Бакланы взметнулись велением могучих рук, взвились в ночную темь.... Сам же мужик упал так здорово, что снес своей тушей еще пару человек, и самое главное, о ужас, смахнул заботливо вытасченный на лодку «бакланий мешок» в воду.

Нескрепленные больше весом птичьего мешка, лодки сразу же разъехались, и новая пара «отловщиков» оказалась в быстрой не только по названию, но и по сути своей речке. Мешок с бакланами стал неудержимо тонуть. Научный материал стал превращаться на глазах в мокрые тушки птиц.

На минуту я стал героем! Дело в том, что находясь в стратегически удобном центральном месте лодки, я успешно сохранил равновесие, не поддавшись панике, и героически погрузился по пояс в воду, свисая с лодки.

Один рывок, и как потом восхищенно рассказывали лесники, почти полутонный птичий мешок наполовину взлетел на лодку.

Я раскорячился как бывалый распор в винной бутылке, упершись ногами в борта лодки и изо всех сил тянул, как бурлак бичеву, кутца чтобы быстрее вытащить захлебывающихся бакланов из воды...

Наконец, оклемавшиеся лесники навалились, помогли. В лодку вновь был водружен ловчий сегмент сетки. И вот в этот миг торжества и почета, я потерял бдительность!!!

Мое причинное место, обнаженное разорвавшимися от натуги штанами, оказалось в зоне доступа сразу нескольких разъяренных и напуганных птиц.

Баклан обладает мгновенной реакцией и решительностью, оттачивая эти свои умения на постоянной рыбалке. Сразу несколько птиц с наслаждением пустили в дело свои страшные крючки-клювы. Мой вопль безусловно заслуживал того, чтобы его увековечить и зафиксировать с помощью техники, регистрирующей высоту и пронзительность звука...

Пароход со своей сиреной отдыхал бы рядом со мной... Испуганный народ шарахнулся в стороны, вновь уронив бедных бакланов в реку...

В тот год, Астраханский госзаповедник удостоился похвалы обкома. Мы были в тренде...

Общая сумма утонувших, но быстро обработанных и переданных на котловое питание тушек бакланов как коллективу заповедника, так и горожанам, была сопоставима со хорошей результативной работой профессиональных добытчиков бакланов в охотничьем хозяйстве.

А я под руководством опытных рыбаков-наставников на всю жизнь получил полезный навык обработки добычи, оцененный потом на таежном промысле - быстро и качественно обработать любую птичью или звериную тушку.

Одним быстрым движением делаешь надрез, двумя короткими взмахами рубишь крылья на сгибах. Затем «ловким чулком» вместе с вонючим жиром и кишками, рывком снимаешь и отбрасываешь в сторону шкурку.

Через десять лет в совершенно других условиях, будучи в экспедиции в «сердце уссурийской тайги» со своим британским коллегой-орнитологом, я продемонстрировал этот «бакланий трюк» потрясенному иностранцу.

В то лето рыба, ягоды, грибы, черемша - все было... А вот собственной лицензии в тот год на котловое у меня не было. Незаконно свой карабин поднимать на зверя я не хотел, с «шалюной добычей» фарт к нам не приходит...

Вот тогда-то нашим пищевым спасением стал уссурийский баклан... Моментально ошкуренный,

промытый в чистой горной воде, порезанный на крупные куски, баклан недолго побулькал в котелке на костре...

Оценил англичанин во всей полноте вкус приготовленного по-рыбацки баклана. Fucking marvelous только и смог выговорить он, вонзая молодые зубы в мелко порубленные кусочки бакланьего тушеного мяса.

И я ему охотно верил. Ведь к тому времени, мы уже три недели питались ленками и хариусами. Козлов и изюбрей сами не стреляли, нас угощали охотники... Но это было вовсе не то, что добыть самому!

«Vlad, you are amusing guy. I never for my live had not have so nice food. Your baklan is fucking marvelous»³, с трудом оторвав взгляд от опустевшего котла и от своей чашки, вымолвил благодарный англичанин... The best food, which I can try in my life...

³ Владимир, ты несравненный чувак! Никогда за свою жизнь я не ел более вкусной пищи. Твой баклан оказался просто о**...енным...

ХАСАНСКАЯ ИСТОРИЯ

Свою работу в Тихоокеанском институте географии Дальневосточного научного центра Академии Наук СССР (ТИГ ДВНЦ АН СССР) я начал в июле 1985 года. К тому времени я уже прожил два года в Приморье, где после окончания подмосковного вуза получил реальный опыт охотоведческой работы.

Мне очень нравилось Приморье с его удивительным богатством сочетаний резких обрывов скал побережья Японского моря и завораживающим глаз плавной линией главного хребта Сихотэ-Алиня. Я искренне полюбил буйное летнее разнотравье и влажность душно-летней тайги.

Я не хотел расставаться с этим дивным краем... Станным было то, что больше всего меня бодрил, призывал к текущим свершениям сухой мороз коротких декабрьских дней...

Я любил пронзительно-черную звездность нескончаемых зимних ночей в тайге. И решил покинуть свою «промысловую» работу весной.

Мне надоела тогда мелкая производственная рутина хозяйственных дел, наскучила «безсобытийная» жизнь в маленькой деревушке, а мое сердце было обожжено разрывом отношений с молоденькой возлюбленной...

Стоял теплый месяц май, и из обычных людей никто еще не смог заподозрить грядущих масштабных событий и распада великой страны ...

Персонально мне остро были нужны перемены. «Научная жилка», как мне казалось, в моей сущности всегда была вполне естественной...

Стремление исследовать жизнь, которое у нас всех есть в детстве постепенно переросло в страсть к новому знанию. Не покинула меня она и после получения школьного аттестата...

Астраханский заповедник ее подсветил, сделал более заметной... В противовес этому, моя институтская охотоведческая среда была почти тотально практичной, прагматичной, заметно профессионально-циничной...

В охотоведческом сообществе, зарабатывать деньги с помощью вполне понятного промыслового ремесла было куда как более понятно, чем «просиживать штаны» за письменным столом.

В немалой степени заповедная среда с ее простой созерцательной жизнью также повлияла на меня. Быть наблюдателем, смотреть и пропускать мимо себя струящийся поток жизни. В этом есть особое очарование воспарившего в небо волшебного эльфа...

Вполне убежденно полагаю, что мало кто способен в молодости на самодостаточность. Тогда, когда еще не осознаны семейные программы и установки.

Опытom собственным не проверены, «не переварены» чужие, полученные от значимых людей установки, или как объясняют психологи - интроективные элементы, составляющие большую часть убеждений и желаний каждого из нас...

Сельская жизнь может быть отличным полотном для творческого развития, а может быть тем ластиком, что стирает потенциальные способности и предназначения.

Мне удалось избежать соблазна довольствоваться лишь материальным... Но пути к творчеству не легки и нередко очень извилисты... Прожив четверть века, я осознал тогда в полной мере, что мне нужна совсем иная, чем прежде арена...

Реальное поощрение творческой своей природы я нашел в Академии Наук. Но нужен еще человек, миссия которого состоит в какой-то конкретной помощи.

Так мне очень повезло, что охотовед и заслуженный эколог Дмитрий Григорьевич Пикунов, мой бессменный шеф, заведующий нашей лаборатории экологии и охраны животных, встретился мне тогда на перепутье.

Сам Пикунов человек вполне конкретный и практичный, динамичный, легкий на подъем, вспыльчивый и резкий в высказываниях, но отходчивый и романтичный.

Известный «тигровед» и «чокнутый», по его собственным словам, охотник, он разглядел во мне еще толком непроявленную природу исследователя.

Прекрасный рассказчик, натуралист, охотник... В весьма формальных рамках Академии Наук ему было непросто. Может он тосковал по той свободе, которая обычна в охотоведческой среде...

Встретив молодого собрата, быстро принял решение поддержать меня в стремлении заняться

наукой. Здесь стоит отметить, что в академические институты советского периода «устроиться» было не легко.

Жесткая структура штатного расписания, медлительная иерархия служебного продвижения, партийно-комсомольский контроль трудовой, общественной и личной жизни.

Чего стоили, например, процедуры утверждения поименно списочного состава научных рейсов....

Без согласования с райкомом партии нечего было и мечтать о заманчивом тропическом рейсе с возделанным заходом «парохода» в заполненный волшебными вещами Сингапур.

Нелегко было руководству института «выбить» новую штатную единицу. Любое изменение в кадровой структуре курировал райком партии, держал «на контроле» и при любом удобном случае строго спрашивал за порядок.

Глеб Иванович Худяков, тогдашний директор ТИГа уважал Пикунова. Он был полевик-геолог и спортсмен. Охотник, имеющий зятя охотника, прислушался к доводам Пикунова, «пошел на встречу», но выбрал «соломоново» решение....

И постановил, своим устным, а затем и письменным приказом - поскольку постоянной свободной ставки у нас нет, будем держать Бочарникова В.Н. на временных ставках... вместо лиц, находящихся в декретном отпуске!!!!

Официально меня принимали на работу, каждый раз переоформляя на очередную «беременную» ставку инженера, раза четыре!

Все эти два или два с половиной года, я всегда помнил о том, что работаю временно. И период моей работы длится от одной беременной до другой.

С одной стороны, это напоминало знаменитое армейское приказание «о производстве обязательной солдатской работы – от забора и до обеда».

С другой, я очень уважаю и с большим пониманием отношусь к периодическим «уходам» прекрасной половины человечества в декрет...

Первые три месяца моей работы в лаборатории пролетели очень быстро. Я был постоянно «при шефе». Внимательно выслушивал и исполнял в меру своего понимания множество его поручений...

Например, с утра и до обеда едем с ним к моему прежнему работодателю – Начальнику Управления охотничьего хозяйства по Приморскому краю Герману Ивановичу Вахрееву для того, чтобы принять участие в межведомственном совещании.

К вечеру мы уже неслись с ветерком на его мотоцикле «Урал» поохотиться на уток на любимые озера в устье реки Суйфун.

Ночью мы уже дома с добычей, а рано утром следующего дня передвигаемся в Арсеньев на встречу с охотниками.... Еще через день мы уже в Хабаровске. Обсуждаем с коллегами-охотоведами из Дальневосточного отделения ВНИИОЗ план совместных учетных работ...

Тут же остаюсь на пару дней, перерисовываю нужные нам карты охотничьих угодий Приморского края. Внезапно звонит хабаровчанам в «контору» шеф (мобильников то не было) и дает приказ выдвинуться в аэропорт и вылетать на Сахалин...

Не успев по возвращении выпить чаю с коллегами, прибегает шеф и с порога заявляет: «иди получай командировочный листок-удостоверение и езжай поездом, затем автобусом, на попутках, на лодках и далее... как повезет... Попадешь на Бикин... тебе нужно срочно картографировать охотничьи участки». И добавляет, - «через месяц, ни днем позже, должен вернуться в город!»

Но со временем я начинал уставать от неистового темперамента шефа. А тут как раз и удобный повод для меня появился... слегка отстраниться от чересчур деятельного шефа...

Пикунов сам и взрастил наш «развод по-работному». Он мечтал, чтобы я всерьез занялся исследованиями водоплавающих птиц. По его словам, на это интересное и перспективное «научное дело» у него самого не хватало времени...

Впрочем, была правда в нашей лаборатории еще один «орнитолог» Руслан Самарин. У того была не менее романтичная история появления в институте...

Руслана заметил где-то на брифинге сам директор ТИГа, оценил его бойкое журналистское перо и речь, помечтал о грамотном пиаре института. И решил пригласить парня поработать, мечтая, что тот будет профессионально «приподнимать» реноме института.

Но затея директора не совсем удалась... Руслан совсем не стремился блистать своим золоченым пером профессионального журналиста. Он любил пиво жигулевское, в свободное время укладывался полежать на любом диванчике...

Писать про институт он не хотел, но полюбил ездить к ближним городским дачам на Кипарисово, где лениво караулил и изредка постреливал вальдшнепов...

А записывая и изредка декламируя вслух редкие мысли и гипотезы, объявлял со свойственной ему непринужденностью данное занятие «умостроительством» - настоящей научной деятельностью.

Когда я окончательно надоел Пикунову своим нытьем о самостоятельной работе, а Руслан взбесил его ленивым отказом в очередной раз хотя бы что-то сделать, шефу пришла в голову гениальная мысль...

«Вас обоих я отправляю в совместную и ответственную экспедицию. Работы вам предстоит много, поэтому назначаю одного из вас (Руслана) начальником полевого отряда...».

Но поскольку отряд наш должен был состоять из двух человек, нужна была еще одна начальственная должность, и меня он назначил научным руководителем этой экспедиции...

Вот это я понимаю, житейская смекалка и опыт, который не пропьешь... Два человека, и оба начальники с правом давать приказания и задания друг другу! И мы отправились вскоре с первой самостоятельной научной работой «на Хасан».

Легендарное охотничье место, рай для орнитолога, мечта отдыхающего, экзотики сколько хочешь. Море, песок, сопки, болота...И рядом, советско-северо-корейско-китайская граница на крепком державном «замке»!

В наше распоряжение была отдана классика полевого «жанра» - экспедиционная машина «ГАЗ-66» с оборудованной комфортной «будкой». В придачу к ней мы получили суперводителя... Новиков Виктор Павлович по прозвищу «Слон».

Палыч был легендой... Тот самый водитель, который всегда довезет куда-те-надо. Машина была для него настоящим домом в отличие от комнатки в академическом общежитии на Кирова, 62, которую он навещал очень нерегулярно. Он знал все дороги, заботился заблаговременно об исправности автомобиля, бензине, комфорте полевого жилья...

Немногословный, он единственный мог выдерживать взбалмошные поступки нашего шефа. Пикунев был в нем уверен как в самом себе, вот и отправил нас двух честолобцев и неумех под ненавязчивым приглядом все знающего и умеющего водителя «в поле».

«Хасан» – это сборное название, обозначающее большую самую крайнюю, самую юго-западную, самую теплую и пр. и пр. но российскую территорию.

Впрочем, безлюдными совсем эти места никогда не оставались. Археологи утверждают, что и пятнадцать тысяч лет назад этот край иногда достаточно густо заселяли люди.

Хотя в то время этот район неудержимо притягивал к себе охотников и рыбаков больше, чем пляжников-отдыхающих, как это наблюдается на всем юге Приморья сейчас.

Весь XX век «Хасан» был культовым местом для ружейных охотников. Выезжали надолго, караулили уток и гусей и весной, и осенью. Попутно или специально устраивали загоны на коз, умельцы вытаптывали фазанов, немногие тропили зайцев...

Рыбаки стремились попасть «на Хасан» также неудержимо, но вне конкуренции была подледная рыбалка корюшки и наваги...

Летом эта территория была достаточно пустынна, лишь на берегах некоторых бухточек можно было увидеть редкие брезентовые палаточки отдыхающих...

В октябре 1985 года мы с комфортом катили в нашей оборудованной экспедиционной машине по той грунтовке, что трудно назвать дорогой. Совсем невозможно было тогда предсказать того пляжного безумия, которое охватывает этот район сейчас...

Сотни машин, тысячи отдыхающих, местные жители как в каком-нибудь Краснодарском крае или Крыму успешно зарабатывают себе на круглогодичную небедную жизнь...

Руслан в роли начальника сидел в кабине и важно попыхивал дымком специально заведенной для этой поездки трубкой... Палыч привычно и молча рулил... Я валялся на нарах будки, удобно разложив себя на спальниках...

В узкое противоположное окно в основном было видно кристально-голубое осеннее небо. А привставать и разглядывать что-то наземное в преддверии начала моих настоящих исследований птиц, мне казалось совсем неуместным.

Дорога заняла практически весь световой день. И уже в сумерках, с подачи всезнающего Слона, мы выбрали великолепное место для проведения орнитологических работ...

В узких кругах осведомлённых охотников это место называлось «пэтээн», что на профессиональном сленге пограничников означало «пункт технического наблюдения».

В пятидесяти метрах от нашей машины на белесо-блекло-серый берег неустанно накатывались разнокалиберные холодные осенние волны Японского моря. В пяти метрах перед нами простиралась неглубокая лагуна, где периодически резвились, вылетали, выпрыгивали из воды брусочки тушек пеленгасов...

За нашей спиной свой извечный шелест-общение вел тонкий ломкий строй тростников, отвоевавший у песка в трудной борьбе и сформировавший как по линейке свои стройные ряды на границе воды и суши...

Работа началась на следующий день ранним утром... И здесь не могу не повиниться за одно прищербное для меня физиологическое свойство-обстоятельство...

Известно, что все птицы активны... но по-разному. Есть ночные, есть сумеречные виды – совы, козодои, вальдшнепы... Но абсолютное большинство птиц бывают наиболее активны ранним утром... а я утром очень ЛЮБЛЮ спать!!!

Каждое утро я вел непримиримую борьбу с самим собой. Ведь для того, чтобы наблюдать, считать, записывать, регистрировать, фиксировать... текущую фазу миграций следовало затемно быть на ногах, сидеть, стоять или лежать в укромном месте и смотреть во все глаза или с помощью бинокля...

Мои близорукие глаза утром никак не хотели открываться, а если и открывались, то почему-то я никак не мог разыскать очки и вновь проваливался в вязкий сон, похожий на транс.

Руслан преспокойно дрых, отговариваясь, что утки его не интересуют и он копит силы, чтобы отыскать в песчаных дюнах Хасана вальдшнепов.

По вечерам, поедая с хрустом добытых мной уток, он разглагольствовал, солидно пытаясь доказывать, что именно здесь лесные кулики-вальдшнепы непременно должны заворачивать к морю, возвращаясь с зимовок или, когда покидают Россию, улетаая на зимовки...

Палыч, имеющий твердую экспедиционную косточку **долженствования**, пытался искренне мне помочь в неравной борьбе с самим собой...

«Володя, вставай, будильник прозвенел...» - шептал очень деликатный трезвый Слон... «Еще

рано!», - отвечала моя хитрющая, сберегающая сон половина...

Через пятнадцать минут вновь: «Володя, вставай на работу, иди на зорьку...». Мои мутные спросонья глаза фиксировали свет состоявшегося рассвета...

Так иногда мы совместно побеждали мой сон и лень, а иногда нет... ведь та моя хитроумность поистине была выдающейся...

«Уже поздно», - шептал я непослушными губами, и вновь глубоко заныривал в теплый спальник.

Такие дни проходили в моей стыдливой застенчивости и вине. Я презирал себя за слабость и стремился показать, что я не такой уж плохой, своим активным трудовым участием в обеспечении социально-бытовой жизни нашего небольшого коллектива.

Октябрь между тем быстро завершился, начался ноябрь. У нас разгорелся спор с начальником по поводу сроков нашего отъезда в город.

Дело в том, что несмотря на усиливающийся день ото дня холод, мне было хорошо... Я стремился подольше поработать, Руслана же полевые неудобства откровенно утомляли.

Пролет уток проходил непредсказуемо. Я метался в поиске лучших мест для наблюдений. Все лучше и лучше стал определять летящих птиц, проводя свое время в терпеливых многочасовых подсчетах птиц на скоплениях...

Непрерывно менялся видовой состав мигрантов... Вчера летела, скажем так, «одна шилохвость», т.е. наблюдалось абсолютное доминирование уток этого

вида... А сегодня, вдоль моря, целый день, как из мешка высыпанные, тянулись на юг морские утки.

В море были обычны горбоносые турпаны, синьга, морянка. Наблюдались смешанные стаи морских уток с большей долей «примеси» связы и гоголей.

Полевой быт был «на высоте». Виктор Палыч поддерживал чистоту, тепло и комфорт в будке машины. Он исправно участвовал в приготовлении еды, занимался машиной, находил множество мелких, но нужных дел. За едой и по вечерам он философски терпеливо встречал все более унылые реплики и репризы заскучавшего Руслана...

Наш острый конфликт совпал по времени с очередной пролетарской годовщиной... Седьмого ноября вместо «священной» рюмки спирта из запасов начальника отряда я встретил гневный взгляд Руслана. «Мы не выпьем ни грамма, сейчас ты собираешься немедленно... Мы отъезжаем в город без промедления», - почти поэтически продекламировал мне мой «начальник».

Я смотрел меланхолично на непреклонно-революционную решимость, сквозившую в позе подбоченившегося Руслана «Срок нашей командировки, истек. Я приказываю оставить всякие твои глупости неповиновения. Ты должен немедленно загрузить все свое барахло, которое раскидано по косе», - продолжил он.

Между тем, Палыч мне уже подавал стальную миску с «огненным» по вкусу от перца и температуре

утиным бульоном, и я прихватил стальную миску рукой, привычно натянув на пальцы подол своего полевого свитерка...

Мое внимание полностью было поглощено этим процессом, и вероятно, Руслан не уловил должного почтения и отклика в моем этом невнимании...

Он как-то тонко взвизгнул, фальцетом выкрикнув: «Я приказываю тебе подчиниться немедленно!!!»»

В общем сейчас мне как-то немного стыдно за то, что произошло тогда между мной и Русланом. Он был славный, интеллигентный человек, и при этом заплутавший однажды на своем жизненном пути. Не его это были полевые радости и заботы!

Мы довезли его до железнодорожной станции Хасан. Отправили ближайшим и единственным поездом в город, обиженного и возмущенного....

Мы со Слоном остались на болотах «до упора», дождалась тотально-полного замерзания всех приморских водоемов...

Тогда я впервые зафиксировал особый и вполне реальный трансграничный эффект, как и вопиющие факты птичьего беззакония...

Несколько вечеров подряд я кропотливо фиксировал как жирные переливающиеся всеми красками радуги селезни кряквы возмутительнейшим образом мигрировали на рисовые чеки в Северную Корею на всю ночь...

А по утрам они возвращались в Советский Союз на гладкий лед лагун и озер, вновь находя себе на дневках безопасное вольготное сонное пребывание.

Утки не могли оставаться днем в Корее. Трудолюбивые крестьяне спозаранку выходили на свои поля собирать колоски... А у нас сельского жителя за трудовым занятием на полях и тем более в ноябре, уткам было не найти...

Тишину и покой тех дней я помню до сих пор!

КЛОКТУН

В сумрачной серости снеговых ранневесенних туч блеснул голубоватый проблеск... В мутноватом низком небе проявились нечеткие штрихи... Неясные черточки неуловимо утолщались, уплотнялись... Вскоре эта нерукотворная штриховка уже закрывала половину видимой полусферы неба...

Что-то как-то очень быстро и шумно близилось... И тут же разом обрушивается гул... Непривычный и чуждый природе индустриально-структурированный шум... Похоже на внезапный грохот вынырнувшего из ниоткуда реактивного штурмовика...

Нет, все же это не завывание турбин боевой машины неба. Слышно невероятно слаженное ритмичное рассечение воздуха слитными движениями сотен тысяч крыльев летящих издалека птиц... Невероятная природная симфония, сказка звука и ритма... А еще невероятная охотничья УДАЧА!!!

Нам, тем, кто когда-то всеми правдами и неправдами отыскивал и жадно вчитывался в страницы жутко дефицитных приключенческих романов Фенимора Купера и Майн Рида, были близки притягательные пейзажи американского Дикого Запада.

Мы проникали своим воображением в тонкости приключений романтических и благородных «европейских пионеров» в североамериканских диких первобытных лесах и прериях.

Я до сих пор ношу в своей душе трепет сопричастности к привлекательной, малонаселенной,

полной опасностей, и этим столь неудержимо притягивающей природе канадских Великих Озер.

Эти переживания хранятся в душе. Когда я встретился наяву с современной природой Канады и США, то не стал смешивать свои юношеские грезы, навеянные книгами, и прагматику тривиально-облагороженных лесов Тихоокеанского американского Запада.

Значительно позже, когда уже жил в Приморье, я смог легко заполучить в свои руки книги В.К. Арсеньева, Н.М. Пржевальского, Л.М. Шульпина и вполне профессионально нашел-прочитал-впитал чем-то сходно-знакомые, но бесконечно далекие от «фениморских» строки очевидца событий тех же полутора века назад...

«...Низко, почти над самой землей, неслись они с юга и затем, встретив Сунгачу, направлялись вверх по ней на полынью... Посидев несколько часов, вся эта живая громада поднялась с шумом, напоминающим бурю, и на лету то свертывалась в одну сплошную кучу, то вытягивалась фронтом в линию, то летела углом или разбивалась на другие меньшие стаи, которые вскоре вновь соединялись в общую массу...

Огромными стадами (100-500 особей) неслись они к северу беспрестанно целые дни. Куда ни взглянешь в это время – везде можно было видеть и слышать летящих клоктунов».

Мне довелось воочию и неоднократно видеть плотные клубки птиц непрерывно меняющих направление полета огромных стай. Миг, и они уже стремглав

проносятся над тобой. Шум и особое гортанное клоко-танье, и тебя как будто бы выносит в измененное состояние. Нет ничего, кроме охватывающего томления взлететь самому над заболоченными кочками плавней топких ханкайских болот...

Самому пронестись в неудержимом полете над расплывшимися квадратиками все сильнее забрасываемых рисовыми полями... Над зарастающими чертополохом, полынью, всевозможными сорняками, торжествующе попирающими прежние свидетельства былого величия эпохи советских трудовых свершений.

Прагматик же, неисправимо вороватый местный житель, промолвит: «...ooo птица пришла! Опять нахлынут городские...».

И неотчетливо, но обязательно отложится в сильно затронутом некачественном алкоголем мозгу мысль о том «...как-бы и мне свой урвать кусочек от этого пиршества природы...»

Весна пришла на озеро Ханка. Прилетели, возвращаются из «зимних гостей» утки, гуси, лебеди... И если оказываешься поблизости, можешь услышать как божественно не затихает, не глохнет в ночи характерное, многоголосо-вкрадчивое негромкое квохтание-клокотание-гогот клокунов.

Там, где-то в ночи, когда заторможен-погашен стремительный лёт, плавно опустились, расселись, разместились на весеннем льду или приводнились в стылой черноте промоины усталые птицы.

Ничего не увидишь... Морозная ранневесенняя занавесь ночи скрывает множество черных точек, колеблющихся в промоине или неподвижно задремавших на кромке льда...

Главный герой этого очерка – КЛОКТУН. Это относительно небольшая, но без сомнения, одна из самых загадочных водоплавающих птиц, обитающих только в Восточной и Северной Азии. Все необычно в этой птице. Русское название происходит от краткой имитации его голоса, английское название – BAIKAL TEAL - подчеркивает его принадлежность к чиркам, которые имеют отношение к великому сибирскому озеру Байкал.

Латинское же название *Anas Formosa* отсылает любопытствующего к прежнему (старому) названию китайского острова Тайвань, который входит номинально еще в список мест зимовок этого вида.

Очень красив и своеобразен облик клокуна, хотя среди красавцев мужского утиног племени есть виды ничем не уступающие яркостью и красотой своего оперения. Социальное поведение клокуна дихотомично и противоположно.

Зимой (на зимовках) и в период миграций эти утки образуют громадные шумные стаи. Летом начавшие гнездиться парочки, тихие некрупные выводки, линные самцы ведут себя незаметно, скромно, одиноко, таинственно...

Клоктун недостаточно изучен орнитологами. Многих особенностей его размножения до сих пор никто не знает. Годовой ареал клокуна очень велик.

Этому сибирскому виду присущ и «сибирский размах» в распределении по территории. Он встречается к востоку от Байкала до тихоокеанского побережья, летит гнездиться на север к арктическому побережью, кочует волнами на юг, подолгу останавливаясь на «хлебных местах», но «умудряясь» оставаться малозаметным в осенний период.

Никто не знает и не может доказать точную численность клокуна ни в один из периодов его изучения. Есть достоверные свидетельства, что клокунов было очень много, невероятно много на большей части Азии и особенно в Сибири и Дальнем Востоке России.

За рубежом его массово добывали, отлавливая сетями или отравляя в период зимовок на территориях всегда густонаселенного Китая, и в своеобразной другой до сих пор Японии...

Клоктун оставил след во множестве охотничьих историй в Азии. В Европе о нем стало известно из наблюдений и рассказов немногих тогда «западных путешественников».

В XX столетии состоялся «орнитологический бум»... В нашей стране в середине прошлого века существовало сильное и знающее профессиональное сообщество орнитологов.

В европейской, американской и затем японской «среде» сформировались активные сети энтузиастов, орнитологов-любителей.

В последнем десятилетии XX века в мировой орнитологической литературе стали все чаще появляться публикации, где настойчиво говорилось о катастрофе с

этим видом, а именно: стремительном падении численности его популяции.

Эти утверждения (обвинения, прежде всего) со стороны зарубежных и российских исследователей и экспертов, несомненно повлияли на разработку и принятие глобально-строгих природоохранных мер для защиты клокуна.

Этот вид, последовательно был внесен в мировую Красную Книгу (список) Международного Совета по Охране Природы (МСОП), в специальное приложение SITES, затем Красную Книгу Монголии, Красную Книгу Азии.

Очередь дошла и до России. Клоктун был включен в издание национальной Красной Книги 1990-х годов, потом, в соответствующие издания таких же изданий для территорий всех субъектов Российского Дальнего Востока.

Однако получилось по Черномырдину: «хотели, как лучше, а получилось как всегда».

В период, когда началась и пока продолжалась вакханалия хорошо организованных некоторыми грантополучателями природоохранных мер, численность вида стремительно начала расти. Казалось бы, а что ж здесь плохого? Радоваться надо! Но не получилось.

Причина в том, что, если вид животного имеет высокий природоохранный статус, он относится к тем объектам, на которые не просто запрещена охота, но и

добыча которых строго наказуема в соответствии с действующими нормативно-правовыми нормами вплоть до уголовного преследования.

В нашей стране всегда предпочитали наказывать невиновных и награждать непричастных. Попробуем немного заглянуть в историю.

Клоктун всегда был хорошо известен аборигенам российского Севера и Сибири, причем значительно ранее тех времен, когда казаки смогли убедить всех живущих на этих просторах, что бескрайние просторы Восточной Сибири и Дальнего Востока тоже относятся к России.

Зарубежным натуралистам эта грациозная утка стала известной после правильного таксономического описания экземпляра уточки, добытой в далеком 1775 году на загадочном Тайване.

Английский систематик Джордж, впервые описавший данный вид, приписал клоктуна к утиному роду *Anas*, и дописал на латыни название места коллектирования - китайский остров «Формоза» – Тайвань.

Пути могут быть разные у клоктуна, и вдоль побережья, и через горы... Китай, обе Кореи, Япония... но первым, важнейшим остановочным пунктом на путях пролета этого вида.

А еще точнее - одно из основных ветвей русла его пролета составляет Южное Приморье, и именно - Хасан.

Здесь клоктуну появляются достаточно рано, в третьей декаде марта. сразу же после первых разведывательных прилетов самых нетерпеливых и беспокойных представителей утиных – зеленоголовых красавцев кряковых селезней. Как и своих «чироковых» родственников клоктуна, меньших братьев - стройных уток с блестящими зеркальцами на крыльях - чирков-свистунков.

На Хасане клоктуну, вследствие своей общительности или, иначе говоря, благодаря особенностям социальной организации, появляются сразу и в массе.

Там, на озере Тальми или в русскоязычном варианте, в пределах Залива Птичий - скопления клоктунов теряются среди многотысячных стай уток, держащихся вдали от берега.

На озере Ханка, в скоплениях клоктуна, даже не приближаясь близко к отдыхающим птицам, на расстоянии нескольких километров можно услышать ровный гул общения этих уток. Этот шум здесь практически никогда не стихает.

Неизвестна истинная причина такого активного общения. Может быть так проявляется эффект «коммунальной квартиры».

При такой скученности, при постоянном перенаселении крайне ограниченных территорий отдыха и кормежки им просто скучно молчать? Ведь потом они все разделятся по своим гнездовым участкам, и невозможно будет общаться? Знать бы истинную причину...

Из научных публикаций хорошо известно, что обычная плотность населения клоктуна в Якутии, на

Колыме, в Центральной Сибири, на Камчатке почти повсеместно низка. Его остается много только за счет относительно равномерного распределения в пределах большой территории с невысокой антропогенной нагрузкой.

Эти утверждения у меня теперь не вызывают прежней абсолютной веры. Во время странствий по Якутии и Чукотке я быстро убедился, что по-настоящему мало посещаемых людьми мест осталось очень немного.

И конечно же, в отдаленных местах никто не стесняется стрельнуть себе на котел, а нередко и для забавы встретившуюся живность. Число людей и ружей, которыми они владеют, никто подсчитать не сможет.

Следовательно, установить в какой степени влияет отстрел в местах гнездования и линьки оказывается невозможным.

Попробую прояснить вопрос стрельбы (не охоты, которая запрещена) по клоктунам.

Проведенные нами на Ханке, в 2000 г. подсчеты ружейных выстрелов показали, что в официальные сроки весенней охоты с одной точки (место учетчика было в районе с. Луговое) было зафиксировано 843 выстрела в сутки.

Более 60% из них (536 выстрелов) было отмечено за краткий получасовой промежуток вечернего перелета уток на кормежку.

По другим нашим подсчетам, во второй половине апреля 2006 года, когда весенняя охота уже была

запрещена, общее число выстрелов сократилось более чем в семь раз.

Кто же тогда стрелял? Ведь регистрировалось в среднем 142 выстрела в сутки. То время было еще примечательно тем, что отстрел по специальным разрешениям и нелегальная добыча уток (местными жителями, местными и приезжими начальниками, «блатными» всех мастей и т.п.) были между собой неразличимы.

«Стрелковое» паломничество джипов, специально оборудованных кунгами «шестьдесят шестых», Камазов, вездеходов невиданных у нас импортных образцов было нормой с начала ранней весны.

В каждой такой компании был владелец «бумаги», формально ответственный за отстрел и «отстрельщики» - его друзья-приятели, знакомые, родственники, нужные ему люди. Никем не удерживаемая пальба продолжалась вплоть до второй половины мая, а интенсивность стрельбы в среднем только на одном произвольно выбранном нами месте составляла 59 выстрелов в сутки, зарегистрированных с одной позиции.

Проблема эта существует и сейчас, она свойственна не только для Приморья, но и для большей части России. Охота разрешена – стреляют, охота запрещена – также стреляют.

Так длится вплоть до того момента, когда пролетные утки улетят. Местных уток будет уже мало, начнется период массового размножения и невыгодно станет приезжать на отстрел.

Сейчас вновь идет процесс подготовки очередной общероссийской Красной Книги, ее обсуждают все, кому не лень, проект списка видов, которые должны получить статус «охраняемых» доступен на сайте министерства природных ресурсов в сети...

Идут жаркие дискуссии об исключении или оставлении клоктуна среди «краснокнижных видов», меня же больше волнует не факт этого выбора, а его безальтернативность...

Если охота на клоктуна будет узаконена, то исчезнут тысячные массовые нарушения охотниками правил охоты. При этом сама ситуация с весенней охотой остается неизменной... как никто не делал ничего для сохранения этого вида, впрочем, как и других птиц-мигрантов, так и никто не будет что-либо делать.

Есть также необходимость научных исследований, но таковые в нашем отечестве, нашим государством совсем не финансируются последние четверть века.

Например, в Биолого-почвенном институте ДВО РАН, в 2015 году каждый сотрудник, который должен работать в поле (полевик), мог получить только одну (!!!) оплачиваемую краткосрочную командировку.

Новейшие данные японских, корейских, американских, китайских и европейских орнитологов показывают, что прежние, неполные и ныне совсем устаревшие сведения о путях миграций клоктунов не соответствуют реальности.

Если профессионалы-орнитологи не знают, где даже в массе летят охотничьи виды птиц, то что можно рекомендовать контролирующим структурам?

Совсем заброшены исследования по охотничьей орнитологии. В советский период орнитолог Евгений Гусаков в ЦНИЛ ГЛАВОХОТЫ РСФСР организовал и убеждал своим примером вести очень нужные работы такого плана. Ныне все те, кто когда-то что-то делал в этом направлении, давно уже «отошли» от этих дел.

За рубежом, и особенно заметно это в Китае, государство в массе стало поощрять проведение орнитологических работ. Каждый их заповедник, научный стационар, академический институт имеет в своем штате орнитологов.

Китайцы перезаключили Конвенцию об охране мигрирующих птиц между Китаем и Россией. В нашей стране, к ней, точнее к тем финансовым и деловым возможностям, что дает данное соглашение, «присосалась» небольшая горстка предприимчивых «деляг от орнитологической науки».

В сохранении данного вида не стоит полагаться и на международное сообщество, даже если учесть, что в Европе, Северной Африке, Северной Америке все лучше становятся известными давно начатые работы по состоянию географических популяций водоплавающих птиц.

На мощной ежегодной основе ведется массовая регистрация динамики их численности и добычи, то

для нашего австрало-азиатско-тихоокеанского пролетного пути (и между прочим здесь действует мощное международное Партнерство).

На Дальнем Востоке и в Сибири любые орнитологические работы ныне ведутся в таких масштабах, о которых не стоит даже заикаться. Государственной руки здесь нет, и скорее всего и не будет не только в ближайшем, но и отдаленном будущем!

Что касается «судьбы» клоктуну, то наши данные, собранные на оз. Ханка в 1994-2000 гг. по единой строгой методике показали, что межгодовая численность этих птиц на весеннем пролёте хаотично меняется более чем в 10 раз.

Впрочем, если основываться на некоторых публикациях, то можно заметить, что пределах одного лишь десятилетия, в отдельных местах, регистрировали разницу более чем в 100 раз по сравнению с минимальным показателем.

Можно констатировать наличие резких межгодовых колебаний численности, но их причина остаётся неясной.

Скорее всего, имеет место непостоянство миграционных путей вида. Происходит, вероятно, и межгодовое перераспределение потоков птиц в период пролёта.

Такое непостоянство и разница в характере пролёта четко выражено в межгодовой разнице формирования массовых скоплений на днёвках, в различной выраженности его видимого пролёта, в сроках появления и отлета...

Клоктун пока еще есть, зрелище его клубящихся стай такое же века назад... хочется надеяться, что не исчезнет и в будущем, как это произошло со странствующим голубем в Штатах!

ОХОТНИКИ И БРАКОНЬЕРЫ

Охота и браконьерство. Главное различие этих слов состоит в том, что первое признается дозволенным, разрешенным Законом занятием человека, второе – таковым не является. Деятель последнего (браконьер) преследуется представителями государства, официально осуждается обществом.

Попробуем на конкретных примерах разобраться как охотник становится браконьером. Обратная последовательность не несет интриги, а скорее является обыденным случаем, в том случае, если браконьерство не является выявленным и доказанным.

Охота на водоплавающую дичь – одно из наиболее массовых занятий тех наших людей, которые имеют единый государственный охотничий билет. Сейчас такой билет имеют многие, но нужными знаниями об охоте, дичи, угодьях обладают немногие.

В Приморье встречается 45 видов гусеобразных птиц и немногим более трети из них (18 видов) включаются ежегодно в официальный список охотничьих птиц, разрешенных к отстрелу.

Отметим, что те виды гусеобразных, которые не являются объектами охоты, в основном имеют статус охраняемых видов как в Приморском крае, так и в России.

Некоторые из птиц регистрируются штучно или даже один-единственный раз. Они принадлежат к категории случайно залётных птиц. Таких гостей из далеких стран узнают лишь профессиональные орнито-

логи. Иногда «иностранцы» попадают в объектив фотоаппаратуры-любителя, и тогда любопытствующий пытливым субъект может узнать, что стал автором «орнитологической находки».

Среди очень редких в крае уток известны пеганка, американская свиязь, гоголь-головастик, гага-гребенушка, хохлатая пеганка, американская синьга, зеленокрылый чирок. К залетным гусям относят белощея, малую канадскую казарку, горного гуся, черная казарку.

Естественно, что таких «незваных гостей» из Америки, Юго-Восточной Азии, и даже из Европы может ждать весьма неласковый прием – встреча свинцовой дробью.

Но по закону, за непреднамеренную добычу таких видов, нашему государству наказать охотника будет сложно, ведь в правилах охоты эти виды не записаны.

И совсем иная история обстоит с видами, которые являются «своими». Они имеют «местную прописку», следовательно, нарушители правил охоты при выявлении такового, встретятся с соответствующей «буквой Закона».

Стараниями контролирующих органов и по просьбе в любом случае желающих заработать охотпользователей весенняя охота в Приморье в последние десятилетия на территории края разрешена в три периода, каждый из которых длится по десять дней, обеспечивая возможность охоты в конкретном месте.

Массовые скопления водоплавающих птиц в Приморье наблюдаются с последней декады марта до середины или конца апреля.

На весеннем и осеннем пролетах среди гусеобразных птиц всегда доминируют речные утки менее обильны бывают нырковые и морские утки, гуси и, наконец, наименьшие по численности весной – лебеди.

Примерно в такой же пропорции эти группы добываются, хотя некоторые виды морских птиц (синьга, турпан, морянка...) в период официальной охоты совсем не добываются. Общая реальная добыча утиных никому не известна ни в Приморском крае, ни за его пределами.

Гуси всегда привлекают особое внимание охотников. Основную их долю в Приморье составляют два вида: гуменник и белолобый гусь.

Оба вида – желанная добыча охотника, но гуменник крупный и более редкий среди трофеев, тогда как белолобый гусь значительно чаще радуется сердцу удачливого охотника.

Гусей добывать сложнее, чем уток, даже если охотник «обвешает» себя специальными звуковыми манками, закупит массу профилей, специальных скрадков и т.п.

Среднестатистический гусь недоверчив к миру, где его стремятся вычеркнуть из списка живых.

Хорошими охотниками могут быть не только крестьяне-сельчане, но и заслуженные отставные работники инкассации, и милицейские и военные профессионалы.

Таким «мастерам» свойственна боевая закалка и прежняя сноровка несомненно продолжает верно служить. И есть такие особые люди, которые добывают по сотне и даже более гусей ежегодно.

Охотники весной, а некоторые и осенью, неделями, а то и месяцами живут «в поле». Если их спросить, и они захотят поделиться своими сведениями, то много интересного можно узнать о жизни пернатых.

Мне, впрочем, никогда не удавалось наладить беседу с такими информаторами. Мы слишком разные... Я всегда полагался на собственные наблюдения и на результаты наблюдений своих надежных коллег.

Удалось выяснить, что гусь гуменник (у нас встречается два подвида - тундровый и таежный) бывает менее осторожен на путях пролета. Летят эти гуси нередко очень низко, близко налетают на охотника, иногда даже открыто стоящего в поле.

Кажется, непостижимым, но я нашел разгадку такому поведению, встречая гуменников на зимовках – в Японии, Южной Корее и Китае, и в местах гнездования – в тундре и тайге. Эти гуси очень доверчивы, если их не беспокоить, они не боятся даже человека с ружьем, пока не получат жестокое опровержение, иногда последнее в их жизни.

Гусь-сухонос – запрещенный к добыче, «краснокнижный вид». По своему облику и массе тела этот гусь самый крупный. Опытные стрелки-браконьеры легко отличают его в полете, называя «гусь-лебедь» в своих рассказах приятелям и домочадцам.

Среди настоящих лебедей в Приморском крае преобладает лебедь-кликун. Именно его мелодичные крики можно услышать в небе. Доля меньшего собрата его - малого лебеда - у нас на пролете составляет от 6 до 17% всех встреченных лебедей. Единично был встречен и лебедь-шипун.

В отличие от северных озер или дельты Волги, у нас лебеди лишь изредка образуют сотенные скопления. Весной 1987 года я видел скопление лебедей на заснеженных полях в окрестностях села Сиваковка в Хорольском районе Приморья. В бинокль я насчитал 587 птиц, находясь в одном месте.

Многие видят лебедей на «одноименном» озере Лебединое, том, что по пути на Хасан. Чаще всего именно тогда находятся желающие скрасть и подстрелить птицу. Такие попытки редко оказываются удачными.

Лебедь не менее зоркая птица, чем гусь, но, как и его серый собрат, он на свою беду иногда может пролететь слишком близко от бессовестного стрелка, который слишком не задумается, чтобы пальнуть в птицу.

Впрочем, это – не охотник. С настоящим охотником такие горе-охотники имеют только одно сходство – одинаковый государственный охотничий билет в кармане.

В Приморском крае, среди добываемых охотниками уток, безусловным лидером нелегальной добычи является клоктун. Нелегальный отстрел этого вида со-

ставляет десятки тысяч ежегодно. Здесь причина такого явления - несовершенство применения статуса «краснокнижного вида».

По нашему законодательству, федеральные предписания имеют приоритет перед региональными положениями нормативных документов. Тут все просто.

Например, вид сокращается в числе, получает «угрожаемый статус», следовательно, теоретически, легче получить финансовую поддержку на охрану такого объекта.

Совсем иной аспект проявляется в ситуации, когда официально нельзя добывать, а в реальности, во время охоты такие птицы летят десятками тысяч.

Как обеспечить защиту данного вида там, где редкий вид на отдельных территориях, превращается в массовый?

Клоктун попал в такие «ножницы». Приемлемый выход из данной «патовой» ситуации можно найти только на основании результатов многолетних исследований.

На азиатской части России ситуация с численностью популяций гусеобразных несомненно становится угрожающей. Доказана сокращающаяся численность видов речных уток.

Несмотря на это знание, эндемичные виды - касатка («серая»), черная кряква или «манчжурка» - продолжают фактически добываться охотниками. Когда то эти оба вида, верно, были массовыми на гнездовании и на пролете.

По не выявленным причинам – численность их упала, но они продолжают отстреливаться примерно в тех же объемах, что и раньше. А это фактически тысячи птиц, добываются, как и раньше, несмотря на запрет.

Черные кряквы, по моим наблюдениям, под выстрел попадают прежде всего в тот период, когда начинают активно готовиться к размножению.

Парочки стремятся отыскать для себя наиболее «уютные» гнездовые участки, летают днем, низко, сидят открыто в каналах и озерах, легко становясь добычей охотника.

Соотношение полов у этой утки примерно пятьдесят на пятьдесят. Самца от самки черной кряквы может отличить только очень опытный орнитолог.

Отстрел самок у всех видов гусеобразных весной всегда велик, что не способствует благополучию состояния и охотничьих видов птиц.

В период весенней охоты достаточно часто стреляют мандаринок. Самцы этих уток удивительно красивы в брачный период, но понятно, что сей аргумент добытчиков не останавливает, а скорее наоборот, появляется дополнительный соблазн добыть красивую пернатую диковинку.

Не могу не упомянуть о том, что к огромному сожалению, большинство охотников начала третьего тысячелетия по менталитету мало отличаются от пращуров. Они относятся к той категории, кому и дубинку доверить можно лишь по недоразумению.

Вооруженные же современным оружием и при полном отсутствии совести и воображения, стрелки в

период разрешенной охоты стреляют все. Причем следует заметить, что вороны, которые безусловно не «райские птички», всегда успешно облетают таких стрелков. Зато чайки, чибисы, журавли и даже певчие птицы страдают в большом количестве и повсеместно.

Однотипны отговорки-объяснения, пойманных на месте преступления. Они обычно не отличаются оригинальностью: «а я не знал, что ее нельзя стрелять», «пробовал ружье, патрон, прицел и т.п.», «скучно сидеть, ничего не летает» и т.д.

Расскажу один из эпизодов. В сезон 2009 года на озере Ханка осталось много необрунных полей с рисом и соей, хорошо сохранился после зимы фазан. В мой первый приезд в конце марта, я видел десятки куриц и петухов.

С началом массовой охоты большинство прибывших охотников с собаками или самотопом начинали выгонять, преследовать, безбожно стрелять фазанов.

Только варварством можно назвать такие «самоедские» пляски на полях стрелковых орд. И бояться им было нечего и некого.

Местные охотпользователи заняты своими административными делами и выпиской путевок, сбором взносов, а местный и краевой охотнадзор всегда оказывается немногочисленен, достаточно редко способен «прихватывать» любителей таких незаконных занятий.

Проблема браконьерства стоит остро не только в сезон разрешенной охоты. Не бывает полного затишья в «утиных краях» и летом.

В нашем крае в летнее время основное население гусеобразных птиц можно разделить на две категории: 1) гнездящиеся птицы и 2) птицы, которые собираются с обширной территории Приамурья на летнюю линьку.

В этот период официально охота всегда запрещена, но последние десятилетия свирепствуют группы, осуществляющие так называемый «мониторинг» и «регулирование численности».

Это кодовые названия групп отстрельщиков, вооруженных официальными разрешениями на добычу «в научных, культурных... и даже образовательных целях».

Обидно то, что в эти беспредельные компании огульно записываются скопом как «деятели от науки», так и те научные сотрудники, что ведут настоящие исследования.

Среди охотничьего сообщества всех, кто имеют такие «бумаги», величают «наукой». Это также одна из форм поднятия престижа в глазах представителей определенных группировок.

«Влиться» в такую контролирующую и разрешенную группу – заманчиво и престижно (круто!) ...

Схему организации таких мероприятий, как мониторинг, охотой я никак не могу назвать. Она достаточно проста. Некая организация (список таковых когда-то можно было посчитать на пальцах одной руки, а

сейчас разросся очень существенно), в начале года направляет специальное ходатайство в краевые органы охотнадзора⁴.

И если «в прошлом» заседала авторитетная межведомственная комиссия знающих людей, которые решали – кому давать «бумагу», а кому – нет! То ныне решает сам охотпользователь, всегда заинтересованный в спонсорстве и дружбе, выносит собственное и скорее всего «небескорыстное» решение в пользу «исследований» с ружьем наперевес.

Таким образом, часто не имеющие специального образования люди, но корыстно заинтересованные, полновластно решают кто может, а кто не может заниматься наукой, мониторингом и регулированием в пределах арендованных ими самими, т.е. не принадлежащих, но активно используемых охотничьих угодьях.

Раньше была хоть плохая, но система. Требовалась некая обоснованная позиция для отстрела вне сроков охоты. Стандартно писалось письмо от научной организации с приложением к нему выписки из решения Ученого совета, кафедры ВУЗа или иного научного органа.

Сейчас «охотдеятели» не заморачиваются совсем. Настало раздолье для желающих пострелять в закрытое для других время.

⁴ Такой орган назывался в разные годы по-разному, но функциональная суть его была всегда одна и та же – обеспечение государственного надзора

Сотни различных контор прикрепляют к своему запросу протоколы решений своих коллективов, которые утверждают, что им обязательно следует проводить отстрел уток и гусей (а также оленей, кабанов, медведей...) во все периоды года.

В папках охотпользователей можно встретить письма на листах, вырванных из школьных тетрадей, написанные от руки с множеством грамматических ошибок. Как правило, мотивировка этих обоснований не выдерживает элементарной критики даже человека далекого от «гусиной науки» или любого образованного териолога.

Конечно, можно «придраться» и к настоящей науке. Предположим, в письме института мотивируется необходимость проведения паразитологических и генетических исследований.

Хорошо, понятно изложено, несомненно имеет фундаментальный характер? Чем замотивировано желание провести отстрел в местах массовых скоплений птиц за несколько дней до начала разрешенной охоты и многих недель после окончания сроков охоты?

Устный ответ может быть достаточно простой. Массовый материал легче добыть, ориентируясь на фактический характер пребывания птиц в крае, а не приспособившись к требованиям соблюдения правил официальной охоты.

Впрочем, при губернаторе Сергее Дарькине - ситуация с «научной охотой» была как никогда хуже, и особенно с моральной точки зрения.

В мифической защите от реально существующего вируса «птичьего гриппа» были созданы и узаконены бригады отстрельщиков. Они «беспредельно» и бесконтрольно, действующие были просто каким-то бедствием.

Так изначально хорошая, верная идея о науке и контроле извращена исполнением. И еще совсем недавно, один из прежних вице-губернаторов активно курировал этот вопрос лично.

Для него самого и для его руководства была создана очень удобная возможность порадовать «хороших людей» в тот «золотой» период, когда миллиардными финансовыми потоками федеральный центр обеспечивал подготовку к Саммиту АТЭС.

Сейчас сладких льгот в виде халявной во все сезоны «мониторинго-регулирующей» охоты поуменилось. Вожделенные «бумаги» достаются уже не всем желающим. Сохранились льготники, но их мало.

Исключением можно назвать одного академика, сохраняющего интерес к генетическим, паразитологическим и вирусологическим исследованиям. Есть у него и поддержка среди зеленой активной ответственности типа WWF или различных фондов-ано...

Сейчас иметь только приморскую «охотничью приписку» - уже не тренд. Самые крутые из ярых небедных охотников ездят теперь по весне в Северную Корею. Причем задействуются без особых затей обычные «турканалы».

Оказывается, пробраться на легендарную землю великого основателя учения чухче, стоит немного. Особым шиком считается охота на непуганых гусей на корейских полях.

Гуси после зимовки еще не долетели до российской земли и пока не знают, как много желающих ими поживиться ждут в пределах любимой Родины. Такие «охоты» организуются буквально в несколько километрах от российско-северокорейской границы.

Таким образом, за очень умеренные цены, можно проследовать историческими тропами когда-то ускользнувших от советской власти семейства Янковских.

Итак, охотники и браконьеры. В птиц стреляют и те, и другие...

Метко заметил об этой ситуации, в своей давней песне очень известный в Приморье защитник природы.

В прошлом военный, а ныне один из корифеев экологической журналистики и автор великолепных фильмов о природе Василий Солкин:

*«Вот летят довольные, га-га-га,
Жизнь вкусили вольную – да-да-да,
Вкусно там питались в бардаках,
Хрен вам, а не Родина, бах-бах-бах!».*

МАНЬЧЖУРСКИЙ ФАЗАН

Малиновая яркая полоска вечерней зари в блеклой синеве угасающего неба. Синевато-серые округлости далеких сопок теряются вдалеке. Ломаные черточки сухого чертополоха, изящные головки репейника и стебли полыни раскачиваются под завывающим ветром в стылой белизне зимней степи.

Одинокий корявый дубок, окруженный хороводом низкого кустарника леспедыцы с тускло-оранжевыми листьями, прикрывает густо заросший бурьяном неглубокий овраг. Стройная строчка округлых следов лисицы в густом бурьяне. Это Маньчжурия!

Маньчжурия – северо-восточная часть Китая, южнее средней и нижней части реки Амур, где триста лет назад обитал один из многочисленных тунгусских народов – маньчжуры, имевшие свою государственность. От этого народа и государства осталась лишь память, а северная половина этой территории по Айгунскому договору с китайцами в 1858 году отошла к России.

Ландшафты Маньчжурии исключительно своеобразны. Здесь наблюдается особое смешение фрагментов степей, гор и лесов.

Степи представлены равнинами, иногда холмистыми, иногда плоскими, они окружены горами.

Маньчжурские горы покрыты лесами, которые в пологих предгорьях становятся редкими рощицами, сменяются полосой лесостепей, переходящих в дальневосточные прерии и степи равнин.

Во второй половине XIX в. Маньчжурия была той территорией, где столбили место для своих хуторов казаки, где хищнически рыскали банды китайских головорезов-хунхузов, обкладывая оброком корейских трудяг земледельцев и аборигенов Приморья – удэгейцев, нанайцев, орочей, большая часть которых была органична тайге, охоте, вольным промыслам.

Академик В.Л. Комаров писал в 1897 г.: «Варварское истребление лесов все более и более оголяет страну и вносит в ее растительность степной элемент, а в историю ее почв крайне неблагоприятное для культуры явление распыления, которому китайская грядковая система особенно благоприятствует.

Отсутствие скотоводства в скольких-нибудь значительных размерах оставляет втуне прекрасные луга горных долин и делает лесоистребление еще более бесцельным.

Китайцы - выходцы из безлесной страны - привыкли обходиться без леса, заменяя его глиной, соломой и сухой травой, и призрак грядущего безлесья их не тревожит...»

Эти земли тогда и сейчас, и всегда будут притягивать к себе авантюристов разного рода. Это граница, это – фронтир, это переходная зона от одних цивилизаций к другим.

Для этой территории характерен особый замечательный вид охотничьих птиц – фазан. В мировой фауне всего два вида рода фазан, один из которых - фазан обыкновенный - встречается в России.

Исторически фазан обыкновенный был распространен очагами на юге Северной Евразии (Кавказ, дельта Волги, южная часть черноморского побережья). Естественная северная граница обитания фазана совпадает с полосой малоснежных степных равнин и предгорий.

Известный советский зоолог Николай Гладков в коллективной сводке «Птицы Советского Союза» (1952) выделил и детально описал тринадцать подвигов фазана обыкновенного как самостоятельные подвиды.

Три подвида фазана обыкновенного, по его мнению, относятся к кавказской группе, восемь населяют различные районы Средней Азии, и только один подвид (маньчжурский) обитает на обширной территории Дальнего Востока. Есть и непонятно какой – охотничий, гибридный.

Фазанов начали разводить в Греции еще две с половиной тысячи лет назад. Их завозили в Италию, Францию, восточноевропейские страны и на юг Скандинавии. Во всех местах интродукции фазаны целиком зависели от человека.

Иное можно сказать о тех фазанах, которые населяют свои исконные места обитания. На Российском Дальнем Востоке и в Маньчжурии фазан заселял участки, отвоеванные землепашцами у тайги.

Чтобы выжить в суровых зимних условиях, фазану требуется обильная и надежная кормовая база. В бескормицу, в глубокий снежный покров, при массовых заболеваниях и в катастрофические смены погоды

(внезапный снегопад, ледяной дождь, гололед), фазаны гибнут массово.

Человек действует на численность фазанов двояко. С одной стороны, зерновые поля являются исключительной базой кормежки, и прежде всего в суровые зимы, с другой – неумеренный отстрел может очень сильно подорвать локальную популяцию этого вида.

В этом отношении, Маньчжурия является идеальным местом для выживания фазана. Эта территория на протяжении последних тысячелетий никогда не была густо заселена людьми и никогда не была полностью заброшена. Здесь существует отличная кормовая база – желуди.

В годы урожаяев желудей фазаны способны быстро набирать вес. На этой территории не происходило опустошительных войн, но были периоды, когда человек отвоёвывал у природы огромные участки.

Мой знакомый опытный человек «в поле», собрат по охоте, старший коллега в науке... академик утверждает, что еще никто не смог «правильно» и увлекательно написать об охоте на дальневосточного фазана, хотя это пытались сделать и М.М. Пришвин, и В.Ю. Янковский.

Именитый М.М. Пришвин, по словам академика, желал написать с природы охоту на фазана в Приморье. И среди великолепных охотничьих рассказов В.Ю. Янковского также нет захватывающих зарисовок фазаньей охоты.

В советской прозе никто не сообразил увековечить величие фазаньей охоты, и самого охотника-фазанщика (фазанника).

Почему так произошло? Наверное, есть какая-то особенность как в главном объекте охоты, так и в том, как фазана стремятся «прибрать к рукам».

Начнем свой сказ «от печки», от той традиционной зоолого-экологической классификации. Фазаны – это куры, и по своей функциональной системе размножения, они относятся к выводковым видам.

Гнезда свои фазаны устраивают поздней весной. В этот период часто земледельцы выжигают старую растительность, из-за чего бушуют равнинные пожары (палы). Фазаны любят непролазные растительные крепи.

Густые заросли засохшей травы, колючки всех видов надежно укрывают птиц. Они превосходно чувствуют себя в высоких стеблях несжатой кукурузы, любят кормиться дикой и культурной соей, не избегают других зерновых и картошки.

Фазаны всегда бывают близки к водоемам. Излюбленными биотопами фазанов являются пойменные леса, дубняки, тростник и кустарники в долинах рек и по берегам озер.

Фазаны способны откладывать по 20-30 яиц. Цыплята быстро вылупляются и способны практически сразу к самостоятельному питанию.

Среди орнитологов считается, что выводковые птицы имеют больше шансов на выживание. Это обстоятельство всегда очень важно для любого охотничьего вида.

Столетиями крестьяне выжигают осенью или весной излюбленные фазанами места. Неистребимо и неискоренимо это вековечное стремление селян пустить пал, выжечь все природное, превратить хаос естественного в правильное уныние сельскохозяйственных посадок.

Большую часть года на равнинах дуют сильные ветра, огонь быстро распространяется. Никакие разговоры и запреты здесь не работают. Площадь гарей стерни всегда занимает обширные территории. Пожары действуют как фактор, угнетающий состояние популяции фазана.

Во внезапно захваченных пожаром сухих местах в пламени сгорает не только сухая растительность, но и фазаны, утки, кулики, которые откладывают и насиживают яйца в этот период.

К концу лета уцелевшие молодые фазаны по размерам близки к взрослым птицам. Выводки бывают немалые, а старые петухи присоединяются к своим семьям только в осенний период.

Фазаны повсеместно страдают от браконьеров. Во время охоты весной и осенью мало кто из охотников способен удержаться от выстрела, завидев внезапно вылетевшую «жар-птицу».

Отметим, что когда-то фазаны на Дальнем Востоке были объектами промысла. Сделаем экскурс в местную «фазанью» историю.

Хорошо известно, что с глубокой древности китайцы отличаются особой предприимчивостью и изобретательностью в вопросах добычи диких животных и птиц. Особое отношение китайцев к фазанам объясняется банальной конкуренцией.

Китайские крестьяне никогда не мирились с тем, что фазаны способны нанести урон их полям, засеянным кукурузой, соей и другими культурами. Заметив большое скопление этих птиц, китайцы раскидывают на жнивье сети, подманивая фазанов на приманку.

Особенно чуждым нашей русской культуре является то, что китайцам бывает незастенчиво использовать любые способы добычи птиц. Им было привычно даже травить дичь ядами. Специальные яды крестьянам обычно негде было взять. Они изобретали свои способы и ориентировались на проверенные «народные средства».

Самый простой способ отравы фазанов состоял в скормливании фазанам зерна чумизы, вымоченной в китайской или корейской водке. По свидетельствам путешественников, хмельные фазаны легко и в большом числе отлавливались китайцами в начале двадцатого века.

О масштабах этого промысла можно судить по сообщению орнитолога Леонида Шульпина о том, что

в первой трети XX века китайцы вывозили из Приморья от десяти до сорока тысяч тушек фазанов в год. Это был и отличный способ временного консервирования.

Пьяный фазан не умирает, не пропадает, не подает признаков жизни. Пакуй и вези куда хочешь.

История повторяется. В конце XX и в начале XXI в. активные китайцы стали наведываться в Приморье за добычей диетического, экологически чистого съестного. По времени это совпало с периодом, когда китайское правительство уже добилось пищевого обилия. Появился высший и средний класс китайцев, которых стало заботить происхождение пищи, вкушаемой ими в ресторанах и кафе.

Предприимчивые владельцы «пищевых» наладили нужные связи, и некоторые китайцы, отправляющиеся в Россию по делам, стали скупать, а то и сами добывать вольную дичь в загранице.

Не только фазаны и медвежьи лапы находят спрос у китайцев. Лягушки, змеи, свежая рыба, кедровые орехи, морская капуста и многое другое из нашей природы «утекает» к нашим соседям.

В Китае существует многолетний мораторий на ружейную охоту, на огромных территориях там нельзя увидеть ни одного охотничьего ружья. Но отравы любой хватает.

Добытчику-китайцу ничего не стоит рассыпать отравленную приманку в самый сложный период года для птиц – зимой.

Крестьяне в Китае травят любых птиц, пригодных в пищу, но предпочитают тех, которые собираются

в стаи. Эта практика перешагнула и российскую границу.

Никто в России не контролирует, чем занимаются десятки тысяч земледельцев-китайцев, живущих в сельской местности и законно (или чаще незаконно, через подставных лиц) арендующих землю для ведения сельскохозяйственной деятельности.

У них хорошо налажены каналы сбыта. Российские скупщики «дериватов» импозантны, как правило разъезжают на дорогих иномарках, хорошо одеты и деловиты. У них обязательно есть «братковая» или милицмейская «крыша», найдены окна на таможне.

Обычные китайцы, мелкие добытчики и скупщики, стремятся использовать официальный путь. Китайские законы очень суровы. За некоторую «контрабанду» могут и к стенке «прислонить».

Объем нелегальной добычи и вывоза неизвестен. В ведомственном бюллетене таможенников сообщалось, что за два года в начале нулевых было задержано 173 тушки фазана у китайцев. Очевидно и понятно, что это только малая часть от незаконной его добычи.

Вернемся к российским охотничьим реалиям. Разрешенная охота на фазана. На территории Приморского края это одна из любимых охот, которую ждут многие. Сезон охоты открывается обычно в конце октября и длится три недели.

Формально считается, что эта охота регулируется сроками и нормами добычи, которые указываются

в разрешениях (путевках) охотников, но фактически добывается больше (сколько повезет).

Опытные охотники стреляют обычно *раздумчиво*. Когда фазанов мало (а такие периоды в любые сезоны бывают обязательно), тогда стреляют птиц на любых расстояниях, независимо от пола, возраста и «вероисповедания». Много подранков, потери убитых птиц обычны.

В разговорах, когда указываешь на такие факты, начинается демагогия, обычное нытье типа: «...я то взносы плачу, путевку и разрешение покупаю, на горючее, патроны, снаряжение истратил...» и т.д. и т.п. И заключение: «...что я теперь пустым домой поеду? Сколько раз увижу, столько раз и стрельну».

Когда фазанов много, стрелять птиц легко и искать подранка никто не хочет. Зачем искать, терять время, вон и там еще есть, и тут вылетают... Добывают и вывозят сколько захотят и сколько смогут.

Во Владивостоке в первой половине XX века было общественно-культурное объединение «Владивостокский клуб любителей правильной охоты».

Само название утверждало о порядке, законе, культуре. В складчину его членами нанимался теплоход, на хасанские просторы везли ящиками патроны, провиант, алкоголь, а оттуда в бочках транспортировали засоленную дичь.

Вот так и познаешь смысл традиции... Неслучайно современные «клубы» заполнены «толстокоршешельковыми» членами и построены скорее на «понятиях», чем на культуре.

Довелось мне пообщаться с такими на разнообразных встречах по делам охоты.

Грустное получается у меня повествование. А ведь я еще ничего не написал о массовом браконьерстве.

В советский период Приморское добровольное общество охотников и рыболовов разводило и выпускало в уголья фазанов. Ныне может быть лишь на небольших пятачках привилегированных частных хозяйств можно узнать и услышать о закупке и подпуске интродуцированных фазанов.

Никто из тех, кто когда-то бывал на фазаньей охоте, не способен забыть феерический вылет, неподражаемый треск крыльев сказочного петуха, вылетевшего внезапно, кажется из-под самых ног...

Незабываем тот миг, когда на солнце ракетой-радугой высверкнет, мелькнет, прочертит простую траекторию удивительная по красоте своего оперения птица. Чем не сказочная жар-птица!

А как можно описать сказку? Надо быть в ней. И тогда, бывает, рождается чудо, хотя это почти неуловимый миг, когда вдруг соединилось твое настоящее с прошлым...

Все у нас настоящее в это мгновение! И жизнь, и любовь, и смерть (но не умирание). Тот миг, когда остановленный выстрелом падает петух... И в эту минуту сказка исчезла, как исчез из жизни этот красавец...

Бывают случаи благоприятные для птицы. Миг, и опешивший охотник, выпаливший от неожиданности два гулких и пустых выстрела, долго еще может

простоять на одном месте, качая головой и вспоминая только что его миновавшее...

ТАМ, ГДЕ ЗИМУЮТ ГУСИ

Провожая в очередной раз взглядом последний неспешный косяк гусей, тающий в сумрачном октябрьском небе, я подумал под их затихающий пронзительный крик, а что же ждет их впереди?

Где их еще проводят выстрелами? Когда наконец они достигнут своего «рая», где много спелых хлебов, зелени полей и безопасности? Сколько вернется их назад потом в Россию?

Эти размышления были актуальны в советский самодостаточный и закрытый для научных международных контактов период.

Прошло еще долгих десять лет с тех пор, когда я смог приблизиться к некоторым ответам на свои заданные, задуманные, транслированные в информационное пространство вопросы.

В России не только профессиональные орнитологи, но и обычные любители птиц могли почерпнуть нужные сведения из классических орнитологических работ Л.А. Портенко, Я. Тугаринова, Ю.А. Исакова, А.А. Кищинского.

Читая эти книги, не составляло труда узнать о том, что "зимними квартирами" для более чем двух сотен видов мигрантов с арктических и лесных пространств нашей страны являются заболоченные низменности.

А также: озера, горные реки и морское побережье Южного и Юго-Восточного Китая, Корейского полуострова, обширные прибрежные территории северных и центральных японских островов.

Можно было выделить и запомнить, что в течение всех последних веков было определено установлено, что более всего стремятся "наши" птицы к исконной сердцевине Китая - в обширную долину реки Янцзы.

Это одно из немногих в современном мире мест, куда очень давно (тысячелетия назад) пришел человек и остался.

Такие территории словно консервировались. И ранее, и до сих пор они остаются плотно заселенными человеком.

Китайцы — это не евреи, рассеянные по всему миру и везде сумевшие интегрироваться, плотно «врасти» в ткань других этносов. В Китае евреи растворяются в китайском доминантном ханьском народе.

Специфика последствий китайского проживания и выживания такова, что в ландшафтах "Срединной империи" формируется ее особый "неизгладимый" след в ландшафтах.

Его можно распознать даже при беглом взгляде на физическо-географическую карту, не говоря уж о спутниковых изображениях или о том, что можешь увидеть сам, даже «точно» бывая в Китае.

Степень влияния китайцев на природу столь велика, что не только растительность в ландшафтах многократно сменилась.

Следует говорить о многотысячелетнем воздействии человека на животный мир.

Самый старший ныне по возрасту орнитологии БПИ ДВО РАН, заведующий лабораторией доктор наук

А.А. Назаренко еще в 70-е годы выяснил особую эволюцию населения птиц, сформированных длительным воздействием культивирования риса в Восточной Азии.

Природа под натиском «китайского человека» отступает даже в суровых ледниках Гималаев, среди плоских каменистых пустынь Внутренней Монголии, на всем протяжении океанического шельфа этой страны.

Нам совсем немного известно, как о прошлом, так и современном состоянии "живности" в Срединной Империи. Доступных работ, способных пролить свет на то, что происходило в Китае хотя бы за последние века нет.

В последние десятилетия китайцы взялись активно развивать «западную» науку, и расширяют и углубляют свои исследования с поразительной быстротой.

На китайских гравюрах, традиционных веерах, гобеленах, наряду с драконами и тиграми, можно видеть сцены ловли рыбы с помощью прирученных бакланов с характерным кольцом на шее.

В Интернете немало имеется изображений и текстов брошюр эпохи сурового китайского коммунистического труда. Умудренные опытом и политически подкованные "мужи" рассказывают, как успешно можно решать продовольственные проблемы с помощью рациональной заготовки тонн лягушек или сбора в бочки жуков.

В Африке все эти способы природопользования объединены и замаскированы увесистым англо-африканским термином "bushmeat".

До сих пор на полуанекдотическом уровне в печати распространяются истории об организации массовых компаний по борьбе с воробьями или тараканами эпохи маоизма.

Западные ученые (ботаники, зоологи, этнографы), начиная с середины минувшего века, кропотливо, по крохам собирали и продолжают собирать любые сведения о природе, быте и воздействии китайцев на природную среду.

Это особенно хорошо стало заметно с середины прошлого века, когда одним из реальных примет глобализации стало стремление понять в каком состоянии находится вся наша планета. Именно тогда был положен старт процессу составления списков исчезающих видов животных и растений.

В двадцатом веке мало что менялось в знаниях о Китае. Реальная ситуация о зимовках птиц в Азии всегда оставалась "загадкой № 1".

На специальных научных и природоохранных мероприятиях мы штриховали на картах местообитаний птиц новые прямоугольники (квадраты) полей на месте прежних богатейших лесных или водно-болотных угодий.

Сходным способом, рассчитывались и рисовались «падающие столбики», символизирующие очередное падение численности вида.

Мне довелось участвовать в обсуждениях, самому составлять и включать в кризисный "угрожаемый" список (книгу) очередной исчезающий вид.

Российский Дальний Восток на большом расстоянии граничит с Китаем. Для большинства наших мигрирующих птиц (клоктун, сухонос, чирок-трескунок и менее приметные воробьиные), Китай становится временной родиной в наш холодный российский зимний период.

Мы всегда приходили к тому, что нам не хватает знаний о том, что происходит с тем или иным видом мигрирующих птиц в Китае.

Мои многие встречи с китайскими коллегами начались в конце 80-х и затем быстро росли в числе и стали достаточно обычными в 90-е годы. Плавно продолжились позже, остаются нередки и сейчас.

Я вынес стойкое и совсем не гипотетическое убеждение, что китайцам мало известно о реальных объемах добычи водоплавающих птиц.

Только в последние полтора десятилетия стали публиковаться сведения о численности и изменениях в местообитаниях зимующих птиц, но и до сих пор китайцы не склонны (не хотят или не могут) обсуждать эту ситуацию с чужестранцами.

Мне остро не хватало собственных впечатлений, хотелось хотя бы раз оказаться не в тесноте китайских городов, дегустируя кушанья и водку, а хотя бы немного попутешествовать, где есть живность, побыть непосредственно и в нужное время в «китайском поле».

В 2006 году, получив приглашение на форум специалистов по гусеобразным птицам, который должен был проходить в Южном Китае в таинственной и древней долине реки Янцзы, я почти не колебался с решением поехать.

По хорошо налаженному «челночному» пути из Владивостока я добрался до Пекина, там сел на обычный китайский пассажирский поезд и уже на следующее утро был в окрестностях города Юэянь, который отдален от китайской столицы на юг более чем на 1200 км.

Пока я ехал поездом, затем последовательно автобусом и паромом, я жадно всматривался в окружающий, разбитый экскаваторами, распахиваемый бульдозерами, интенсивно освоенный и перестраиваемый ландшафт.

Безрадостные следы недавнего катастрофического наводнения отмечались везде. Их можно было заметить в черной отвесной рытвине наспех засыпанной плотины, в искореженных торчащих из заиленной земли железках бывших шлюзов и водозаборов, в почерневших отметилах воды на заброшенных домах, на торопливо перепаханных сельскохозяйственных полях.

Китайские крестьяне, бок о бок с солдатами из регулярной китайской армии, черпали лопатами густейший ил или что-то похожее на него со дна каналов. Другие участники этой работы в хорошем темпе наполняли ведра и покачивая коромыслами разносили этот субстрат по полям.

По календарю тогда был декабрь, очевидный процесс был подготовкой с следующему сельскохозяйственному сезону.

Вдруг вдали на зеленеющих лугах я стал замечать птиц. По словам проводников на тех полях привольно чувствуют себя гуси, утки, журавли. По поводу привольности, меня глодал изрядный "червь сомнения".

В нашей реальности все по-другому, по-президентски: мухи отдельно, котлеты отдельно.

Очень большой соблазн китайскому механизатору держать за спинкой своего транспортного средства ружьецо, чтобы можно было пальнуть в дичь при случае.

Действительность стала разительно отличаться от увиденного в картах и прочитанного в статьях и книгах, когда появилась возможность наблюдать и оценивать.

Голубая гладь озера Дуньхин (Dunkhin Lake) выглядит внушительной кляксой даже на карте миллионного масштаба, занимая площадь в тысячи кв. км (точная площадь озера нигде не указывается).

Этому водоему отводится важное место во всех природоохранных планах китайской страны. В соответствии с ними, восточная часть озера уже находится под охраной в формате китайского заповедника.

Оставшиеся две другие части озера также, по сообщениям китайцев, ждут своей очереди на заповедание в ближайшем будущем. Это мы слушали на заседании в первый день.

Во второй день состоялась экскурсия, во время которой перед нами предстала весьма унылая картина. Озеро было стиснуто, заключено в квадрат дамб с окружающими их хлопковыми и зерновыми полями.

В центре "озера" чернела огромная лужа с оголенными берегами и обширными слаботорфянистыми отмелями. И это знаменитое, важное, центральное место для наших зимующих уток и гусей!

Я был безутешен. Оживился слегка лишь тогда, когда длинная цепочка зарубежных и китайских специалистов по водно-болотным угодьям, периодически испуская восторженные крики при виде единичных небольших стаек журавлей, медленно «поплыла» по двухкилометровой дамбе к недавно построенной смотровой площадке.

Успокоившись и присмотревшись, я понял, что озерная гладь невзрачного с первого взгляда озера, все же была в центре «усыпана» хорошо знакомыми черными точками... плавающих уток и гусей.

Знакомо покачиваясь на воде, вдалеке рисовались белые льдинки лебедей, на мелководье застыли вопросительными знаками цапли, сновали кулики нескольких видов.

От ближайшей птичьей шеренги доносился неопределенный «обобщенный» птичий клекот, слышался приглушенный гогот гусей и раздавался посвист утиных крыльев.

Окончательно я был успокоен, созерцая как в привычные предвечерние "кормовые" часы на зорьке поднялись, потянулись неспешные цепочки гусей.

Они невозмутимо летели над грохочущими и чадящими самосвалами, близко огибали крестьян с буйволами и безразлично пролетали над рыбаками на их утлых джонках.

Мысленно измеряя дистанцию для "верного" выстрела, я осознал, что последние полтора месяца эти гуси выстрелов не слышали.

Поздно вечером, в откровенном разговоре с китайскими учеными, я услышал достаточно много утверждений о том, что не все безоблачно.

Ведущиеся у нас много лет разговоры о массовом отлове и потравах птиц, существовании дичных рынков и стрельбе по стаям из фузей времен Стеньки Разина с самавароподобными стволами не являются совсем досужими вымыслами, кое-где встречаются и сейчас.

Во многих провинциях диких птиц добывают разнообразно и едят.

Один из признанных экспертов по Азии, Файзель Париш, в красках описывал как изымаются азиатскими спецами в массовых количествах кулики из очень эффективно работающих паутиных сетей в ежегодные периоды сезонных миграций

В Китае, как одно из массовых подспорий и добавочных пищевых объектов пернатая дичь, потеряла свое значение лишь сравнительно недавно. Рост экономического благосостояния, конкретно выраженный в получении достаточного количества риса для всех, ослабил браконьерский пресс, но не уничтожил.

По расчетам, выполненным на европейских и североамериканских зимовках, в среднем не более 30-40% прилетевших осенью птиц доживают до весны.

Для азиатско-тихоокеанских зимовок эта картина еще более драматичная, но точных цифр гибели птиц на азиатских зимовках назвать не может никто! К сожалению, за минувшее десятилетие мало что изменилось.

Китайцы сейчас на официальных природоохранных и орнитологических форумах стараются доказать, что отловы крестьянами птиц относятся к традиционным занятиям.

Формально это верно, но если в нашей тундре аборигенов с традициями ловить линных гусей уже фактически не осталось, то в Китае численность населения только увеличивается.

Большие споры вызывают сроки и объемы охоты. Обычно на официальных мероприятиях, мало разделяют официальные и неофициальные практики добычи птиц.

Китайцы признают, что несмотря на официальный запрет использования охотничьего оружия (в чем меня заверяли несколько китайских чиновников), кое-где у населения сохранились старые ружьишки, которые не только ржавеют, но и используются по прямому назначению.

Учитывая то, что в последнее десятилетие китайцы выпускают прекрасные автомобили (по лицен-

зии и свои), снаряжение и оборудование, которым завалены рынки в Европе, США и России, они научились делать и охотничье оружие.

При обычной манере китайского правосудия применять незаконное ружье мало кто рискует. Традиционно распространены в Китае бесшумные способы добычи вкусных промысловых птиц.

Высокое качество китайских сеток (жилковок-путанок) давно уже оценили приморские и амурские браконьеры. В считанные месяцы заметно оскудели уловы в дальневосточных приграничных реках.

Я уточнял много раз, и несмотря на неполные и уклончивые ответы понял, что вряд ли в Китае принимаются действенные меры по регулированию любых способов рыболовства.

Судя по обилию сетей, количеству и величине зажаренных до хруста рыбешек, которую предлагают в ресторанах, рыбу ловят любую и во все сезоны года.

Сотни лодок рыбаков месяцами не покидают озера и реки, представляя одновременно "стол и дом" рыбаков.

На Ханке китайские рыбаки зимой глубоко вторгаются на российскую территорию, живут неделями среди льдов, ловят рыбу и возвращаются с хорошим заработком к семьям.

Стоимость «дикой рыбы» (верхогляд или китайский окунь-ауха) доходит до сотен долларов за штуку.

Везде крестьяне не упускают случая разнообразить свое меню дикой уткой "по-пекински" или гусем, приготовленным с субтропическими мандаринами.

Давно известны и до сих пор популярны коварные крестьянские способы добычи птицы. Маленькие, коричневые шарики, начиненные испытанной отравой, на худой конец тривиальными гербицидами, регулярно разбрасываются на мелководье или в густой траве в местах постоянной кормежки.

Потом с обычной азиатской флегматичностью и постоянством обходятся эти места, где подбираются (если находятся вообще) сборщиками уже "хладные" тушки.

Трупки помогают отыскивать многие желающие, начиная с ворон и собак и заканчивая дикими падальщиками разного рода, которым тоже хватает поживы.

По словам, Владимира Андропова, (директора Хинганского государственного заповедника), в китайской прессе публиковались впечатляющие данные о том, что еще в 80-е годы, ежегодно находили мертвыми от 40 до 70 дальневосточных аистов.

Других птиц при тех подсчетах просто во внимание не принимали и не считали.

Весьма вероятным продолжают оставаться предположения о массовой гибели клоктунов на зимовках в конце 50-х годов, что фактически предопределило одномоментное исчезновение сотен тысяч этой, когда-то наиболее массовой утки.

Нет гарантии возникновения такой ситуации и в будущем. Мы можем стать свидетелями «числовых провалов» этой загадочной птицы, и пока будем разбираться в каком регионе у нас больше всего нелегально стреляют, как водится, забудем о наших соседях.

В далеком уже 90-м году на первой международной встрече на магаданской земле университетский доцент из Шанхая Дзян Дзян Ли кратко обрисовал ситуацию в Китае.

Нам в России стала очевидно, что необходима тесная региональная кооперация по управлению популяциями водоплавающих птиц.

Тогда используя имеющиеся вполне хорошие на тот период данные, суммируя опыт и знания по изучению миграций птиц, нами был намечен ряд ключевых территорий, которые необходимы для поддержания и охраны благополучного состояния популяций и возможности проводить мониторинг.

С фактическим развалом академической исследовательской базы многие замыслы так и остались на бумаге. Немногие проекты (кольцевание и спутниковое слежение гусей и лебедей) были осуществлены благодаря энтузиазму японских любителей птиц и помощи Службы Рыбы и Дичи США.

В 90-е "пальма первенства" исследований перешла к зажиточным, но бережливым и осторожным японцам, потом к южным корейцам, а ныне к китайцам...

Последние научились широко использовать сотовые телефоны для локации меченных птиц. Идет такой непрерывный поток данных, что нам и не снилось.

На зимовках в средней части долины р. Янцзы, мигрирующие птицы появляются с первой декады сентября. Приметы осени китайские крестьяне связывают с прилетом первых стаяк касаток и чирков-трескунков.

Каждый день происходит что-то новенькое. Чуть позже обнаруживается прилет мандаринки и широконоски. Массово гусей, уток и лебедей в Китае можно регистрировать в конце октября - начале ноября. Пика численности на зимовках они достигают в декабре.

Для большинства популяций мигрирующих птиц характерно то, что от российской границы большую часть своего пролетного пути они преодолевают "одним броском".

На Бохайском заливе, например, они появляются через считанные часы после отлета с озера Ханка.

Эти данные сейчас многократно уточнены и подтверждены сведениями удаленного слежения за мечеными птицами с применением спутников, GPS, мобильных устройств, взаимодействующих с сотовой связью.

Гуси, утки и лебеди быстро адаптируются на месте, сразу же формируют различные, многовидовые и "разношерстные" скопления, для которых становятся характерными упорядоченные передвижения в определенные часы на облюбованные места.

Периодически некоторые обитатели этих скоплений исчезают, а их место иногда в значительном количестве занимают "выдавленные" антропогенным воздействием птицы с других участков озера или прикочевавшие с более отдаленных районов.

Скопления гусеобразных держатся до начала весны, когда птичья миграция получает обратный вектор и птицы начинают отлетать к местам гнездования (болота, тундра и другие угодья) в России.

Наблюдая происходящее в российской науке (в биологических и зоологических дисциплинах в частности), приходится с огромной горечью отмечать, что к XXI веку мы в своей стране усугубили весьма тяжелый груз нерешенных проблем в охране природы, в охоте, в науке.

В отличие от Азии, для европейско-африканского и североамериканского гнездово-пролетно-зимовочных регионов, были достигнуты многосторонние авторитетные соглашения.

Подписанные на самом высоком уровне и закреплённые в виде специальных Конвенций, в Азиатско-Тихоокеанском регионе Россия лишена реальной возможности консолидировать свои усилия с международным сообществом.

В регионах, где кто-то что-то еще может сказать, не бывает допущен к этому «вкусному пирогу» поездок и грантов. Академия наук развалена, новая будет построена или нет, неизвестно...

Впрочем, птицы как летели, так и будут лететь...

Я вспоминаю как по южному черная, беспроглядная ночь быстро спустилась на озера в далекой китайской провинции...

Участники международной «разношерстной» экскурсии задумчиво грузятся в немудреный, поданный местными организаторами транспорт.

Кавалькада маленьких автобусов и машин трогается в недалекий путь, медленно двигаясь под завывание сирен и блеск мигалок патрульных полицейских.

А по затихшей от людской суеты дамбе, среди овощных и хлопковых плантаций, медленно вышагивает долговязый уссурийский журавль...

ОХОТА. КУЛЬТУРА. НАРОД!

Возможно большим сюрпризом для охотников может быть то, что в русском языке слово «охота» вошло в употребление только в XVI веке. До этого периода добычу охотничьих животных называли «ловом».

Знакомство с источниками информации о термине «охота» в сети Интернет дает почти неограниченную возможность познакомиться с широким спектром специфичных обозначений функций охоты.

Обратимся к смыслу изложения в зарубежных энциклопедических словарях версий понятия «охота».

Популярный ресурс «Dictionary.com», в основном (первом) значении слово «**hunt**-ing» обозначает «как действие человека или животного, или какой-то вещи с целью охоты».

Всего же в глагольных формах раскрывается и существенно добавляется пятнадцать значений данного слова, которые достаточно хорошо «перекликаются» между собой.

Этимология употребления термина «hunt» в англоязычном значении, относится приблизительно к 950 году

В библейских трактовке понятие охоты связывают с наименованием особого персонажа «Нимврод» и с понятием «зверь», коим обозначали льва и других опасных хищников в Палестине.

Есть символическое и мистическое значение слова «зверь», но таковое уже вряд ли правомерно связывать с основным значением слова «охота».

Для охоты понятийным фундаментом, безусловно, является философская категория «бытие». Действительно, что же может быть для нее фундаментальнее понятий – быть, существовать, наличествовать, присутствовать... в природе.

В нашем студенческом марксистско-ленинском прошлом транслировалось: «бытие противостоит сознанию». Это классика, вбиваемая в советское время в головы всех тех, кто изучал диалектику и истмат и

Исходя из суженной семантики слова «охота» в ее основном значении переданная как добыча животного, невозможно дать более конкретное понимание безотносительно «привязки» к ситуации, культуре, эпохе, психике, бытию...

В Интернет-ресурсе, специализирующемся на истории слов (<http://enc-dic.com/whistory/Ohota-18/>), упоминают, что из источников на древнерусском языке можно было узнать, что охота для пропитания или для тренировки была обычным занятием русских богатырей.

В современном обществе потребления достаточно остро поставлен вопрос о значимости охоты, наличествует мощная критика охоты как «морального» (негативного) занятия для современного человека, в большинстве своем, не зависящим от продукции охоты.

Попробуем применительно к современной сути охоты рассмотреть для чего нужна добыча животного - пропитания, удовольствия или же требуется защита от возможных посягательств зверя?

Дикие животные – естественные обитатели природы. Они - сама природа. Они же, в контакте или в любом взаимодействии с человеком, составляют еще и культуру – особого типа природопользования.

Именно через такое всматривание и может быть представлена как беспредельная реальность все то, что окружает человека.

Прежде всего это может быть отнесено к природе – реки, пустыни, горы, моря. Везде, любая территория, акватория, атмосфера населена живым.

Каждая человеческая культура вырабатывает определенную систему ценностей, осмысливает вопросы жизни и смерти, что выражается нередко в разработке и пользовании неким комплексом символов.

Иное дело, когда охота рассматривается не как промысел для пропитания и жизни, а как статусное занятие. Статус – это признание в узком кругу, социальная значимость в рядах конкретного сообщества.

Более того, как утверждает основоположник советского охотоведения В.И. Дементьев, понятие «охота» стало распространенным лишь для того, чтобы выразить особое отношение к добыче диких зверей и птиц привилегированных слоев населения.

Понятие «охота» ассоциируется с понятием «свобода». Тогда спросим, если мораль человеческая основывается на том, что «жизнь каждого человека, безусловно, суверенна и уникальна», то как же быть с тем, что охотник «забирает» жизнь животного по своей прихоти, желанию, из-за удовлетворения потребности?

В современном мире не удастся превратить страх смерти в мощный катализатор стимула к жизни, происходит подавление и вытеснение. Страх смерти живет в людях, заставляя выбирать способы, при которых удастся с ним справиться.

Вся природа раскрывается в живом, а для живого стремление жить, желание выживать всегда связано с агрессией, с усилием, с преодолением.

То же самое должен испытывать и человек, занимающийся охотой – охотник. И в отличие от дерева или скалы, именно воля определяет стремление и успех охоты.

Именно без учета данного принципиального контекста строится большинство публичных дискуссий между сторонниками и противниками охоты, делятся споры, в которых никогда нет общих точек зрения.

Получается в вопросе с охотой мы имеем неразрешимое противоречие. Ведь именно в биологическом понимании – жизнь является основным признаком существования любых организмов.

Интересно отметить, что в Советском Союзе, охота очень рекомендовалась и поддерживалась как подходящее тренировочное занятие для людей военных. Вероятно, охота относилась к такому занятию, особенно если вспомнить строки из знаменитой песни Владимира Высоцкого «Охота на кабанов»:

«...Мне сказали они про охоту,
над угольями тушу вертя:
стосковались мы, видно, по фронту,
по атакам, да и по смертям.

Это вроде мы снова в пехоте,
это вроде мы снова - в штыки.

Это душу отводят в охоте
уцелевшие фронтовики...»

Здесь отражается скорее смысл того, что «... человек стремится к жизни, но ему же свойственна и тяга к разрушению. Чем больше проявляется стремление к жизни, чем полнее жизнь реализуется, тем слабее разрушительные тенденции. Чем сильнее проявляется стремление к жизни, тем больше обостряется тяга к разрушению».

Нельзя исключить современное продление и применение древнегреческой модели стоиков, учивших о том, что жизнь человека драматична, окрашена в трагичные тона. Удел человека – мужественно вести себя перед реальной угрозой беды, катастрофы, лишения, смерти.

В любом случае проблема жизни и смерти относится к числу фундаментальных, к тем вечным в которых затрагиваются фундаментальные предельные основания бытия.

Есть и не менее важный аспект, значимый для охоты – это счастье. Фундаментальность философской постановки вопроса о счастье очевидна, и во все века философы уделяли большое внимание осмыслению этой категории.

До сих пор нет и не будет единого и даже похожего ответа на этот вопрос ни в философии, ни в жизни. Почему сложилась такая ситуация?

Все просто, чтобы узнать и описать счастье, надо попросту его испытать, а для того, чтобы испытать

– надо узнать в этот момент, что именно это было счастьем.

Счастье каждый понимает по-своему, и вовсе ни материальный уровень, планка которого может быть очень высока в современном обществе потребления, ни опыт духовных практик, ни религиозный, мистический смысл его постижения не гарантия того, что человек становится счастливым.

Смысл счастья в его достижимости непосредственного проживания. Именно по этой причине, множество людей пытаются коснуться счастья, возвращаясь к практикам пребывания на природе. Одна из них – охота.

В этой связи следует обратиться к такой теме как человеческие ценности. Именно человек определяет их в таком преломлении, что представляется наиболее значимым, святым, духовным, возвышенным и т.п.

Они придают смысл человеческой жизни, проявляясь в особом лично-относительном отношении к миру каждого человека в единстве его собственного опыта и в различных форматах приобретенного знания, сообразно идеалам той эпохи, в которую живет человек.

Ценности употребляются в различных значениях, они связаны с определенной культурой. Они исключительно многообразны, фиксируются посредством определенных жизненных представлений, исторически обусловлены тем, что сформировались у чело-

вечества как некие духовные опоры, помогающие человеку устоять перед лицом рока, тяжелых жизненных испытаний.

В современных условиях происходит кардинальное изменение ценностных установок человека. Отвержение традиционализма усиливает персональную меру человеческой ответственности за свои поступки, но при этом все более сильным становится массовый набор ценностных ориентаций.

Таковой включает кардинальную смену этики труда и значимости денег, смену культурных и этических доминант общества, снижение привлекательности духовной составляющей, искренности близких отношений.

Все более отчетливо происходит упадок экзистенциальных ценностей, основанных на совести, на страдании.

В этом вакууме скука порождает алчность. Потеря смысла заставляет изобретать запредельное для обычной жизни переживание, апатия стимулирует жажду экстремального, смертельно опасного как для индивида, так и для общества все в большей степени, подвергающейся эрозии такого рода.

Интересным современным преломлением явления охоты обществу будет факт того, что известный социолог Макс Вебер рассматривал как арену соревнующихся социальных групп, где каждая имеет свои экономические интересы, чувство достоинства, соответствующее своему статусу и определенным взглядам на окружающий мир.

Более того, через призму постмодернизма современное сетевое общество предстает как «плотно заполненное пространство, которое ничего не предлагает кроме себя», но способствует стремительному проявлению атомизации через появление и разрушение новых «краткоживущих» структур.

Вполне очевидно, что человек, преодолевая органические ограничения и предопределенность возможностей своего биологического вида и будучи в природном окружении, созидает свой искусственный рукотворный мир, предназначенный для более успешного и комфортного пребывания на природе.

Возьмем, например, отношение к престижности общественного. Так, «клубный формат» является одним из широко распространённых статусных объединений в современном мире. Все клубы (общественные объединения) фактически и существенно ограничивают свое членство, ориентируясь исключительно на состоятельных людей.

Для членов клубов специальным образом стимулируется добыча и демонстрация охотничьих трофеев, и можно заключить, что материя в форме символа (трофея) дает закрепление изменения сознания и отчасти возвращения к архаике.

За рубежом в клубной жизни объявляется важным поддержание охотничьих традиций, пропаганда культурной охоты, обучение молодых охотников. Следует выделить студенческие охотничьи клубы, где членство является пожизненным, и многие бывшие

«студенты» способны весьма существенно, морально и материально поддерживать молодых охотников.

Такое занятие как охота позволяет выбирать общую базу для интересов, «дружить против кого-то», противоборствовать некоторым государственным запретам и ограничениям.

Это выражается в нарушениях устанавливаемых правил и сроков охоты, в массовом существовании протестного браконьерства и т.п. Происходит обсуждение различных проблем через сетевые структуры разного рода (соцсети, форумы, блоги...).

Таким образом человек развивает данный ему природой потенциал, преодолевая опасности и собственные ограничения. Поэтому современная охота как реальное занятие и обсуждение этой реальности может успешно объединять и поддерживать некие сообщества как по вертикали, так и по горизонтали.

Важным элементом, связанным с охотой, является культура. Весь процесс создания и развития культуры проходит через различные практики созидания.

Без природы не было культуры, и сей факт наглядно иллюстрируется в такой деятельности человека как охота.

Охота уникальна поскольку во многом она может быть связана с тем первоначальным смыслом, который опирается на то, что называется «сакральным», «культовым», «божественным».

Здесь реализуется множество форм: совокупность орудий и средств добычи животных, переработка

и изготовление полезной для человека продукции, многообразие способов и путей адаптации к успешному процессу охоты (вплоть до особого языка, обычаев, этики, морали, искусства).

В России еще сохранились модели аборигенного природопользования и ведения традиционного образа жизни коренных малочисленных народов. Именно для их естественного образа жизни характерно наличие неразрывной общности природой.

Трудно забыть хрестоматийный пример с мировоззрением малазийских аборигенов: «Мы едим, чтобы быть съеденными, охотимся, чтобы охотились на нас, все земли, леса и горы, где мы живем, принадлежат всем обитающим в них существам».

В этой связи, феномен охоты имеет совершенно иной смысл, дает совершенно уникальные примеры отношения к природе и к ее ресурсам, воспроизводит естественные духовные и культурные ценности традиционного и близкого к природе общества.

Желание человека «гармонизировать свои отношения с природой, понять их скрытое значение стало причиной появления религиозного сознания. Инструментом сознания, следовательно, выступает – охота!

В своих взаимоотношениях с природой посредством охоты человек доказывает себе самому, что он имеет выбор в поступках, опираясь на свою волю и разум, чего лишены животные, являющиеся объектами его охоты, или, наоборот, в случае с крупными и опасными для человека хищниками.

Именно в охоте человеку приходится постоянно доказывать, что он человек! И проявляется он как человек, прежде всего, находясь в контакте с природой, что становится все более трудным в условиях современного развития общества.

Современную трудность сохранения связи человека с природой следует рассматривать через призму изменения самого человеческого общества, но не природы.

Нынешний разрыв природы и человека пока еще достаточно условен, ибо трудно представить раздельное существование растения и почвы, на которой такое произрастает.

Но разрыв все же существует, поскольку человек возводит над природой свой особый мир посредством культуры, понимая свою деятельность как разностороннюю, свободную активность человека, имеющую определенный результат, и несущую определенный смысл.

В большинстве регионов мира кардинально изменилось соотношение природного и культурного. Сам сегмент «очеловеченной» с помощью техники природы все в большей степени увеличивается, а степень антропогенной нарушенности природных экосистем ныне очень велик.

Занятие охотой, способствует тому, что человек в большей степени способен сохранить «точку опоры» на природное.

Итак, современный человек несет особую ответственность за масштабные нарушения природы...

А в процессе ведения охоты мы, изменяя себя, меняем глубинные структуры нашего общества, сохраняя его исконность...

Замедляется энтропия чрезмерных инноваций, мы медленнее превращаемся в «постчеловека»

Делаем вывод: для того, чтобы оставались наши человеческо-биологические ориентиры естественного выживания, нам необходимо сохранение традиционных занятий, к числу которых несомненно, относится охота!

ОХОТОВЕДЫ

Это слово сейчас редко «всплывает» на страницах даже специальных изданий, с запинкой произносится на нынешних совещаниях и семинарах, не «в почете» у средств массовой информации...

Однако, официоз государственных отчетов, стратегических планов и региональных программ ориентирован полностью на ресурсную парадигму. Ресурсы охотничьих животных, норма, квота, доля использования, охотпользователь...

Кто же такие *охотоведы*? Когда-то они были? Несомненно! И специальность такая указывалась в советских дипломах о среднем и высшем образовании.

Есть ли охотоведы сейчас? С формальных позиций неочевидно. Прежде всего в высшем образовании среди нынешнего всеобщего «университетского» присутствия «прикладная масть» охотоведения нередко оказывается неуместной.

Основные советские институты, которые готовили охотоведов, превратились в Академии. Эту специальность «растворили» в более политкорректно звучащих названиях.

Нужны ли охотоведы вообще? Не вымрет ли окончательно эта уникальная профессия в рыночной всемирно-глобализационной волне?

Я не знаю нужных ответов, но попробую, субъективно порассуждать о некоторых тревожащих меня моментах.

В любом социально-определенном круге, некой «прослойке общества», всегда существовала и сознательно поощрялась, культивировалась, формировалась, поддерживалась специфичная кланово-профессиональная принадлежность!

Самые древние из таковых – правители, жрецы, воины, торговцы, менялы, земледельцы...

Жрецы и торговцы с разной степенью вовлеченности пользовались продуктами охоты. Менялам было все равно, был бы постоянный приток денег. Землепашцы скорее были антагонистами охоты, но из их рядов в основном пополнялись ряды браконьеров.

Думается, следует пропустить тысячелетия существования человеческой цивилизации, когда охота не была собственно «охотой», это было лишь средство для выживания, «способ существования белковых тел», средство для продолжения родов древних племен.

Охота в рабовладельческий период также была привилегией правящих классов, и они знали в этом толк. Хотя уже тогдашние земледельцы, вполне очевидно, всюду боролись с расхитителями их урожаев, а воины в свободное время явно не бездельничали.

Восточнославянские племена древлян принимали меры по сохранению лесов и их обитателей. А охотоведов еще не было!

Классическим является пример ведения охоты в римской империи. Здесь уже хорошо знали настоящий вкус охоты как развлечения. Что стоит такой пример, когда римский правитель в честь победы в 107 г. н.э.,

устроил праздник, на котором было убито 116 (!) тыс. зверей.

Средневековые - расцвет конной, с собаками, соколиной знатной охоты. Множество исторических и художественных романов живо описывают эту эпоху, не обходя этот важнейший процесс. Часто именно во время охот замышляются заговоры, плетутся любовные и политические интриги, заводятся союзники и устраняются конкуренты.

В то время все земли имели своих хозяев – герцогов, графов, баронов, бояр... Следовательно, было кому беспокоиться о порядке на этих своих землях, хотя конечно, каждый хозяин понимал порядок по своему. Охотоведов несомненно там тоже не было.

В Российской империи занимались охотой достаточно серьезно. Это не был не просто процесс добычи дичи. признанными певцами охоты.

Дичь была и охота - главное занятие в период сельского пребывания в собственном имении или в гостях. Были в каждом таком поместье специально назначенные хозяевами люди - организаторы охоты (доезжачие, гончатники, сокольничьи, егеря...).

По положению это были скорее слуги, чем наемный персонал, государевы люди, специалисты в ведении охоты...

Один из наших классиков, Иван Сергеевич Тургенев в своем письме от 17 октября 1852 года другому классику охотничьей прозы С.Т. Аксакову пишет: «...Такой ранней зимы никто не запомнит. Охоту мою она отрубила как топором... Я, однако, на свое ружье в

течение нынешнего года взял 304 штуки, а именно 69 вальдшнепов, 66 бекасов, 39 дупелей, 33 тетерева, 31 куропатку, 25 перепелов, 16 зайцев, 11 коростелей, 8 курочек, 4 утки, 1 гаршнепа, 1 кулика...».

И хотя ни один ресторан, кабак, клуб не обходился без дикого мяса. Его продавали и на рынках, но ведь было «дичного» очень немало в угодьях (в Приморье каждый из нас способен вспомнить семейство Янковских).

Но только у избранных музой, была возможность оставить после себя художественные свидетельства. Им хватало вполне собственных непосредственных впечатлений, чтобы написать столь долгоживущие произведения, стать со временем классиками,

Мало чем отличались в то время и соседи России по Европе, дичи разной там также было немало. В моей памяти всплыло недавнее мое посещение на территории современной Чехии одного из старых замков.

Это был большой императорский охотничий домик. И оказывается, до своей преждевременной смерти, до того, как стать печально известным поводом Первой Мировой Войне, император Франц-Фердинанд успел совсем неплохо и немало поохотиться.

Во время специальной экскурсии, бодрый голос гида проинформировал, что за свою жизнь императором было отстреляно более 300 тысяч (!!!) голов различной дичи.

Только оленей им было добыто более 5 тысяч штук. Несколько тигров, медведей, зубров. Внушительные рекорды, но не исключительные для того времени.

Явно с охотоведением в этот период еще знакомы не были.

Нужно отметить, что во все эти исторические этапы доминировала частная собственность. Это то, что проникает, вползает, развивается у нас в стране сейчас.

Следующая условная веха и несколько иной этап в предпосылках к возникновению охотоведения – 70-80-е годы XIX в. Именно в этот период, художник Перов написал свой классический труд – картину «Охотники на привале».

Другой яркий пример В.В. Городецкий – зодчий и охотник. Он был чрезвычайно энергичным человеком, и его охотничья страсть постоянно толкала его в охотничьи путешествия.

Он один из первых в 1911-1912 гг. участвовал в африканском сафари. После него помимо красивейших зданий в городе Киев осталась книжка «В джунглях Африки» ...

Николай Васильевич Туркин, редактор «Охотничьей газеты», журнала «Охота и природа». В 1880-1882 гг. им было опубликовано 130 статей об охоте, а ведь он еще автор книги «Законы об охоте» (1889 г).

Это был первый высокохудожественный труд, и в то же время в работе системно были изложены представления об охоте, охотничьей фауне, угодьях, охотниках того времени.

Охотничья литература... Журналы «Охотник», «Природа и охота», «Охотничья газета», «Охотник Алтая».

Писатели: В. Бианки, Н.А. Зворыкин, Н.Н. Байков, Н.П. Пахомов, М.М. Пришвин, Н.П. Смирнов, И.С. Соколов-Микитов, В.П. Правдухин и еще многие другие.

Это поистине никем еще полностью не оцененный вклад в охотоведение, как это понимается в его важнейшей функции - формирование особой культуры, где охота выступает не просто как забава или истребление «братьев меньших», а как создание особого мира.

Показывается, что человек с ружьем гармоничен в экосистеме, впрочем, как и любой другой хищник!

Не прошли мимо темы охоты даже наши классики от политики. Про Владимира Ильича Ленина - охотника, в советское время снимались фильмы, слагались оды, пьесы, спектакли. Дорого же нам стоил этот «человек с ружьем»! Мы впоследствии смогли оценить результаты революции, гражданской войны, НЭП и т.п.

А вот и менее известный и несколько другой, хотя не менее почитаемый в советский период – Фридрих Энгельс.

Оказывается, он много забавлялся скачками с препятствиями на охоте, очень любил конную охоту с собаками на лисиц.

Также Энгельс подвел солидную теоретическую базу в вопросе понимания охоты, рассматривая его в работе *«Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека»*.

Ф. Энгельс пишет: «... Охота и рыболовство предполагают переход от исключительного употребления растительной пищи к потреблению наряду с ней мяса...

С позволения господ вегетарианцев, человек не мог стать человеком без мясной пищи»...(т. 20, с. 492). Каково звучит! Классика!

Ну что ж, пора уже от классиков-политиков перейти к действительным основоположникам охотоведения. Важно понять исторический контекст предтечи в создании советского кода охотоведения.

Первых «отцов» было немного. Мне хотелось бы здесь остановиться лишь на двух личностях, поведавать об очень различных персонажах, сыгравших важнейшую роль в организации охотоведения.

В.Р. Диц по сути своих занятий был непосредственным предшественником, создателем информационных основ для формирования охотоведения как дисциплины.

В России, после смерти Александра II, у Романовых не было заядлых охотников. Охотничьи дела от представителей царской фамилии постепенно перемещались в компетенцию общественных организаций, состоящих из весьма высокопоставленных в то время лиц дворянского происхождения.

Именно на фоне этой эксклюзивности, элитности, клубности В.Р. Диц пытался организовать иную систему управления охотой.

Лесник по образованию (закончил в середине XIX в. Лесной институт в Санкт-Петербурге), в 1870-х годах В.Р. Диц стал фактическим вершителем дел Императорской Охоты, которую формально возглавлял князь Д.Б. Голицын.

Он подготовил первый обзор охотничьей статистики, собрал и обобщил наиболее важные материалы по проблемам охоты, включая и ее промысловый сегмент, заложив таким образом базовый фундамент для организации охотничьего хозяйства в масштабах всей империи.

А современник Дица А.А. Силантьев во всех учебниках охотоведения прописывается как один из «отцов» непосредственно создания этой дисциплины.

В 1890-х годах, служа в Лесном ведомстве Российской империи, он был уполномочен подготовить государственную сводку по охоте. И действительно, за несколько лет им был подготовлен капитальный труд «Обзор промысловых охот в России».

В этой работе и были впервые сформулированы предмет, задачи и методы исследования новой дисциплины - охотоведения -, отпочковавшейся, отделившейся от своей родительницы - прикладной зоологии.

В лесном Институте в 1898 г. стали читать факультативный курс охотоведения. Так что процессу российского обучения специалистов – 120 лет будет в 2018 году.

Параллельно с началом сего учебного процесса А.А. Силантьев участвовал в разработке изменений и дополнений к российскому закону об охоте.

Им впервые был введен ряд типично охотоведческих положений: согласование интересов ведения охоты с сельским и лесным хозяйством, создание специальной службы охраны животных.

Задумывалась и предлагалась особая прикладная охотоведческая классификация - подразделение животных на промысловых, вредных, полезных...

Но только в 1911 г. в Министерстве земледелия России было создано специальное делопроизводство по охоте.

Для работы в этом отделе А.А. Силантьев пригласил Г.Г. Доппельмаира, В.Я. Генерозова, С.В. Керцвелли, Д.К. Соловьева, которые стали известны как первые выдающиеся специалисты в охотоведении.

В специальном департаменте аккумулировалась информация, получаемая от тысяч охотников, крестьян, казаков.

Знания накапливались в результате проведения многочисленных фундаментальных исследований известных русских зоологов - С.И. Огнева, С.А. Бутурлина, Б.М. Житкова, В.Г. Гептнера, А.Н. Северцева, М.А. Мензбира и др.

Еще до Октябрьской революции или переворота как стали величать позже состоялись первые важнейшие действия, инициированные охотоведами (1914-1916 гг.).

Они были связаны с попытками поддержания и восстановления численности видов, численность которых была подорвана стихийным промыслом и недостатком внимания властей.

К таким видам относились соболь и лось в ряде губерний. Впервые были организованы заповедники в Сибири (Баргузинский) для сохранения соболя.

Впоследствии именно эти и окружающие районы послужили источниками для переселения соболей этого края во многие другие места России.

Затем последовали бобры, куницы, енотовидные собаки. Наступила и длилась в течении нескольких десятилетий великая эпоха переселения всего и всякого – акклиматизация, реакклиматизация, интродукция.

События революции, гражданской войны, НЭП, голодные годы коллективизации и индустриализации изрядно истощили запасы всех животных, которые могли быть источником прокорма.

Существенно пострадали основные охотничьи угодья. Ранее обильные кормовые поля часто в массе забрасывались. Некому было пахать или нечего было сеять.

Лес вырубался, выжигался беспощадно для любых нужд и без оных...

Но у нас как - есть проблема, которую нельзя замолчать или спрятать, – только тогда принимаются меры и должны быть найдены способы ее решения.

Накопившиеся за революции, войны, голодовки и прочие беды проблемы в охотничьем хозяйстве стали системно решаться после 1930-х годов. Была создана и стала существовать, развиваться и ныне действующая школа практического российского охотоведения.

30-е годы в молодом и агрессивно-новаторском государстве - СССР были характерны тем, что под знаменами индустриализации шло активное освоение ранее несколько подзаброшенных или никогда прежде неосваиваемых масштабно обширных территорий на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке страны.

Кроме поощряемого в то время массового энтузиазма в стране не хватало всего остального, в том числе и специалистов во всех областях.

Везде нужно было организовывать новое социалистическое производство, а где взять спецов?

Советское сельское хозяйство того периода не было исключением и требовало также массы специалистов (не кулаков же брать, а матросов на все губернии не хватало) ...

Один из передовых институтов того периода был Московский зоотехнический институт в Балашихе. Именно там впоследствии ввели обучение охотоведению и звероводству.

Там создали первый и много лет существовавший в единственном числе Московский пушно-меховой институт (МПМИ).

Вот как пишет в своей книге «Смеющийся остров» (1963) один из первых выпускников этого заведения Герасим Успенский «...Сначала прошел слух, что в нашем институте организуется новый факультет, в котором будут изучать кролиководство и пушное звероводство...

А через несколько дней нам сообщили, что звероходческий факультет будет...целым самостоятельным институтом и в нем будет охотоведческое отделение».

Для студентов велись теоретическая и практическая основа охотоведения значимого, прежде всего, именно как прикладная наука или государственная практика ведения охотничьего хозяйства.

За 26 лет своего существования МПМИ подготовил несколько сотен биологов-охотоведов, оставивших очень заметный след в охотоведении в России.

Много позже, в Новосибирске В.А. Игнатьевым была подготовлена, опубликована, а затем и переиздана книга «Молодые годы под крылом Балашихи».

С уверенностью можно подтвердить, что феномен популярности охотоведения как практического занятия и как прикладной науки, бесспорно был сформирован в 30-50-е годы.

Именно выпускники МПМИ в предвоенный и послевоенный периоды работали во всех уголках Советского Союза в достаточно тяжелых и непростых условиях.

Большая часть выпускников тех лет была традиционно аполитична, но вынослива и работяща.

Можно полностью присоединиться к словам, выписанным пером одного из охотоведов того времени:

«...Если бы в тайге и тундре можно было бы видеть спортивных судей, то многие охотovedы были бы

заслуженными мастерами в большинстве видов спорта» ...

А как же по-иному можно оценить ежедневные пешие переходы в горах, по снегу, в болотах... десятки и даже сотни километров... Даже если не пешком? То чем?

В Западной Сибири, в Красноярском крае, в Приамурье и в Приморье, в основном передвигались частенько старым бурлацким способом – бичевой, далеко не всегда под парусом или шестом, не говоря уж о дорогах (часто оные отсутствовали совсем).

Лошади, собаки, лыжи ...

Существовали разные точки зрения на то, что главное в деятельности охотоведов, чему следует учиться на практике, и в теории.

Интересно было разбираться и с формированием теории охотоведения. Сразу после гражданской войны, в начале 30-х годов, доминировал взгляд на охотоведение как на часть лесного хозяйства.

Таких взглядов придерживался, например, один из основоположников советского охотоведения, Георгий Георгиевич Доппельмаир.

В его личном деле было указано «...ученый лесовод, специалист по прикладной зоологии и промышленному охотничьему хозяйству». Позже ситуация изменилась

Но, вплоть до перестройки Горбачева – слово «охотoved» было особым и только советским словом!

Оно звучало в сотнях и тысячах прозвеневших некогда тостов, и при этом никогда не было широко распространено.

«Охотоведом надо было родиться, чтобы быть!» Такое осознание, самоназвание было сконструировано специально.

Хотя оно существовало почти всегда в транс-вом состоянии... Звучало за пиршественным (как правило скудным на закуску) столом...

Осмысливалось на занятиях только в нескольких ВУЗах необъятной России, формально закреплялось с получением диплома, но прививалось по-настоящему только в ПОЛЕ ...

Да в том самом лихом куплете, где сквозило лихостью: «... нам бы только телогрейку, сапоги да пулелейку, а в карманы – спички да махру!».

Некогда заниматься умилением и восхвалением. Труд не самый легкий, достаточно опасный, а чаще всего совсем не героический, обычно рутинно-противный, особенно в отношениях с властью имущими.

Советские охотоведы Феликс Штильмарк, Григорий Сухомиров, а позже и многие другие отмечали что в советском охотоведении сформировались две школы...

Развивались два принципиально различающихся направления, прежде всего обусловленного политизацией, определенной социально-экономической конъюнктурой в Советском Союзе.

Конечно, и в советское время, и сейчас было и есть много дискуссий о правильности и неправильности каждого из них, но уже к нынешним рыночным капиталистическим условиям.

При этом естественно бывает выявление основных идеологов, поиск харизматичных личностей, а такие были, делаются попытки сделать полностью ответственных за все содеянное в этой области и в этой стране. Но в этом ли сейчас дело?

Вспоминается постперестроечный процесс, который был «раскручен» в Приморье после падения советской системы ведения охотничьего хозяйства.

В 1993-95 гг. в Приморье массово происходил передел собственности. Цели, как водится, были объявлены благие. Радели, что местные жители обретут недоступные им ранее охотничьи возможности, появятся хозяева, которые с чувством «мое...»

И конечно же, они будут денно и ночью заботиться о своих угодьях, поддерживать численность зверей и птиц, изгонять лихих людей да мздоимцев.

С этой целью в Управлении природных ресурсов Администрации Приморского края была произведена полная перерегистрация охотпользователей.

Утверждалось, что для контроля будет создана База данных на охотничьи ресурсы, численность охотничьих животных (до сих пор создается!!!!).

Мечталось иным из нас, что и пользователей этих богатств проверять и стимулировать всегда можно будет хоть по динамике их ресурсов, хоть по их доходам, которые неуклонно должны расти.

Иначе, что за хозяйство будет то? При этой колоссальной работе изначально был предусмотрен двухступенчатый механизм подачи заявок по определенной форме... Потом происходило заслушивание и отбор кандидатов на заседаниях специальной Комиссии.

Так в принципе планировалось, более-менее сходно к запланированному делалось, но гладко как известно было на бумаге... и не следует вероятно удивляться, что реальность (сейчас уже можно точно сказать) оказалась значительно хуже.

Принимая тогда непосредственное участие, в рассматривании итогов, я написал экспертно-аналитическую записку, основные выводы которой по прошедшей процедуре были в том, что...

ВПРОЧЕМ, беда в том, что многими и многое было, что предложенного правильного...

Через 15-20 лет в Приморье сложилась уникальная ситуация...

Общественные неправительственные организации и прежде всего Амурский филиал Российского фонда дикой природы (WWF-Russia) – основные советчики, иногда спонсоры.

Долгое время возглавлял этот фонд охотовед (по специальности) Юрий Дарман.

Амбициозный, упорный, честолюбивый, последовательный... Ему удалось постепенно наладить рабочий и весьма тесный контакт со всеми, кто в какой-то степени в Приморье имеет реальные рычаги воздействия на состояние охотничьих и охраняемых животных.

По-разному складывались наши отношения, мы ведь знаем друг друга более тридцати лет.

Здесь отбросив необходимые для таких организаций чрезмерно раздуваемые достижения, отмечу, что его и других усилиями сделано было немало.

Были достигнуты определенные успехи в ситуациях с тигром, леопардом, охраняемыми территориями.

Но: охотник-профессионал как уважаемый специалист исчез и вряд ли уже появится...

Сегодня охота как хозяйство нигде ни теоретически, ни практически тем более не играет структурообразующей роли даже в локальной экономике...

Львиная доля охотпользователей - общественные организации, и миф о возможных грантах (добром дядюшке, хорошем бизнесмене...), именно при этой форме больше всего не изжит.

Кое-кто еще надеется даже всерьез на эти «как бы падающие откуда-то деньги». И в Приморском крае как-то много как-то об этом заикаются.

Здесь охота интересует достаточно многих городских людей, надеющихся в большей степени на «доброе дядю», в отличие от менее населенных горожанами мест (в Приохотье, на Амуре и на Сахалине).

Впрочем, никто из них не чурался заготовок пушнины и мяса. Государственных и кооперативных форм охотхозяйствования давно уже нет. Основная часть пользователей (вероятно не менее 80 %) зарегистрирована как некоммерческие организации, соответственно не претендующие на получение прибыли.

И что же получилось в итоге. Замечу, кстати, я это я узнавал, расспрашивал, смотрел сам, например, при экспертизе, проводимой для планируемого еще тогда трубо-газо-провода на Сахалине.

Охота остается уделом любителей одиночек, подпитывающих диетической продукцией немногие семьи. Исчезли отрасль и хозяйства!

Но раньше там была достаточно четкая линия: промысловые хозяйства обеспечивали профессиональную занятость определенной категории граждан, спортивные хозяйства вблизи города, как правило, - отдых трудящихся.

Понятно, что в происходящем можно найти виновных, хотя главный вердикт давно и хорошо известен – дураки и дороги!

Трудно согласиться с тем, что даже самая «злодейская» личность способна все в такой громадной стране испортить.

Мы все сейчас оказались в весьма неприглядном положении, но хуже всего тем, кто начинает этот процесс. Тем, кто поступает и учится вузах на охотоведа.

И на мой взгляд, *архиважно* (не забыть о классике революции) попытаться понять – *чему* и *зачем* надо учить охотоведов!

Что они должны уметь? Есть ли у нас еще особый тип ведения хозяйства? Промысловая экономика будет или будет лишь только забава для любителей?

Здесь, Америка и прочие «европы» нам не указ, но и своего все никак не выстроить, не построить не удастся!!!!

ОХОТНИК-ТУРИСТ – КТО ЭТО... В РОССИИ!?

Туризм охотничий – «выезд за пределы места своего постоянного проживания, сроком более, чем на 24 час с целью добычи диких животных» ... Так можно официально озвучить определение этого необычного вида туризма.

Но и оно, правильное по сути своей, бессильно адекватно отразить нестерпимо-жгучее стремление определенной категории людей попасть куда-то на край земли, чтобы найти, перехитрить, добыть необычного, диковинного, желанного...

Зверя, птицу? Нет, это совсем другое, это - **ОХОТНИЧИЙ ТРОФЕЙ**

И именно в этом чувстве, доставшемся нам от пращуров, проявляется один из интересных парадоксов – «ты уже сыт, но на теплом уютном местечке в пещере, перед ярко горящим, потрескивающим огнем...» перед тобой – этот трофей.

И не столь важно, будет ли это шелковистая шкура большой хищной кошки или хладно-гладко-дорогая шершоватость кожи аллигатора; раскидистые сучковато-изящные рога оленьих или мощные извивы полорогих, острые самозатачивающиеся «ножницы» клыков кабана или мощные слоновьи бивни.

В трофейной охоте «правит бал» чудесный сплав эмоций, ощущений, подсознания и памяти, материально воплощаемый в желанном трофее.

И только этот трофей охоты становится бесценным. Прежде всего для тех самых «добытчиков» ...

У них впечаталась намертво в память сложнейшая какофония звуков, впечатлений, красок.

Нельзя передавать словами то, что смешалось в едином коктейле... Коктейль из вброшенного разом адреналина, сопровождаемый теплом тактильных ощущений прикосновений к трофею... невыразимым и невидимым сонмом предчувствия.

Все это понимают немногие, еще меньшее количество людей способны поделиться такими чувствами.

Это трудно сделать даже среди свойских людей, из такой же когорты искателей приключений или в своей тесной и давно знакомой компании друзей-охотников.

Почему же? Просто не хватает слов, способных выразить полученные ощущения, а вот трофеи – это совсем другое дело.

Их можно погладить, потрогать, пощупать...мысленно пережить заново не просто встречу, а поединок.

И что же потом? Выставки, семинары, аукционы? Это все нужно, но становится уже лишь прилагательным к тому невысказанному...

Просто необходимая дань социуму с немалыми вкраплениями честолюбия, оттенком респектабельности, налетом неписанной обязательности, но без внутренних тех ощущений на той каждой раз единственной и настоящей охоты.

А теперь попытаемся представить и сопоставить с тем, что же могут отражать суховатые строчки

научных критериев и положений, характеризующих охотничий туризм.

«Охотничий туризм» как явление, деятельность, процесс, занятие (нужное подчеркнуть) в России был, есть, и будет.

В своем классическом предназначении туризм, сопряженный с охотничьими устремлениями индивидуумов, был развит всегда.

Вполне зримо существовал он на просторах бывшего Советского Союза. И ранее - в Российской Федерации времен Советов, и еще раньше - в имперско-царский период.

Достаточно почитать книги русских и советских классиков, не гнушавшихся охотой. Много там найдется интересного, по крайней мере, для временного промежутка в одно- два столетие.

Но не с африканских сафари в России началась трофейная охота. Возможно от царей-императоров, а может быть и с казаков Пояркова или с Емельки Пугачева...

Наверное, нельзя приписывать к трофейной охоте, то что в исторических российских работах упоминалась как «мягкая рухлядь» ...

Куны-вязанки драгоценнейших куниц, бобров и соболей, но в описаниях их не найдешь царско-боярских забав.

Но между строк легко можно прочесть, что не голод или экономические причины были доминантой в такой добыче... Была государственная задача.

Чувство прекрасного? Да. Забава? Если, да, то тогда может быть и о туризме можно вспомнить...

Как бы вернувшись снова в не совсем далекое прошлое, думаю, что не погрешим против истины заявив, что именно в застойное, некогда истово ругаемое советское время - охота была как раз занятием масс.

Нехитрым, недорогим (что очень существенно) и вполне обычным делом-удовольствием. Но тогда не составляло большого труда для охотника из большого города в нужное время взять всеми правдами-неправдами отпуск на работе и махнуть куда-то...

Ездили в утиные астраханские и гусиные кубанские плавни, на бекасиные луга Поволжья, рыбно-утиный Селигер, в тесноту ржаных полей Вологодщины...

По шоссе когда-то катили нечастые, но привычные угловато-приземистые "Москвичи" и престижные "Жигули", двадцать первые "Волги" и горбатенькие "Запорожцы", перемещая, доставляя своих владельцев городских охотничков на берега бесчисленных рек и речушек.

Или в портах различного назначения собирались, матерые изобретательно-упорные туристы-дальнепроходцы, неспешно небольшими слаженными компаниями передвигаясь в горы, тайгу, тундру.

В их распевно-гитарно-спиртных рассказах (и с заметным отличием от дымной романтики строителей и комсомольцев) неофициально маняще и дразняще звучало романтически - Енисей, Алтай, Лена, Бирюса, Камчатка...

Все это представало перед глазами, формируя романтику охотничьих странствий и впечатлений. Мало ли куда можно было направиться легкому на ногу персонажу в советско-плановое время.

Под стать исключительным возможностям охотничьих путешествий был нехитрый одежно-обувной антураж.

Никаких заграничных изысков, все строго, стандартно-одинаково в экипировке и снаряжении...

Ныне вот в подмосковных стылых электричках и переполненных утренне-вечерних поездах появление столь характерной ранее ностальгически милой и привычной в прошлом навьюченной громадным рюкзаком фигура в хаки не будет ожидаемым.

Исчезла по сути одна из культовых фигур массовой рекреации советского периода... Что бы не утверждалось ныне о распахнутости современного мира, заморско-рекреационных истоках и мировых стандартах.

Поэтому утверждение о том, что именно заморские дорогие африканские сафари конца 80-х годов в нашей стране приоткрыли в России особый мир охотничьего туризма, привили вкус далеких трофейных путешествий не будет верным.

Ерунда – это! Охот-Туристы были в России всегда. Это был один из способов сбежать от рутины домашних занятий, городской суеты и сутолоки.

Это было бегство из городов... Впрочем, занятие это чрезвычайно популярно и сейчас, но люди стали другие...

О популярности охотничьего туризма сейчас можно судить не столько по обилию охотничьих рубрик даже весьма далеких от охоты по своей природе мужских (и даже женских журналов!!!), сколько по форумам в Сети.

Если заглянешь на популярные сайты и в социальные сети, то быстро становится очевидно, что данная тематика вновь распространена, востребована, популярна.

В чем же секрет и есть ли он? Как водится, среди ученых и специалистов, начнем «издалека» ...

В соответствии с взглядами профессиональных географов, специалистов рекреационной географии (Дмитрий Николаенко, Николай Мироненко, Дмитрий Севастьянов...) рекреационная деятельность неразрывно связана с определенным СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ образованием.

Иными словами – это что-то привлекательное на территории, где исторически сформировалась и развивается особая специфичная социо-культурная система (СКС).

Здесь важно подчеркнуть, что такое «образование, СКС...» это не что-то умозрительное или грохочущее как известный и все еще популярный в глубинке армейский карабин... а всего лишь «...длительный эволюционный процесс на какой-то территории, тесно связавший ее облик, содержание, природу с определенным этносом, народом, заселяющим как раз эту хорошо обозначенную территорию, и в течении веков».

Естественно, что любые имеющиеся на данной территории рекреационные ресурсы будут производными от рекреационных потребностей населения.

Но ресурсы появляются при наличии потребностей, логично выражая социальные и культурные потребности внутри СКС...

Особым образом, в т.ч. и геополитически выражая процесс территориального освоения как одной из основ государственной политики государства.

Когда-то в освоение удаленных от цивилизации окраинных далеких земель органично вписался охотничий туризм.

Это занятие для рискованных, неутомимых, любознательно-практичных, но еще ведомых генетически-родовым чувством первопроходцев, путешественников и осваивателей новых земель.

Фактически, ни один из удаленных регионов России не был обделен вниманием иностранцев. Везде побывали эти «забугорно-родственные» авантюристы-первопроходцы.

Почему ж они не задержались? До сих пор во многих регионах весьма живучи представления, что именно импортные дяди принесут и облагодетельствуют «зеленым» дождем столь славные и богатые на охоту наши края.

Миф этот очень живуч, он не поблек за прошедшие 12-15 лет, которые можно назвать периодом, где как раз в большинстве регионов России побывали иностранцы с охотничьими целями. Попробуем как-то разобраться в этой ситуации.

В теории - рекреационные ресурсы представляют собой своеобразную «плавающую точку». Их значимость, объем и предложение меняется в зависимости от многих условий, представлений, потребностей...

Но формируя постепенно более определенный для какого-то промежутка времени в пределах опять же определенной СКС – рекреационный стандарт...

Практически это выглядит так: модно вешать медвежью шкуру у камина, значит, будут добывать топыгина для банкиров и бизнесменов.

При этом именно в рекреации, в туризме, индустрии отдыха и сервисе, очень живучим бывает мифотворчество. Но не древние сказания и легенды.

Нет! Это то, что пронизывает невидимыми нитями представлений, образов, понятий «места-функции». Раз устоявшиеся образы и заботливо культивируемые мифы определяют фактическую направленность и интенсивность пресловутых рекреационных потоков в современном мире.

Здесь и кроется основная причина неудач в зарабатывании денег на русской охоте.

А если рассмотреть - какие существуют базовые категории иностранного туризма. Их немного, четыре, и именно они определяют все фактическое разнообразие «кухни» международного туризма.

Еще есть еще явный, характерный признак для отображения основной ситуации. Это главный вопрос: выезжает наш потенциальный клиент за пределы страны (социо-культурного образования, вернее) или нет?

Это принципиально, поскольку как минимум 98% туристов НИКОГДА не бывают за пределами своей СКС, следовательно, только оставшиеся теоретически могут рассматриваться как потенциальные клиенты, просто как «иностранцы туристы», которые могут поехать в Россию.

И только среди этой слегка авантюрной категории земель можно отыскать имеющих различное происхождение и весьма разнообразное племя туристов-охотников.

Далее, попробуем рассмотреть существующие на наш взгляд типы охот-Туристов. Прежде всего, безусловно, следует выделить «трофейщиков».

Это – элита, небедная, как правило!

Хотя нам приходилось не раз лицезреть поистине уникальные охотничьи трофеи в полузаброшенных сараюшках или в горницах сельских избышек местных следопытов и профессиональных добытчиков мяса и пушнины.

И эти люди не признавали себя за трофейщиков себя, ни по менталитету, ни по своим потребностям.

Только опытный взгляд настоящего трофейщика сможет высмотреть-отследить неуловимо-броское мерцание еще не добытых трофеев.

И не важно, будут ли это гордо проносимые на пронзенных ледяным ветром склонах круторогие завитки горных баранов; или грозный сумрачный отсвет саблевидных клыков кабана, уткнувшегося в окраинный бургт желто-песчаного зернового поля.

Или матовый блеск черного полотнища медвежьей шкуры, громадой распластавшегося вблизи горливой каменистой лососевой речки.

Всех этих людей роднит то, что далеко не всегда свободные в обычной жизни от достижения, к примеру, толстой пачки зеленых купюр.

Они будут мерзнуть сутками, пить скверный самогон, трястись на спине далеко не арабского скакуна ради еще неведомых драгоценных и неопенимо-вещественных для владельцев свидетельств своей доблести.

Или вернее, ради получения морального допинга и чеканной врезке одного единого незабываемого мига в память. Не понять этого в тесноте городских квартир или в роскоши загородных особняков, если ты не охотник!!!

Стоит отметить, что скорее всего, именно «свои» российские коллекционерны-трофейщики, а не иностранные дяди, вполне способны «вдохнуть» новый смысл, реально влить «денежную кровь», «финансовую жизнь» во многие отдаленные, все еще сказочно богатые разнообразием возможностей и трофеев заветные охотничьи уголки России.

Пользуясь мировой практикой, мы должны создавать-публиковать-раздавать для нетерпеливо рыщущей этой публики страницы, открывающие наши заветные охотничьи уголки.

Мы должны оттягивать их от бессмысленно-глянцевых обложек толстенных выставочных каталогов или многоцветных иностранных буклетов. Пусть,

отыскивая в тиши своего поздневечернего кабинета очередной объект, глаз отечественного банкира, олигарха, нефтяника останавливается именно на России, не морщась и не раздражаясь...

И вместе с сотней блаженных представлений о тяжести и уникальности еще не добытого трофея, попутно формируется персональный инвестиционный портфель в десятки незалатанных прорех охотничьего хозяйства России.

Не забудем и других типажей. Это массовые и демократичные «любители». Публика - самая разнообразная. С большими допусками их можно объединить лишь, основываясь на присутствии одного и того же качества.

Гремучая смесь любви к охоте, в сочетании с другим компонентом и древнейшим занятием человечества – путешествием.

Немногие персоналии при нынешних экономических реалиях способны заплатить тысячи долларов за визит куда-то в Танзанию или Аргентину.

Столь же сильно и откровенно их влечет родная земля: стремительно текущие горные потоки Алтая, отроги Саян, вулканы Камчатки, западносибирские заболоченные равнины, заснеженные хребты Путоран, Кавказа, Тянь-Шаня...

Для многих из этой славной публики, важен уже не блеск (хоть и не менее желанного), ослепляюще-дурманящего трофея, их гонит романтика странствий, неустанно пробивается славный мотивчик-рефрен ... а я еду, а я еду, за туманом...

И они едут, идут, бредут, спотыкаются. На их счастливых грязных лицах таится извечная мечта наших отдаленных предков об охотничьем Эльдorado, о встречах с еще неизвестными диковинными зверями, о затерянной terra incognita.

Для этой категории как правило неведомы и закрыты модные охотничьи маршруты, о которых они прочитают в журналах. Их удел открывать, в том числе и для последующей раскрутки, неизведанные места.

Туристы этой категории – основной «ржаной хлеб» для нового охотничьего хозяйства в России. Именно они будут обеспечивать обычность и постоянство занятости у избранных понятливых охотпользователей.

«Начальники». Категория случайная, но всегда существующая. Никогда не выйдет из своеобразной моды такой прием, когда дорогого гостя везут развлечься с ружьем. Раньше это были советские партийные деятели.

Сейчас банкиры или проверяющие из КРУ. Не важно - кто, важно, что они есть и относятся к туристам (не на работе же они при этом занятии?).

Поговорим еще о международных, скорее иностранных туристах на просторах России. Есть еще одна категория «заморских гостей» - варяги, горячие финские парни...и славная история егеря-Кузьмича Рогожкина закрепила веселый и понятный образ такового в народных российских массах.

Немногие матеры профессионалы (проводники, охотоведы, егеря) знают, чего стоит такой заморский гость.

Как передать свои чувства (если только тихим матерком про себя), когда после многочасового выслеживания очередного камчатского мишки иной Йоган, Ганс или Питер бормочет: "Nain, pain...еще раз – другой, этот слишком малий для моей house...".

И снова надо тащиться десятки ледяных километров там, где вообще нет дорог, а лишь угадываются пути-направления в метущей поземке или неярком отблеске северного солнышка.

Встречается еще немногочисленная группа – «путешественники-коллекционеры». Большинство из них предпочитают наблюдения за дикими животными процессу добычи, иногда совмещая с коллекционированием разных диковинок (метеоритов, например).

Таковые часто встречается среди экотуристов. Любители бабочек, публика с неизменными фото-, видекамерами, памяткой об экологическом воспитании и аудиозаписями народных напевов...

Их неизменный атрибут – карманный атлас мира с только им одними ведомыми пометками и закладками, списки видов, которые надо посмотреть (отстрелять), любимые вырезки об экзотичных странах (как не вспомнить «хрустальную мечту» Остапа Бендера о Рио-де-Жанейро).

Итак, кратко разобравшись с публикой и мотивами, попробуем сформулировать вопрос. Что можно

ожидать в недалеком будущем от этого непростого занятия?

Пока следует с грустью констатировать, что не едут к нам туристы. По крайне мере столько, сколько бы хотелось. Тем более, когда и куда нам нужно. А собственно, что мы можем предложить охотнику – туристу?

Определенно следующее:

Единично, почти поштучно, иногда с большим выбором и приемлемыми затратами труда и времени – бурый медведь (Камчатка, ограничено Сахалин, Охотское побережье, Чукотка).

Очагово может быть использовано для трофейной охоты: Приморье, Южная Сибирь, «Центральная полоса» и «Север» России.

Для элитного охотника – снежный баран (горы стран СНГ – Казахстан, Киргизия, Кавказ, Красноярский край, Эвенкия).

Для среднего охотника – косуля (Курганская область), изюбрь и марал (большая часть Сибири и Дальнего Востока).

Для небольших групп (на попутной или комбинированной охоте) – водоплавающие (многие районы), фазаны (Приморье, отдельные хозяйства в европейской части России), боровая дичь (глухари, тетерева, белые куропатки) – доступный для европейца Север.

Как видно из данного перечня, фактически и элементарно рушится миф об эксклюзивности охоты в России для зарубежного охотника.

Более того весьма трудно происходит обеспечение даже этого вышеперечисленного минимума. Что можно рекомендовать, в плане серьезного улучшения, повышения, совершенствования?

На наш взгляд: а) нужна информация. Ее катастрофически не хватает всем и всегда.

В Интернете. И надежной, хорошо и несложно «поданной», красочной, со вкусом оформленной, достоверной, быстро корректируемой...

В различных формах представления, с возможностями интерактивной работы и выбора поисковыми средствами из Интернета и баз данных известных туристских порталов.

б) профессионализм безальтернативен...

Обязательный элемент, остро необходимый во всей основной цепочке охотничьего туризма «клиент-посредник-турфирма-власть-охоторганизатор (охот-пользователь)».

в) Коллективный опыт.

Как в любом бизнесе, удачи распространяются фрагментарно, изолированно, неудачи - наоборот, активно, преувеличенно.

Положительным моментом здесь могут быть многочисленные выставки, аукционы...

Так рыночный механизм постепенно заставляет вращаться «заржавленный остов» рекламы и маркетинга.

г) Материальная заинтересованность.

Как всех непосредственных участников процесса, так в обязательном сокращении коррупционно-взяточных затрат и непроизводственных расходов.

д) Поддержка.

Или хотя бы минимальное противодействие беспределу контролирующих органов...

Всех видам федеральных и региональных «властным бумагам» - разрешения на провоз, лицензии и пр.

е) Человеческий фактор.

Здесь приоритетно упорство, желание, спокойствие, выдержка и далее по списку.

Вот и все, что нужно...

А когда все будет, то тогда и сникнет у нас ажиотаж престижа на выездные «забугорные» охоты...

Наверное, и у нас тогда станут желаннее охотники-туристы в гостях...

ЛЕСНЫЕ ОХОТНИКИ БИКИНА

В Поручении Президента Российской Федерации от 7 ноября 2013 года пункт 5 обозначен как: «*Правительству Российской Федерации совместно с Администрацией Приморского края обеспечить подготовку и принятие нормативного правового акта, направленного на создание в бассейне верхнего и среднего течения реки Бикин особо охраняемой природной территории федерального значения в форме национального парка, обратив особое внимание на необходимость урегулирования вопроса о возможном участии в органах ее управления представителей проживающих на данной территории коренных малочисленных народов*».

Немногие из тех, кто читает данные строки, могут себе вообразить, что в вышеприведенных канцелярских строках подводится итог почти полувековой попытки коренных малочисленных народов наладить свою жизнь в соответствии с обычаями и традициями своих предков.

Только полвека назад международное сообщество осознало всю серьезность экологических проблем. Прежние романтико-гуманистические призывы к достаточно абстрактным способам охраны природы были заменены на рациональные схемы природоохранной деятельности в соответствии с прагматичными требованиями экологической безопасности.

Сформировалась новая идеология, в которой «рудиментом» остались призывы к бережному отношению к природе, что считалось условием дальнейшего выживания человека.

Как «правильные модели», с которых следует брать пример «бережного отношения» к природе, были указаны малые группы людей (коренные народы, аборигены, их общины и сообщества) ...

А также культурные ландшафты и территории традиционного природопользования и ведения жизнедеятельности.

Имеется в виду, что культура человека формирует облик антропогенного ландшафта...

Традиционные жизненные практики оленеводов, охотников, рыбаков, собирателей неслучайно считаются «меньшим злом» даже радикальными «зелеными».

И число таких людей растёт, параллельно универсализации неуклонно глобаризирующего мира.

Сам статус культурного ландшафта, как объекта человеческого наследия, был зафиксирован в 1992 году в «Директивах по применению Конвенции о Всемирном наследии».

И чтобы «размочить» выше изложенный «официоз», а также с тем, чтобы раскрыть еще один наглядный аспект соотношения охоты, культуры, философии...

Как и природы неразделимой с народом, для этого расскажу об особом месте в Приморье и немного о людях, что там живут...

Река Бикин – крупный правый приток легендарной Уссури. Площадь бассейна реки в данной лесной области составляет территорию, сопоставимую по

площади с такими балканскими государствами как Словения и Албания.

Но зато население людей в бассейне лесной реки на два порядка меньше. Неудивительно, что на восточной окраине евразийского континента сохранилась природа крупных естественных смешанных хвойно-широколиственных лесов.

Эта территория замечательна своим населением. Среднюю часть бассейна реки заселяют коренные малочисленные народы – удэгейцы и нанайцы, которые здесь живут и ведут традиционный образ жизни в течение нескольких столетий.

Исключительное для Северной Евразии природное разнообразие сформировало особый стиль жизни людей, хорошо приспособленный к сезонности возможных промыслов.

Отметим в ретроспективе, что в бассейне Бикина издревле обитала группа бикинских удэгейцев *бикингка*, которая преимущественно кочевала в районах среднего течения реки.

Но освоение этой территории человеком началось в глубокой древности.

Существующие археологические памятники в бассейне Бикина (VI - IV тыс. лет до н. э.) убедительно свидетельствуют, что его немногочисленные неолитические обитатели уже в тот период были самым тесным образом связаны с охотой и речным рыболовством.

Достоверных сведений о численности коренного населения в бассейне Бикина к середине XIX века нет.

В середине XIX в., когда Приморье стало частью Российского государства, наиболее населенным было побережье Японского моря, где жили местные народы. В конце XIX века начался первый этап колонизации русскими этой территории.

Несколько позднее в низовьях Бикина появились гольды (нанайцы), которые в процессе этнокультурных контактов с удэгейцами в конце XX в. практически слились с местным населением и восприняли культуру удэгейцев как свою.

Я сам участвовал и организовывал более десяти проектов, которые были связаны с бассейном реки Бикин. Большинство из них были междисциплинарных...

Мне повезло много работать с замечательным дальневосточным этнографом Вадимом Анатольевичем Тураевым.

А в одном из последних наших проектов по Бикину этнографическую часть обеспечивал нынешний заведующий отделом этнографии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН Анатолий Федорович Старцев.

Читал я книги В.С. Подмаскина о традиционных знаниях и народных обычаях дальневосточных народов, нельзя забыть строки В.К. Арсеньева...

Эти материалы и рассказы специалистов дают мне возможность воспроизвести некоторые интересные исторические аспекты традиционного проживания и природопользования в средней и верхней части бассейна реки Бикин.

Анимистические представления о природе являются основой традиционной духовной культуры всех тунгусо-маньчжурских этносов Приамурья и Приморья, в том числе и аборигенов Бикина

Суть этих представлений заключается в одухотворении окружающего мира: люди, животные, деревья, скалы, камни, леса, воды – все эти объекты имеют душу и души эти совершают цикличные путешествия по разным мирам: небесному, земному и подземному.

В каждом из этих миров есть хозяева и их помощники, добрые и злые духи, которые управляют жизнью на Земле.

Духи-хозяева живут в недосыгаемом для человека мире: на небе, в глубине моря, в огне и других местах.

Помощники же чаще всего обитают на земле, принимая облик человека, животного, рыбы, птицы или даже камня.

Удэгейцы старались жить с духами в мире и не «расстраивать» их своими поступками, за которые придется расплачиваться удачей или здоровьем.

Трудно полностью воспроизвести, что происходило на данной территории веками. Вполне очевидно, что в XX в. здесь произошли крупные перемены как в исконных занятиях, так и в сознании самих людей.

Сейчас уже не сохранилась неизменной вера людей, стерлись из памяти имена многих хозяев и их

помощников, но осталась основа религиозных представлений – духовная связь человека с природой и духами, населяющими ее.

Сохранились обряды почитания духов – ритуальные приношения, молитвы. Есть особые места или «святые места».

До сих пор на р. Бикин недалеко от п. Красный Яр почитается скала, на которой находится, так называемая «богомолка» (небольшое сооружение в виде домика) как место ритуального почитания богов.

Такие знания с раннего детства передавались устно традициями коренных малочисленных народов – удэгейцев и нанайцев.

Следует отметить, что бассейн реки Бикин – место не простое для жизни. В его верхней части, в отрогах Центрального Сихотэ-Алиня, люди никогда надолго не задерживались.

Ответ можно получить, если представить здешние ландшафты. Угрюмые каньоны, скальники, каменные россыпи на высоте тысячи метров переходят в обширное Зевское плато.

Здесь чахлые лишайники и верховые мари. Это сердцевина всего бассейна, регулирующая сток воды.

А еще это прибежище немногочисленных в природе уссурийских лосей, шустрой кабарги и русского соболя. Именно, последний привлекал пристальное внимание промысловиков.

По малоснежью можно было забраться в верховья Сихотэ-Алиня. Здесь проложены транзитные коридоры в кочевках всего таежного зверья.

В этих суровых местах мало оседлых животных. Даже таким сильным выносливым зверям как лоси или таким искусным скалолазам как кабарга трудно выживать в условиях нередких двухметровых снегов.

Умелый промысловик старается перекрыть пути миграций, чтобы получить свой урожай «мягкого золота».

Казалось бы, непроходимые дебри густых пихтачей и приречных ельников, увитых седыми лишайниками, хаотичные нагромождения валунов, покрытых мхом, корявые стволы припойменных лесов дают зверям надежное убежище, обеспечивают удобное местообитание и кормовую базу.

Верховья Бикина во все времена привлекали внимание людей рискованных, бродяг без рода и племени, авантюристов.

Здесь водится золото. Его мыли частным порядком, работали артели. И сейчас не прекращаются попытки «прибрать» лакомое местечко для добычи драгметалла.

Все, кто побыл достаточно долго «на Бикине», присоединяются к утверждениям, что здесь нельзя рубить лес, будет нарушено равновесие огромной, но хрупкой лесной экосистемы.

Я помню, как мне очень профессионально объяснял тонкости функционирования «кедровников» и

богатых смешанных лесов опытный лесовод Всеволод Александрович Розенберг.

Он говорил, что мы много пытались «отстаивать» особые правила рубок древесины в горно-таежных лесах, не все удалось, но то, что мы смогли обосновать целесообразность официального существования «орехово-промысловых зон, спасло тогда Бикин.

Лесопромышленники постепенно подбирались к этой территории с севера и с востока. Ныне на космоснимках видно множество «дыр» и «полос» - это незаконные, никем не контролируемые рубки и потайные лесовозные дороги.

Никто не может сказать, насколько изменился естественный характер лесной системы из-за этих хищнических воздействий. А ведь идет масштабное воздействие не только на лес, но и на людей.

«Лесные люди удэгейцы» - это название одного из произведений известного исследователя Дальнего Востока В.К. Арсеньева.

В самом понятии «этнос» заложен глубокий смысл, включающий историю формирования, образ жизни, духовные представления и весь культурный комплекс.

Официальное определение этноса звучит как: «исторически сложившаяся, саморазвивающаяся, целостная и устойчивая общность людей (объективно выделяемая и субъективно осознаваемая, имеющая самоназвание и противопоставляющая другим общностям), характеризующаяся особенностями физиче-

ского и психологического склада, культуры, отношений с окружающей природной средой, исторического развития и нередко политической судьбой».

Для людей, населяющих Бикин — это научное определение очень подходит. Их здесь объединяют река, горы и лес. Общие занятия, общие интересы, а еще детерминанты природы. Хочешь не хочешь, а успешно жить можно лишь только вполне определенным образом.

Основные возможности для передвижения по всему Бикину представляет река, поэтому основное средство передвижения здесь лодка.

Раньше удэгейцы изготавливали и успешно пользовались длинными семиметровыми батами, изготовленными из цельного древесного ствола огромного ильма или ясеня.

На таких батах аборигенами преодолевались сотни километров реки во время сезонных заездов на промысел.

Сейчас в век моторов можно только диву даваться как можно было быстро и ловко передвигаться в стремнине этой своенравной реки, отталкиваясь с помощью длинных шестов, передвигаясь против течения и успешно сплавляясь обратно, вырубив лопаточкой особые весла.

Такое передвижение по реке может быть почти абсолютно беззвучным и поэтому все способы охоты с огнестрельным оружием, здесь были успешны.

И сейчас удэгейцы очень внимательны, передвигаясь по реке легко и быстро замечают зверя по берегам.

Это наиболее частый и легкий способ добычи копытных. Зоркость и навыки успешной охоты и следопытства можно сохранить только пока живешь на реке большую часть года.

Но можно их легко потерять, если окажется, что охотиться больше нигде. Так получилось у их далеких родственников - североамериканских индейцев, которые потеряли навсегда свои вековые качества, когда их выселили в резервации.

Американские пионеры - это в большинстве своем авантюристы всех мастей и сильно религиозные протестанты-фермеры.

У первых не было никаких заповедей, вторые же полагали, что господь им простит все прегрешения, поскольку они сильны в своей вере. Их роднило желание «урвать свое».

Им было глубоко наплевать на то, что территория дикой представлялась только тем, кто в нее вторгался, но не жил.

А ведь любой народ существует пока способен сохранять традиции, культуру, обычаи. И это трудно сделать, оторвавшись от своей исконной земли.

В США племена индейцев исчезали, изгоняемые из своих традиционных мест под натиском переселенцев.

Нет своей территории, нет возможности вести промысел в своих родовых угодьях, значит теряется и

та исконная связь с природой, о которой заботились предки.

На Бикине сейчас живут и стараются поддерживать традиционный образ жизни не только живущие здесь коренные народы, но и вообще сельчане – русские, украинцы, белорусы... перенимают, ценят и поддерживают таежные обычаи.

Навыки охоты у удэгейцев складывались векам. Они разнообразны, но немногие охотники постигают их в совершенстве.

Я видел, как по оставленным на стволе дерева царапинам, по вмятинам на траве, отпечаткам следов на земле и даже запаху окружающей местности, удэгейцы узнают присутствие животного, его возраст, пол, направление движения, быстро ориентируются, где и в каком месте можно выйти ему навстречу.

Кстати, охотились раньше и охотятся сегодня удэгейцы почти круглый год. Раньше это было незаконно, сейчас новый Закон позволяет делать это легально, но не всем.

С началом советской эпохи и новых экономических условий в жизни удэгейцев постепенно происходили трансформации основного промысла.

С введением коллективных хозяйств охото- и рыбодобыча стала плановой, а регулятивную функцию численности промысловых видов исполняли соответствующие государственные организации.

Охотники и рыболовы объединялись в промысловые артели, зверопромхозы. Вводились новые формы хозяйства – земледелие, животноводчество.

Эти попытки не увенчались успехом. Во многом на это повлияли этнокультурные особенности населения.

Лесные жители по своему менталитету больше собиратели, чем земледельцы...

С развалом Советского Союза прекратили свое существование госпромхозы, коопзверопромхозы и другие дотируемые госорганизации.

С началом рыночных отношений "лесной народ" утратил экономические гарантии государства и остался один на один со своей исконной средой обитания.

И вот уже три десятилетия они выживают на этой территории, стараясь поддержать свое благополучие, и при этом не утратить связь с природой.

Для сохранения охотничье-промысловой деятельности есть своя община «Тигр», которая арендует большую часть территории Среднего и Верхнего Бикина.

Сейчас для общины наступил новый период встраивания в достаточно жесткие рамки существования особо охраняемой территории федерального значения.

В рамках общины воспроизведены инструменты поддержки охотника-промысловика, оказывается помощь в приобретении снаряжения и реализации продукции охоты по справедливым ценам.

Община арендовала ранее и пока еще фактически сохраняет свое влияние на основной лесной фонд, ценный прежде всего для сохранения местооби-

таний диких животных и поддержания орехово-промысловой зоны обширных хвойно-широколиственных ("кедровых") лесов.

Основная интрига заключается в том, что весь постсоветский период не прекращается борьба за возможность использования этой уникальной территории.

Понятны устремления бизнеса – лес надо рубить и продавать. Понятно также желание состоятельных людей занять себе участок на этой территории, чтобы раз-другой в год побывать в тишине и богатстве нетронутой природы.

Самому отдохнуть и друзей пригласить...

А вот местные жители с помощью ученых и природоохранных организаций всегда были за создание территории традиционного природопользования (ТТП).

Эта инициатива отвечала сильнейшим желаниям – получить возможность сохранить свой образ жизни и культуру в местах, где жили предки.

За этот период было подготовлено не менее десяти проектов организации ТТП.

В 2006 году в Министерстве регионального развития Российской Федерации на межведомственном совещании было принято решение поддержать инициативу Минрегиона России и признать целесообразным создание первой в России особо охраняемой территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов федерального значения «Бикин» в Пожарском районе Приморского края...

В качестве необходимых мер сохранения исторической среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов.

Краевая власть решила по-своему. Еще летом 2013 г. губернатор Приморского края Владимир Миклушевский предполагал организацию охраняемой территории регионального значения.

Речь шла о возможности организации ТТП регионального значения... Федеральные структуры оказались не настолько доверчивы, чтобы отказаться от контроля над этой территорией.

Продолжая политику усиления федерального влияния на Дальнем Востоке, предложили и уверенно воплотили здесь не лучшую идею создания национального парка.

Формально «родился» окончательный вариант особо охраняемой природной территории (ООПТ), когда 10 октября 2014 года руководителем президентской администрации Сергеем Ивановым и приморским губернатором Владимиром Миклушевским было объявлено об организации национального парка на Бикине.

Поручение Президента, которое цитировалось в начале этого очерка, существенным образом скорректировало реализуемость этого мероприятия.

Наступил новый этап, хотя пока еще никто не сможет сказать – как же нужно сохранять и поддерживать традиционный образ жизни и занятий коренных малочисленных народов на ООПТ федерального зна-

чения, с весьма категоричным выполнением «законных» требований к ограничению и даже прекращению здесь охоты.

5 ноября 2015 года Национальный парк «Бикин» Указом Президента РФ В.В. Путина был создан, а в сентябре 2016 стал существовать не «на бумаге» и получил первое финансирование и директора.

Для меня Бикин - одно из мест, с которым связана значительная часть моей жизни.

В процессе этой «жизни в жизни» было много и хорошего, и плохого.

Я считаю сам, что ранний инфаркт, который я пережил более двадцати лет назад, был определенной платой, жертвой за то, что в своих честолюбивых устремлениях я увлекся и не услышал естества природы.

Именно Бикин мне указал на это. Хотя и через людей определённых и события...

Более чем за тридцатилетний период, что у меня персонально связан с Бикином, я для себя хотя бы отчасти понял, что значит, когда говорят, «благими намерениями дорога в ад выстлана».

Разные люди, по характеру, по желаниям, по необходимости, по душе... были и остаются связаны с Бикином.

Здесь легко создавались ярлыки: «зеленые» - те, что хотели сохранить природу и активно при этом искали денежки, чтобы сначала вполне комфортно

поддерживать свое существование, потом за «бесценок» скупать, переписывать, «перелицовывать» уже известное...

Находить самое пестрое и выдавать за свое, вновь «зачаровывать», приобретать новых доноров и спонсоров, раз за разом, запуская процесс своего упрощения и жить не только с кусочком хлеба, а намазанным маслом и икрой... Паразитарная суть и метаболизм их такой, что тут скажешь!

«Красные» - те, кто на Бикине (а иногда и вообще) воевали и воюют за справедливость, равенство, братство... Можно выписать длинный список тех, кто писал, говорил, устраивал протестные мероприятия, дружил с казаками и оружием, объяснял научно...

«Желтые» (по цвету любимого металла). Те, кто искренне любит только «бабки», «хрусты», «капусту», «бабло» и пр. поименования денежных средств во всех видах. Им вообще все равно, кому за что и почему продавать.

«Бело-красно-синие». Власть предрержащие. Были и есть самые разные. Каждый из них соприкасался с Бикином, начинал что-то продвигать, примеривать, прикидывать.

Все приморские губернаторы побывали на Бикине, и не раз. Сергей Дарькин здесь заложил «камышек» своего бизнеса, Владимира Миклушевского в традиционное удэгейское одеяние обряжали.

Может и действующий Президент там еще и побывает, по крайней мере представители его Администрации о Бикине знают не понаслышке.

А вот к тем, кто живет на Бикине, к местным жителям, ярлыки не вешаются. Ведь живут они непросто, заняты своими ежедневными заботами, простыми и понятными делами.

Ссорятся, мирятся, мстят и отдают последнее...

Постичь глубину этого простого процесса никогда и никому не удастся...

Достаточно того знать, что если сам не живешь там, и если ты, не записан в этом сообществе, общине, социальной группе или родовом клане...

Сказать про Бикин и людей будет нечего! Я понимаю, что Бикин будет жить вечно, когда и нас не будет!

Ведь из философии я знаю, что "тот факт, что я утверждаю нечто, является первичной характеристикой существования для меня этого нечто".

Это – метафизика, и всякая метафизическая система есть лишь отражение того положения, в каком находится душа, открывающая тайну мира.

Образы нашей психической жизни являются силой, что тайно (для нас конечно тайно) воздействует на природу.

Это лишь способ человеческий, с помощью которого мы можем прикасаться к вечности.

Мир предшествовал человеку, и останется после него, только уже будет без человека...

Перед моими глазами, когда я написал эти строки, вдруг поплыли веточки, былинки, легкие осенние бабочки...

Я вновь услышал, как прозрачный и сильный поток реки издавал негромкие звуки вечности...

Рассеялся и отступил молочно-белый холодный туман, что затягивал долину реки...

Вновь, в бесчетный раз, круто обрисовались естественные «лесенки» деревьев, соединенные с не набравшим силу подростом, составленные в непостижимом человеку порядку природы...

*«К познанию нового, прийти возможно
лишь неизвестным чем прежде образом...»*

Из текстов философа Валерия Губина

ФИЛОСОФИЯ⁵ И ОХОТА

Много лет я занимаюсь охотой, думаю почему я это делаю, мне интересно, что влечет и других людей к занятиям охотой.

Иногда я спрашивал об этом прямо у своих коллег, у людей, с которыми сидел у ночного костра, за походным столом в автомобиле, в уютном тепле охотничьих зимовий, реже задавался этой мыслью в городе.

Не могу я сказать, что я слышал откровения. Чаще всего «народ» стеснялся выразить свое истинное отношение к этому занятию, которое объединяет и увлекает очень разных людей.

Я обращался к науке, ведь по своему образованию, собственному опыту, профессиональным интересам мне было доступен язык и логика изложения моих коллег охотоведов.

⁵ Идеи и мысли, которые здесь и далее высказываются, являются «виртуальным диалогом» между мной и отечественным философом Валерием Дмитриевичем Губиным с целью прояснения той связи, которая существует между философией и охотой. Я излагаю свою точку зрения в большинстве своих рассказов. О позиции философа можно больше узнать из его книги: Философия: актуальные проблемы. Учебное пособие. Москва: Омега-Л, 2006. 370 с.

И в нашей охотоведческой науке, к сожалению, я не смог найти ответов, которые меня бы успокоили, утолили познания.

Более тридцати лет я читаю отечественные охотничьи журналы. Сначала единственным был советский журнал с богатой историей и скоро он отметит шестьдесят лет своего существования.

Это журнал «Охота и охотничье хозяйство». С начала 90-х начали появляться новые охотничьи журналы, яркие, стремящиеся быть свободными, оригинальными, интересными.

У кого-то это получалось лучше, кому-то по разным причинам не удавалось и они сошли со сцены. Я покупаю и читаю журналы до сих пор, но этот приятный процесс мне не дал пока нужных ответов.

Я решил, что больше не хочу ждать ни чужих ни своих откровений, которые возможно где-то есть в готовом виде, и нужно лишь найти, открыть, узнать это заветное место...

Я решил выразить свои мысли об охоте, охотниках, охотоведах и обо всем, что с этим связано или может быть связано не откладывая, на страницах этой книги.

Мне интересно подойти к этой проблеме с разных позиций, по возможности, следуя какой-то системе знания.

В нашей системе знания традиционно, по крайней мере в течении двух с половиной – трех тысячелетий, самую верхнюю строчку знаний занимает ФИЛОСОФИЯ.

С прояснения того, как на мой взгляд может быть связана философия и охота, я начинаю здесь серию эссе, составивших примерно половину всей книги, которую вы сейчас читаете.

Человек живет в мире и именно в мире он себя познает. Любая связь с миром – игра, в которой образы реальных предметов выступают лишь как метки, символы, дающие повод для работы фантазии, для того чтобы включилась вся моя память или та, что я считаю своей.

Философия не занимается нахождением спрятанных, скрытых истин. Она, как и искусство, является осуществлением истины, которая не лежит где-то рядом, ждущая своего открытия.

Истина всегда жива и дается только живому человеку в его оригинальном собственном понимании. Ее средства – мысль и слово.

Философия учит мудрости пользования данными средствами, присущими во всем возможном блеске только человеку.

Так в такой связке - пробуждаются все мои прошлые переживания для того, чтобы мир ожил, начал двигаться, обнаружил свою скрытую глубину, свои невидимые стороны.

Суть такого взаимодействия человека и мира в социуме можно наблюдать посредством обращения к деятельности и к результатам искусства.

Искусство - есть творение и совершение истины, но оно доступно немногим.

Источник вдохновения для людей искусства находится в обязательной связи с природой...

Тот из людей искусства, кто умеет «вырвать» и представить некую толику, элемент, факт своего присутствия, касания природы в своем произведении, в образе или слове, оказывается известным, популярным в социуме.

Но «любому человеку всегда нужен свой понятный смысл того, что он делает, ощущение себя дома, ощущение связанности своей крошечной и неприметной судьбы с мировым целым».

Философия всегда была занята поисками бытия, поисками первопричины мира, поисками родины, постановкой вопросов, на которые может никогда не будут найдены «верные» ответы.

Один из таких - вопрос бытия. Чтобы приблизиться к ответу утверждается, что Родина – это близость к бытию.

Бытие – это тайна, и прикосновение к тайне требует мужества, ведь мы не знаем, что хранится в ней.

Зато сам человек, по словам М. Хайдеггера, в «курсе» того, что в преодолении своей бездомности и счастья, за долгие века своей истории и бесконечных социальных экспериментов, смог убедиться в невозможности построения рая на земле.

Ни свой желанный и персональный, ни коллективный, какую бы идеологию человечество не провозглашало.

Человек работает, результаты его работы и сам процесс дает ему власть над природой, хотя и ограниченную.

Фатальность человеческого бытия показала невозможность выделения из нее всего, что было, есть и будет.

Охота для человека является общественным делом, и это всегда забота о другом, даже если добыча потребляется индивидуально.

В устремлении человека к охоте лежит потребность обеспечения Другого (своего племени, клана, рода, семьи).

Это принципиальный момент, который выделяет охоту человека из всех видов «иных охот» природы. Ведь мы находим ее в вещах и событиях только потому, что вкладываем свой смысл в них.

В современном обществе еще окончательно не забыто то, что охота является древнейшим занятием человека.

Для человека охота была всегда тем же трудом, что и любой иной, направленный на поддержание жизнедеятельности, обеспечение коллективной и индивидуальной безопасности, процветания, здоровья.

Виды, способы, формы охоты предельно разнообразны, но функциональная суть всегда одна – это пропитание.

Поисками пищи занято все живое, но ни одно животное не трудится, предаваясь охоте. Любое живое существо получает «без оплаты» все то, что ему надо, используя только свойственные ему способности.

Человек же свои способности многократно преумножает с помощью созданных трудом ума, рук, и специальных приспособлений «помощников».

Планета Земля предстает перед нами аренной жизнедеятельности, и «каждый человек», - писал Ф. Ницше, - «особенно в молодости, чувствует в себе необъятные силы, и кажется ему, что он призван совершить нечто выдающееся».

Человек взаимодействует с пространством и временем непрерывно, и так продолжается на протяжении всей нашей жизни.

Основу такого взаимодействия составляет обмен, где «платой» служит энергия, информация, движение мысли и материи, создание образов, представлений, вещей.

Человек не одинок на планете. Параллельно с нами существует множество живых существ, обобщенно называемых биологическим разнообразием.

И, видимо, не зря кажется, что при потере естественного разнообразия, человек сам может составить некое звено в этой цепочке исчезновений.

Мы все же устроены так, что в свои расчеты берем только то, что знаем или предполагаем, не замечая, игнорируя парадоксальное утверждение «как можно узнать нечто, не зная того, что ты не знаешь»?

Философия, культура, религия, наука... Это средства, с помощью которых мы расширяем, накапливаем и дополняем существующие знания о пространстве.

Мы продолжаем его описывать, объяснять, исследовать, делая это с помощью нашего мышления, выражая средствами языка, передавая знания во все более усложняющихся формах коллективного обучения.

Каждый считает, что может совершить в пространстве все, что захочет. Только вот, как правило, нам мешают бесконечные трудности.

Ницше утверждал, что каждому из нас на надгробии можно написать, что здесь лежит человек, у которого были великие возможности, ждали великие дела, или просто: здесь лежит великое обещание.

Философы во все эпохи задаются фундаментальными вопросами.

Как возможен свободный человек? Как возможна свобода?

Очевидно, что свобода не предписана, не является врожденной способностью человека. Это понятие тесно связывается с поиском человеческого происхождения.

«Оглянувшись назад» можно отметить, что, то понимание гуманизма, которое стало популярным с конца XIX века, восходит к временам Ренессанса, когда понималось, что человек должен быть «хозяином своей судьбы и господствовать над землей».

Но «если мы не способны мыслить никакой иной реальности», - считал Шопенгауэр, - кроме вымышленной бескачественной материи... то весь мир со своими вещами представляет не что иное, как механистическую игрушку...».

Параллельно мы во все большей степени теряем индивидуальные способности достижения верных договоренностей взаимодействия с пространством, ориентируясь на весьма редуцированные, ограниченные знания о нем.

А только такие могут быть нам доступны при передаче от другого, и переданное кем-то становится «зажжённым фонарем, там, где видно, а не там, где следует осветить».

Переданное кем-то, совсем не то уникальное персонифицированное и единственно верное, что может быть доступно лишь в личном опыте.

Только в таком оригинальном всегда и данном собственной потенцией процессе формируется всегда новое видение мира.

Видение результатов составляет живое, непосредственное восприятие, состояние непосредственной актуальности.

Здесь пропадает «мертвого прошлого» с которым мы сравниваем свое настоящее. И мы всегда видим мир своей охоты так, как будто увидели его в первый раз.

Каждый раз переживаем удивительный подъем духа и чувств. Мы называем это чудо – нашим настоящим слиянием с миром, глубоко понимая его изнутри.

Человек уверен в том, что не утратил до сих пор способности покорять, совершенствовать, одухотворять мир, что предопределяет действие особой «оптимистичной ловушки».

В качестве «приманки» действует убеждение о том, что достижение наших нравственных ценностей идентично осуществлению субъективных природных влечений.

Эта сентенция целиком относится к проблемам взаимодействия человека и природы. Мы, как и любое природное существо изменяемся физически, развиваемся социально и ментально.

Но мы и деградируем в наших индивидуальных способностях выживания на природе, у нас теряется потенциал персонального выживания.

Лишь охота продолжает «вписывать» нас естественным образом в свое «верное» пространство. И вступая в контакт с природой, всегда для нас есть что-то известное, по крайней мере таковым оно является в наших представлениях, ожиданиях, воображениях.

Мы меняем, договариваемся с пространством о бытии, по-иному ведь мы не сможем быть ни хищником, ни в некоторых случаях и добычей более сильного и ловкого – другого хищника, природного обстоятельства или неучтенного фактора воздействия.

Это знание идет из собственного опыта, из того, что было когда-то изучено, стало известно из книг, социального внедрения.

С психологических позиций, такой «задел знаний» дает нам опору, фундамент, базу, место приложения нового и надстройки таковым.

Проекцией пространства охоты является территория, и это для нас всегда образ, в котором мы способны «заземлить» себя, вывести из воображаемого и

неосязаемого к понятности и наглядности одной из моделей бытия.

Территория обеспечивает нам отклик. Здесь мы можем «овеществить» пространство, населяя его животными, создавая им разнообразие условий их местообитания.

Мы наделяем их домом, который им не требуется, но так нам привычней и безопасней. Так мы даем себе и им в своем воображении, ту точку опоры, в которой нуждаемся сами.

Основной территориальный параметр для охотника – это наличие или отсутствие дичи.

Еще мы «включаем» сюда социальные условности, такие как сроки, правила, обстоятельства возможного проведения или отказа от охоты.

Эти внешние рамки охоты являются предметом и объектом научного, нормативно-правового, финансово-экономического, социально-культурного, этнического, экологического, гуманитарного и других дискурсов, но в своей глубине охота всегда будет оставаться лишь метафорой.

Объективно есть, конкретно воспринимается добыча, жертва, трофей... отделяется субъект – добытчик, хищник, охотник...

Эта и реальность, это и модель, познаваемая персонально каждым, описываемая средствами речи, обеспеченная той глубиной проникновения, на которую способен «погрузиться» определенный человек.

Метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь, даже если мы не сознаем этого. Она живо проявляется в нашем языке, мышлении, действии.

И в то же время, человек себя «околдовывает», вводит в изменённое состояние, обязательно требующее

я, чтобы смочь погрузиться в пространство охоты. Только так приходишь к пониманию, что в мире, где мы живем, больше не существует деления на мир истинный и кажущийся.

Мир – сложнейший продукт взаимодействия с ним человека, его чувств, мыслей, эмоций и их сочетаний, передаваемых одним словом «действительность».

Он предстает нашим «слепком» персональной способности жить на Земле и той реальностью, где отсутствует любой порядок, и которому должны соответствовать воспринимаемые нами вещи и события.

В природе нет, не существует ничего такого, чему должны обязательно явлены продукты наших теорий и убеждений.

Пропадает граница между истиной и иллюзией, происходит восприятие невероятного условия – не существует мир без человека, и он же является лишь нашим представлением.

Вся деятельность человека на фоне бесконечности природы исчезнет когда-нибудь, и не только личные индивидуальные результаты ее подвержены пыли и тлену, исчезают без следа некогда великие народы и культуры.

«Приращение» человеческого опыта – скорее процесс технологический, но не творческий.

Обыденная человеческая практика в отличие от любой теории, науки или философии, является каждодневно доступным, привычным, обязательным средством нашей фактической «проявленности» в жизни.

Охота представляет очень практическое и наглядное занятие человека.

Только в охоте «один на один» становится очевидным, что каких бы успехов не достиг человек в результате своего труда, какие бы глобальные достижения не были ему «по плечу», природа все равно остается всевластной.

Только так в самом ее естестве, а это можно выразить особым концептом «дикая природа», перед человеком предстает пространство.

Мы привыкли использовать пространство для деятельности, для труда, а таковое можно использовать и для игры. «Цели нет только у игры, она свершается не ради счастливого будущего, она сама по себе – счастье».

Мы в своем социальном плане тоже играем... Во власть, в богатство, в любовь, в жизнь и смерть...

Но настоящей «смысложизненная» игры по приказу не бывает. Игра должна быть выходом из рамок рутинной жизни, ведь по своей природе человек, как учат дети, и живое существо, как показывают животные, не может не играть...

Игра нам нужна как обязательная биологическая функция, без нее мы не сможем понять, что по-настоящему представляет собой дикая природа.

Без игры мы воображаем природу как нечто уже нам известное, пытаемся лишь его «достроить» чем-то новеньким, черпая, однако, только из того же содержимого нашего источника, где хранится только известное.

Обращаясь к дикой природе, мы попадаем на территорию, в пределах которой встречаемся со всеми тремя основными типами нашего сознания.

Предметное сознание, направлено на мир окружающих нас вещей, предметов, ситуаций.

В нас обостряется самосознание – мы начинаем себя сознавать по-иному, отличными от окружающего нас мира природы, и заметно чужеродным, неуклюжим и неуместным в этой существующей без нас естественной слаженности.

И еще, достаточно быстро мы погружаемся в поток, совмещающий непосредственные переживания и ощущения, глубинное проникновение во что-то необычное.

В этом состоянии перестает работать социальная аксиома нашего обычного пребывания в сознании, когда мы подвержены стремлению к деятельности, расшифровываемое импульсами того, что мне надо что-то делать, думать, исполнять, создавать...

Такое происходит в нерасшифрованном обычном чувствовании, как будто приподнимается нечто осевшее навечно, и неведомо, когда, в нашей памяти.

Мы можем назвать это кодами, зашифрованными посланиями, для которого мозг наш должен найти особую «шифровальную тетрадь».

Эти послания человеку могут не потребоваться в течении всей его жизни, и кодированные сигналы не обретут смысл, они могут остаться невостребованными, неразбуженными, «нерастаможенными».

Мы способны переживать мгновения бытия, прикасаясь к сущему посредством своего детского.

С.Л. Франк пишет, что из эпохи детства в нас «проявляются» воспоминания о состоянии, в котором каждый клочок мира, каждая вещь и каждое явление представляются нам непостижимой тайной.

Тогда мир для нас был сплошным чудом, возбуждая радость, восхищение, изумление или ужас.

Только в природе мы вновь возвращаемся к себе, к своему внутреннему Ребенку, к себе очень естественному, первобытному человеку, к себе, как-то вспомнившему прошлые жизни, родственные поколения, далекие эпохи.

Мы в наших жизнях убеждаемся постепенно в том, что мысль есть память о бытии и это удовлетворяет нашу вечную жажду нового знания.

Мы вспоминаем, пробуждаем свою детскую способность при каждом переживании красоты, «включаемого» в наслаждении предметами искусства, и их начальными источниками, распознаваемые как особый трепет переживания контакта с природой.

Только в отношении восприятия дикой природы человеку кажется, что он предстает перед чем-то

непостижимым, веря в это также искренне, как в детстве, благоговей перед еще неизведанным и неизвестным.

Тогда наш мир становится наполненным и невероятным. Мы можем заново открыть в себе Бога, поверить в ангелов, услышать свою душу.

Мысль об ОХОТЕ удовлетворяет человеческому существу жажду вечного поиска, вечной игры – охоты, поскольку она просто есть и всегда будет!

Мы возвращаем потерянную в социуме свою настоящую чувствительность и индивидуальность, мы становимся способными на откровение и познаем сокровенное.

Эта наша мысль относит, возвращает, уводит нас вновь к бытию, и к тому, что дано нам всеохватно самим бытием.

Обращая эту мысль и слово к себе социальному, возвращаем истину особым «радарным» отзвуком природы...

«ОХОТА НА ОХОТУ»

Это ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ часть моих историй об охоте, животных, людях, природе, и о себе...

Я решил составить ее из фрагментов, опубликованных в журнальных интервью со мной...

В таком формате традиционно избирается диалог, текст мной так и оставлен.

Редакция журнала (далее обозначается как «Р.Ж»), начинает беседу.

Р.Ж. Владимир Николаевич, мы не впервые с Вами беседуем в редакции нашего журнала, каждый раз наши разговоры касаются широкого круга тем.

Мы всегда поднимаем актуальные вопросы, спорим о них, находим решения. Но проходит большой промежуток времени и вновь появляются не менее сложные вопросы.

Расскажите, пожалуйста, с позиции старожила Приморского края, охотоведа, который работал в промысловом хозяйстве в советский период, какова была ситуация в охотничьем хозяйстве на Дальнем Востоке, когда Вы приехали?

В.Б. Когда в 1982 г. я закончил «Балашиху», свой (ВСХИЗО) и получил «синий» диплом биолога-охотоведа, то тогда я отчетливо понял...

Больше не мог оставаться в Астраханском заповеднике, где проработал семь лет. Пришло время реализовать свою мечту о работе охотоведом в Сибири.

В моих студенческих беседах и ожиданиях именно Сибирь была как раз тем самым сказочным местом, где «соболей ловят сотнями», ондатра сама просится на шапку, а мясо, грибы и прочие таежные припасы – это просто обязательные, обильные и непреходящие элементы обычной жизни людей там.

Так оно и было, например, в Красноярском крае, но... в итоге, - я уехал жить и работать в не менее интересное место, сюда, в Приморье.

Начал работать охотоведом промыслового участка госпромхоза. Я уже об этом написал немного в своей книге «Время охоты».

Р.Ж. И все же, скажите пожалуйста, что из себя представлял собой госпромхоз?

Это было некое специализированное государственное (государево) хозяйство, специально организованное для ведения промысловой охоты.

Сейчас аналогов этому уже нет, а вот что тогда входило в обязанности руководителя или по-современному менеджера этого весьма уникальной формы предприятия?

В.Б. Заготовка пушнины, мяса копытных, пернатой дичи, папоротника, «кедрового» ореха, меда, леса, разнообразных видов дикорастущей продукции и многое другое естественно входило в ежедневные обязанности начальника промыслового участка госпромхоза.

Я им стал через 4 месяца после своего приезда в Приморье. Помимо этих понятных охотничьих дел,

госпромхоз должен был обеспечивать дровами, пиломатериалами, электрическим светом жителей деревни... Было еще и многое другое.

Р.Ж. Сейчас мы много говорим о серьезных проблемах охоты и охотничьего хозяйства в России, но ведь в тот период также были затруднения, сложности производственного характера, и того, что относилось не только к охоте, но и к охране диких животных.

Какие из этих проблем «выжили» и не потеряли своей актуальности в те четверть века, что прошли с той поры?

В.Б. Здесь, наверное, стоит упомянуть о проблемах сохранения амурского тигра и дальневосточного леопарда.

Тигр был редким, но он ощутимо присутствовал в нашей жизни, нередко не с самыми позитивными воздействиями.

Еще в промхозе мне неоднократно приходилось разбираться с последствиями хозяйствования тигра. Он приходил в деревни, задирали коров, свиней, воровал собак.

Одно из первых моих заданий, в Тихоокеанском институте географии ДВНЦ АН СССР, в лаборатории экологии и охраны диких животных, было связано с опросом и уточнением статуса пребывания тигра у охотников из числа коренных малочисленных народов – удэгейцев и нанайцев в бассейне таежной реки Бикин.

Почти два месяца я провел в летний период 1985 года вместе с промысловиками на их охотничьих

участках, общаясь долгими летними вечерами у костра на берегу лесной реки.

По возможности бесшумно передвигаясь со своими проводниками к солонцам, или забрасывая в ночную глубину таежных заливов «мышья», я не только мечтал, но и старался добыть зверя и сорокакилограммового тайменя.

Я видел, как тихонько пробирались пантаци-изюбри к речным заливам, там же подходили к воде, спасаясь от гнуса удивительные уссурийские лоси.

С того лета вспыхнула моя любовь к этой земле, началась многолетняя дружба с бикинскими охотниками, которая не завершилась и сейчас.

В начале, 90-х годов много времени было посвящено защите этих мест от топора южнокорейских лесорубов и их российских партнеров.

Р.Ж. Наш журнал неоднократно поднимал вопрос о целесообразности пребывания в Красной книге ряда видов, которые восстановили фактически свою численность.

Так был выведен гималайский медведь и меньшая часть популяции пятнистого оленя, сейчас вновь идут дебаты, что с ними делать.

Мы даже подготовили и отправили в МинПрироды и экологии специальный запрос. А что думают специалисты в Приморье?

В. Б. Я считаю, что сам статус «краснокнижного вида» не является автоматической гарантией его сохранения.

В отношении грамотного сохранения мигрирующих птиц существующая ныне система охоты абсолютно неудовлетворительна.

Р. Ж. Вы профессор! Значит у Вас есть опыт преподавания. Вы учили студентов, значит могли сравнить с тем, как учили Вас в свое время? Что можно об этом сказать?

В.Б. Я учился в прошлом веке, в институт ездил лишь сдавать ежегодные сессии. Там была студенческая жизнь, но относительно короткий период, не такая как у «дневников», («очников»).

Но у меня была великолепная возможность обучаться в Астраханском заповеднике. Я еще в сельской школе успевал до начала уроков сбегать на ближайшее степное озеро, посмотреть на птиц, увидеть что-нибудь новенькое.

Воскресные дни полностью посвящались многочасовым наблюдениям за водоплавающими и околоводными птицами в ближайших окрестностях села Николаевки, расположенного в своеобразном, полупустынном ильменно-бугровом районе Астраханской области.

Такое общение с природой, романтика натуралиста, определили мой выбор жизненного пути. После окончания средней школы я пришел работать в Астраханские государственные ордена Трудового Красного Знамени заповедник им. В.И. Ленина.

Именно этот заповедник, созданный в дельте Волги в 1918 году (и скоро будет праздновать свой сто-

летний юбилей), на протяжении всего своего существования оказывал огромное влияние «на ум и сердца» молодежи. Я не стал исключением.

Еще на всем жизненном пути мне везло с учителями. В далеком 1976 году свои первые шаги в научном познании я сделал под руководством зоолога и охотоведа, кандидата биологических наук Н.Н. Мошонкина.

Николай Николаевич, старший научный сотрудник лаборатории зоологии и паразитологии Астраханского заповедника, преподавал мне первые уроки полевых работ.

Научные интересы его как териолога были связаны с исследованиями морфологии и экологии наземных млекопитающих дельты Волги, с мониторингом численности и популяционного статуса мелких млекопитающих, а позднее с пионерными работами по поддержке и интродукции в волжские угодья европейской норки.

Мой наставник показывал мне самые разнообразные способы отлова зверей капканами, учил рациональному устройству ловушек-давилок на мышевидных грызунов, щедро делился своими «охотничьими хитростями».

Его немногословные наставления успешно легли в копилку жизненного опыта начинающего исследователя.

Мне нравилось осваивать нехитрые, но трудозатратные зоологические методы работы в условиях астраханской жары, комаров.

Я любил бывать на узких грязевых тропах в соломенно-желтых крепях пятиметровой высоты непролазных тростников, но....

Я не захотел работать в «настоящей науке», а именно, участвовать в кропотливой работе по биологии американской и европейской норки, которых привез Н.Н. Мошонкин для стационарных исследований.

Норки были размещены на звероферме. Это было действующее предприятие. Там работало более сорока девушек и женщин звероводов. Руки у них были вечно покусаны зверьками.

Быстрые как молнии, они успевали укусить во время кормлений. Мне было невыразимо скучно и неинтересно развешивать рационы, брать мазки и пр. Наукой я считал только ту, что бывает «в поле».

Тем более, что в сентябре 1976 года, я принимал участие в своей первой морской экспедиции.

В то время устремления сотрудников заповедника были направлены на многодисциплинарные исследования речных экосистем дельты Волги...

А наличие собственного флота заповеднику позволяло вести регулярные обследования далеко за пределами границ заповедника.

Временно «приписанный» к «полевой службе» экспедиции я появился на новеньком «Ярославце», стройном красавце формата «река – море».

Вместе со студентками Казанского университета, открывал для себя упоительную привлекательность морских странствий.

Дни напролет проводил на море и в обширной мелководной акватории (авандельте). На лодке «Казанка», на шаткой плоскодонке куласике, вплавь и по пояс в грязи, ассистировал гидробиологам при взятии и разборе проб, помогал ихтиологам в установке рыболовческих сетей.

Участвовал в поиске и обработке трофеев в процессе научного отстрела бакланов, в то время считающихся опустошителями рыбных запасов Волжской дельты.

Такова была моя первая суровая, но крайне полезная школа исследователя.

Вообще, по-моему, мнению, 70-е годы прошлого столетия были «золотым периодом» советской науки.

Экспедиции ученых Астраханского заповедника выходили за пределы Астраханской области, в соседние с ней Дагестан, Калмыкию, Гурьевскую область Казахской ССР.

На лаборантский взгляд наиболее интересные поездки были к «свалу глубин» - незримой с поверхности воды границе, где резко начинались уже настоящие морские глубины.

Огромные шипастые осетры, краснобокие морские сазаны, гигантские сомы скапливались в окрестностях ныне «утонувшего» при подъеме Каспия острова «Чистая Банка».

В глубине этого острова ближайший совхоз сохранил свой стада овец на летнем выпасе. На острове болотца и пересыхающие лужи делили утки и кулики,

а на песчаных косах располагались колонии крупных чаек - черноголового хохотуна – красивейшей птицы (вид занесен в Красную книгу СССР).

Именно в местах компактного размножения этих птиц была прекрасная возможность масштабных работ по мечению птенцов с целью выяснения путей их миграций и мест зимовок.

Возможность массового обследования состояния птиц позволяла получать интересные сведения не только орнитологам.

Взятие микробиологических проб и зооветеринарные анализы надолго обеспечивало работой паразитологов и вирусологов.

В 80-е годы в процессе таких работ московскими вирусологами были получены интересные сведения по птичьему гриппу и другим вирусным заболеваниям птиц.

Работа в Каспийской орнитологической станции Астраханского заповедника и, в первую очередь уникальные знания и наставнический талант моего шефа орнитолога Германа Михайловича Русанова, определила мой путь на годы вперед.

Выпускник 1983 г. зооинженерного факультета Всесоюзного сельскохозяйственного института заочного обучения (г. Балашиха, Московская обл.), я получил очень уважаемую в советское время специальность «биолога-охотоведа».

Моя дипломная работа по водоплавающим и околоводным птицам западных подстепных ильменей Астраханской области была защищена «на отлично».

В работе использовались данные регулярных учетов птиц за десять лет, поскольку собственный полевой материал начал собирать с седьмого класса сельской школы, а закончил с окончанием института.

Руководителем квалификационной студенческой работы был известнейший специалист по морским млекопитающим - профессор А.Г. Томилин.

После окончания института, мне была предложена аспирантура во ВСХИЗО и должность охотоведа в одном из престижных московских охотхозяйств, но молодой специалист избрал иной путь, и я отправился работать охотоведом на Дальний Восток.

Преподавать я начал лекции в 1999 году, и сразу же стал работать в должности профессора кафедры.

Я читал более пятнадцати различных дисциплин, работал в пяти дальневосточных вузах, у меня было более ста двадцати дипломников, 16 аспирантов и соискателей, но среди них не было ни одного охотоведа.

Р.Ж. А можно услышать от Вас поподробнее о Ваших научных исследованиях?

В.Б. С 1985 г я начал работать в лаборатории экологии и охраны животных Тихоокеанского института географии (ТИГ) ДВО РАН в должности старшего лаборанта и имел возможность вести собственные исследования.

В ТИГе я прошел все ступени традиционной академической карьеры – старший лаборант, инженер, аспирант, младший научный сотрудник... и так вплоть

до должности ведущего научного сотрудника в стенах одной и той же лаборатории.

Мои исследования очень разноплановы. Размах интересов от задач сохранения популяций уникальной дальневосточной кошки до экологии и охраны водоплавающих птиц Северной Азии; от практических вопросов психотерапии, здоровья до экзистенциальных вопросов философии.

Мне интересно примерить свой «взгляд», вникнуть в суть множества проблем. Всем я этим занимался, доходя до определённой видимой только мне «точки». Пропадал интерес к «старому», старался найти – новое!

Самыми незабываемыми стали мои первые три года работы в институте. Я приезжал в город, чтобы отчитаться за полевые работы, получить скромные «полевые» деньги и свою скромную лаборантско-инженерскую зарплату.

Затем вновь возвращался к исследованиям природы в леса, горы и болота Дальнего Востока. Меня уже ждала машина, поезд, самолет...

Утолив свой «охотничий бег» открытия новых территорий, я понял, что многообразие природы и проблемы ее охраны требуют терпеливой работы.

Я все чаще и чаще стал задумываться над фундаментальными научными проблемами. В течение двух десятков лет я курировал и до сих пор отчасти продолжаю мониторинг состояния охотничье-промысловых, редких и исчезающих видов птиц Восточной Азии.

Мной были составлены кадастры для ряда редких и исчезающих видов дальневосточной орнитофауны, разработаны первые тематические базы данных, ориентированные на организацию учетных материалов для создания статистики о живой природе России.

Исследования продолжают расширяться и углубляться, приобретают многоплановый комплексный характер...

От проблем защиты охотничьих птиц и редких видов животных я «сдвинулся» к разработке комплексной системы устойчивого природопользования на Дальнем Востоке.

Наметились попытки реализовать в конкретных проектах парадигму устойчивого развития. В ООН это пытаются «внедрить» более трех десятилетий

Мне знакомы сложнейшие проблемы изучения, оценки, информационного обеспечения и сохранения всего разнообразия животного и растительного мира, ландшафтов, экосистем.

Более тридцати лет я проводил свои исследования по инвентаризации и охране животного и растительного мира юга Российского Дальнего Востока. Сейчас мне интересны масштабы всей планеты.

Все что связано с водой – это другая моя основа исследований. В начале этого века мы опубликовали ценную сводку по водно-болотным угодьям юга Российского Дальнего Востока.

Результаты многолетних экспедиционных работ легли в основу международной системы практического мониторинга состояния популяций диких животных в регионе в современных условиях.

На основе этого опыта и знаний была предложена и обоснована сеть ключевых точек для сохранения и мониторинга водных и околоводных птиц Восточной Азии.

Может и повторим эту работу, китайцы сейчас этой темой активно интересуются.

Р.Ж. Вас знают не только как опытного исследователя-натуралиста, знатока дальневосточной природы, разбирающегося в сложнейших природоохраненных проблемах.

Много лет Вы участвовали в сложных многоступенчатых процессах работы в рамках Конвенции о биологическом разнообразии, в частности в контексте защиты традиционных знаний и моделях устойчивого неистощительного природопользования на малонаселенных территориях коренных народов в различных регионах мира.

В.Б. Удивительные ландшафты лесной реки Бикин (Приморский край) и люди, живущие там открыли мне новый мир, тот которым смотришь, одновременно заглядывая и в себя.

Конкретные знания о традиционном образе жизни и своеобразном хозяйствовании аборигенов бывают постоянно востребованы зарубежными коллегами.

Я принимал участие не менее, чем в полутора десятке международных проектов, посвященных сохранению окружающей среды, поддержанию культуры и традиций коренных малочисленных народов России.

Всем миром удалось тогда отстоять уникальную тайгу, и во многих уголках мира требовался этот удивительный опыт, и именно в этом контексте его приглашали в поездки во многие поездки.

Это были страны Юго-Восточной Азии, Севера Европы. Тогда же состоялись мои заморские визиты в экзотические «уголки» Африки, Южной и Северной Америки, тихоокеанской Арктики.

Опыт и знания не остались незамеченными в структурах ООН. В течение пяти лет я исполнял обязанности руководителя информационной службы «Сети коренных народов мира по сохранению биоразнообразия».

А еще (на полном серьезе) состоял в Руководящем Совете Международного Альянса лесных охотников и собирателей тропической и умеренной зоны планеты.

В Гааге, в 2002 г. Ассоциация африканских охотников-пигмеев сделала меня своим пожизненным почетным членом, до сих пор получаю приглашения на их ежегодные собрания и торжественные мероприятия.

Я принимал активное участие в Международной глобальной программе «Оценка экосистем на пороге тысячелетия», где были подведены итоги состояния природной среды во всем мире.

Был экспертом в крупной инвентаризационной работе «Глобальная оценка состояния биоразнообразия пресноводных экосистем крупнейших рек мира», организованной Международным институтом ресурсов (США), ЮНЕП и Всемирным Банком.

Я был одним из российских авторов сводного доклада по биоразнообразию лесов России, представленного в Секретариат Конвенции о биологическом разнообразии.

Был членом редакционного совета серии докладов по традиционным знаниям коренных народов для Конвенции о биологическом разнообразии и Международного Форума по лесам ООН.

До сих пор официально вхожу в состав четырех рабочих групп Комиссии по выживанию видов, в Комиссию по устойчивому природопользованию, и другой - по охраняемым районам Международного Совета по охране природы.

Российский участник международной Арктической сети научных исследований и эксперт Европейской программы по проблеме опустынивания.

Интересный у меня был опыт в период с 2001 по 2005 гг.

Я был российским координатором Секретариата Конвенции о биологическом разнообразии и курировал вопросы информационного и научно-технического сотрудничества науки, государства и коренных народов.

Р.Ж. Вполне очевидно, что ситуация в России трудна для поддержания своих семей даже в городе. А

как наладить жизнь там, где нужно все делать самому, зависеть от природы, и иметь все необходимое для выживания в природе?

Ведь это тот особый образ жизни, без которого трудно представить аборигенов тундры и тайги?

Чем отличаются возможности использования даров природы у наших таежных жителей в других странах, где Вам удалось побывать?

В. Б. В России, как нигде во всем мире, включая Канаду, США, Австралию, и большую часть Южной Америки, сохранились достаточно обширные территории, где проживают коренные народы на своих исконных землях.

Только в России еще в наиболее традиционном виде пока поддерживается широкий набор культурных традиций, связанных с промысловым хозяйством - охотой, рыболовством, добычей морского зверя.

Даже в Канаде и на Аляске этого уже почти нет.

В чем отличие? У нас, прежде всего, на обширных территориях есть возобновимые ресурсы лесов, моря, тундры и арктических территорий. Они служат для поддержки образа жизни в таких местах.

Рыболовство, собирательство дикорастущей продукции и охотничьи промыслы в России создали несколько десятков совершенно оригинальных типов традиционной жизнедеятельности.

Они, как и список мест традиционного проживания коренных малочисленных народов, должны быть узаконены специальным Указом Президента.

Это может стать большим шагом к защите как самих коренных народов, так и мест их жизнедеятельности.

Я сейчас занят изучением и оценкой дикой природы России. Именно коренные жители отличаются наиболее глубокой приспособленностью к жизни в лесах.

Сибирь и Север являются регионами промысловой охоты, и профессиональные охотники, дабы обеспечить себя и семью, должны иметь достаточно большие угодья, особенно при ориентации на ценные меха типа соболя.

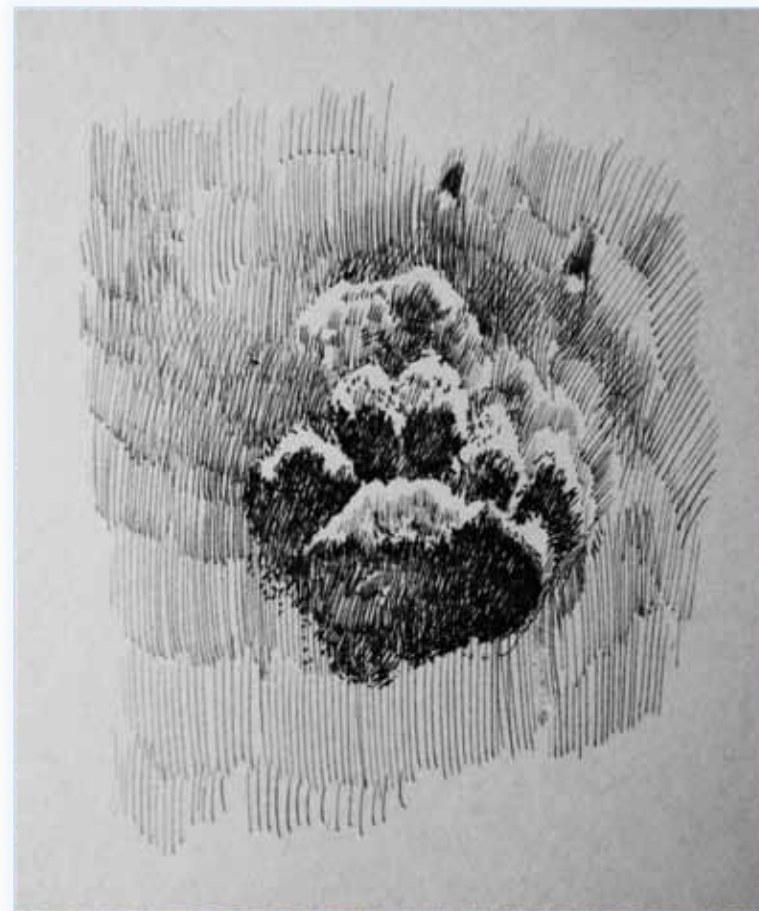
Охотничий промысел таежных охотников коренных народов Сибири и Дальнего Востока до сих пор является важной частью местной экономики и условием для сохранения биоразнообразия уникальных экосистем.

Этот промысел определяет многие особенности отношения к природе разных групп населения. С 50-х годов XX столетия число охотников - профессионалов постоянно снижается, и основная роль в изъятии продукции отходит к любителям.

Вот это главные проблемы нашего Севера, Сибири и Дальнего Востока! А главное мы пока еще имеем – настоящую дикуую природу!

ВВЕДЕНИЕ В ЭТУ КНИГУ	с. 4
УТИНЫЕ КРЫЛЬЯ	с. 10
ПЯТЬ ВКУСНЫХ КАРТИНОК ИЗ МОЕГО ПРОШЛОГО	с. 35
ХАСАНСКАЯ ИСТОРИЯ	с. 61
КЛОКТУН	с. 76
ОХОТНИКИ И БРАКОНЬЕРЫ	с. 90
МАНЧЖУРСКИЙ ФАЗАН	с. 104
ТАМ, ГДЕ ГУСИ ЗИМУЮТ...	с. 116
ОХОТА, КУЛЬТУРА, НАРОД	с. 133
ОХОТОВЕДЫ	с. 145
ОХОТНИК-ТУРИСТ В РОССИИ: КТО ОН?	с. 164
ЛЕСНЫЕ ОХОТНИКИ БИКИНА	с. 181
ФИЛОСОФИЯ ОХОТЫ	с. 200
ОХОТА НА ОХОТУ	с. 216

Литературно-художественное издание

Бочарников Владимир Николаевич

ТЕРРИТОРИЯ ОХОТЫ

Научный редактор академик РАН П.Г. Горовой

Художники: О.Г. Помыткина, А.Д. Сурначева

Корректор: Т.А. Краснопеева

Подписано в печать 12.04.17. Формат 60x90^{1/16}.

Усл. печ. л. 14,75. Тираж 300 экз.

Заказ № D07_0916_005

Издатель Мархотин Павел Юрьевич
Москва, Окружной проезд, д.18, офис 75

Тел.: (495) 665-28-54

www.ontoprint.ru

Отпечатано на собственной
полиграфической базе издателя